

А. А. Лукин

ЛИХА БЕДА...

О героизме и предательстве
в первые дни
войны 1941-1945 гг.

Серия «Наша история»

А.А. Лучин

ЛИХА БЕДА...

О героизме и предательстве в первые дни войны 1941-1945 гг.

ББК 63.3 Л87

А.А. Лучин

Лиха беда... О героизме и предательстве в первые дни войны 1941-1945 гг.. — М.: Белые альвы, 2004. — 192 с. ISBN 5-7619-0181-1

Интерес к делам героическим вечен. Мы помним героев древности и более близкого времени. Они яркими негасимыми звездами сияют на небосводе нашей памяти, до сих пор даря нам чувство гордости за человечество и немного за себя. Герои прошедшей войны требуют не только восхищения, но и защиты. От тех, кто и тогда и теперь не желает нашему народу ни счастья, ни славы, заботясь лишь о своем благополучии. В этом состоит наш гражданский долг перед ними.

Эта книга о самых трудных днях войны - ее начале. Об этом периоде написано много лживого, в том числе о «внезапном нападении немцев». На деле все было иначе. Внезапности не было! Войска всех округов и флотов были приведены в боевую готовность приказом Наркома обороны, кроме Белорусского особого военного округа из-за предательства ее командующего генерала Павлова. Разгром центрального фронта создал немцам благоприятные условия ведения войны летом и осенью 1941 г. Но и тогда верные присяге и Родине воины и многие соединения доказали и силу нашего оружия, и героический дух народа. Им, героям начала войны от севера до юга, посвящена эта книга.

ISBN 5-7619-0181-1

ББК 63.3

Лучин Л.Л., 2004. «Белые альвы», 2001

События первой половины XX века

Структура мира анизотропна (не одинакова), но первая половина XX века эту структуру изломала - искорежила до неузнаваемости, создав непрерывную череду войн и социальных катаклизмов, разметав старые центры культуры и создав новые центры агрессии. Вместе с тем это время создало новые, невиданные до того социальные образования, которые указали Человечеству на возможность бесконфликтного пути развития. Именно этим будет отмечено историей это время.

В начале XX века во всём мире во власти были капиталисты. Капитализм - социальная структура общества людей, а капиталисты - власть этого общества - люди ущербные. Они постоянно воюют с конкурентами - своими лютыми и непримиримыми врагами, которые всегда покушаются на их прибыли-барыши, а по существу на саму жизнь капиталистов ...

И, вообще, у капиталистов нет друзей. У них есть компаньоны, родственники... но все они алчными глазами глядят на их карманы. Потому им не жалко людей, но жалко денег.

Капиталист - порождение жадности, потому ему всегда всего мало. Ему нужен весь мир. И устраивают они мировые войны за новые богатства, за новые рынки - прибыли, прикрываясь от видимой срамоты - жадности каким-нибудь враньём - выдумкой, типа "за свободу и независимость", "за демократию", "за новый мировой порядок", "за освобождение от диктатора", "за права человека".

Так было и 1 августа 1914 г., когда капиталисты затеяли между собой Первую Мировую войну. Но тот ураган изменил политическую карту мира совсем не так, как хотелось его устроителям.

Благодаря первоначальным успехам немцев в той войне на своих восточных рубежах Германия создаёт пояс марионеточных государств за счёт западных территорий России - Польша, Литва, Латвия, Эстония и Молдавия.

Произошли революции: в России - успешно, в Германии и Венгрии - неуспешно. Но идея революции трудящихся, идея освобождения трудящихся от эксплуатации (обворовывания) их капиталистами осталась жить в умах возбуждённого мира.

В 1929 г. Мао Цзэдун поднял восстание на юго-западе Китая (провинция Цзянси), занял город Жуйцзинь и создал там Центральную революционную базу. Там начала формироваться повстанческая армия, которая потом под давлением войск правительства Чан Кайши совершила переход в северо-западные районы Китая и там основала Особый район Китая с центром в г. Яньань.

Потом, после разгрома нашими войсками в 1945 г. японской Квантунской армии, располагавшейся в северной части Китая, армия Мао Цзэдуна, хорошо вооружившись, победила армию Чан Кайши в Гражданской войне и в 1949 г. окончательно изгнала эти силы с территории континентального Китая на остров Тайвань, освободив свой народ от капиталистов.

Укрывшись за океанами, богатела Америка (США), нещадно эксплуатируя своих соседей по континенту, забрав у Мексики обширные северные земли, выгодно торгуя со странами, схватившимися в кровавой мировой войне за передел рынков и сфер влияния, служа убежищем для капиталистов из воюющих стран Европы.

Но эту, казалось бы, безопасную и вполне довольную жизнь на фоне рекламных стоэтажных небоскрёбов вдруг почти ураганно разрушил и разметал экономический кризис ("великая депрессия" 1929-1933 гг.). Остановились фабрики и заводы, производство снизилось в четыре раза. Чтобы сохранить цены на продукты питания, капиталисты (о, великий парадокс капитализма!) сбрасывали в океан тысячи и тысячи тонн зерна. Массово уничтожались продукты животноводства, а бесчётные тысячи людей погибали от голода. И так продолжалось четыре года.

Потребовался гений президента Рузвельта, чтобы преодолен, и чудовищную стихию рынка с помощью государственного регулирования и огромных государственных вложений для оживления промышленности. За государственный счёт Америка начала строить свои дороги. Появились рабочие места, большие заказы в промышленность. Экономическая жизнь

потихоньку оживала. А Рузвельта за этот подвиг буржуи окрестили "красным", так как он перенял у СССР, т. е. "красных", методику планирования хозяйства страны.

В 1934 г. в США из Германии переехало Всемирное еврейское правительство вместе с богатыми еврейскими банкирами, заметно усилив финансовую мощь страны.

Правительство США мало беспокоилось о своей безопасности и потому мало внимания и средств тратило на армию.

Правительство СССР купило у миллионера США Форда в 1928 г. автомобильный завод и построило его в г. Горьком (Нижний Новгород), который вскоре начал выпускать автомобили марки ГАЗ.

При всём том, дипломатические отношения с Советским союзом США установило позже всех, где-то в 1934 г.

К началу Второй Мировой войны США имело развитую индустрию и стабильно развивающееся хозяйство страны. Доллар ещё не стал мировым платёжным средством, но уже повсюду хвалился своим золотым обеспечением и свободной конвертацией на золото.

Американские политики не препятствовали военным конфликтам в мире и всё ещё видели в них хороший бизнес, оказывая оплаченную помощь воюющим странам.

В 1935 г. коммунисты и социалисты победили на выборах в Испании и взяли власть в свои руки, но ненадолго. Генерал Франко поднял мятеж, развязал гражданскую войну в Испании, которая продолжалась почти три года, пока объединёнными усилиями реакционных (фашистских) сил мира (Германия, Италия, Франция, Марокко и др.) они не свергли законное правительство страны.

К этому времени потерпевшая поражение в Первой Мировой войне Германия восстановила свои военные силы и в 1936 г. захватила Австрию, как область, где люди говорят на немецком языке (так называемый аншлюс). Фактически это было сделано с разрешения стран-победительниц (Англии и Франции). В 1938 г. Германия под тем же предлогом захватила Судеты - область Чехословакии с немецким населением, а потом уже вместе с Польшей оккупировали всю страну.

А 1 сентября 1939 г. Германия напала уже на Польшу (начало Второй Мировой войны), связанную договором о взаимной помощи с Англией и Францией, по которому и Англия, и Франция вынуждены были объявить войну Германии. Объявить-то объявили, а вот что делать дальше, они так и не сообразили, пока через год немцы не разгромили их войска за 44 дня.

Немцы создают международный союз или, как его тогда называли, - ось Берлин, Рим, Токио. Все члены этого союза воюют. Япония с Китаем, Италия с Абиссинией и Албанией, Германия фашистской свастикой накрыла всю Европу до границ с СССР. Война подошла вплотную к нашим границам на востоке и на западе.

Надо было и нам понять её неизбежность.

И наша страна и армия тоже готовились к войне. В этой подготовке главным было создать в стране нужную промышленность, которая могла бы производить автомобили, трактора, танки, самолёты и много разного современного вооружения, связь, радио и, конечно, полушубки, шапки и валенки.

История отводила нам для этого всего двадцать лет, чтобы с нуля выйти на уровень выше мирового.

Всё это, кроме того, надо было сделать в промышленно отсталой стране, где продолжается противостояние богатых, лишённых своих богатств, и бедных, взявших власть в свои руки. Всё это - в присутствии чудовищного сионистского фактора, пытавшегося воплотить свои идеи "избранного народа" на 1/6 части суши Земного шара путем государственного переворота в 1937 году. К этой мысли теперь все больше приходят объективные исследователи того времени. Я хотел бы сослаться на Ю.И. Мухина и А.С. Купцова.

Сталин сумел удержать обстановку под своим контролем, разоблачить и сурово покарать врагов народа.

Известная нерешительность заговорщиков проистекала потому, что они не имели хоть какой-то поддержки в народе, которому Советская власть нравилась все больше и больше.

Потому они могли рассчитывать только на дворцовый переворот, который не поддерживают массы народа, и властные структуры. А такой переворот обречен на провал, его организаторы - на суровое осуждение и наказание.

Так что, 1937-й год был логически обоснованным, а потому неминуемым концом еще одной атаки империалистов на государство трудящихся.

Армия только в 1937 г. прочно освободилась от руководства ею сионистами-троцкистами и, как сбросившая пелену с глаз, стала решать стратегическую задачу - куда идти.

Делать ли и дальше лёгкие трехбашенные танки с бронёй, защищающей только от пуль, или вооружать армию танками с мощными пушками и толстой бронёй, хорошо защищающей экипаж и от артиллерии противника?

А проблемы в авиации! Их там десятки крупнейших. Это - моторы, с труднейшими металлургическими проблемами для них. Это - лёгкие конструкционные сплавы для корпусов, пуленепробиваемые стёкла, лёгкие и прочные брони.

Это - вооружение, в том числе, сильные взрывчатые вещества, скорострельность и точность прицеливания.

Это - радиосвязь с её надёжностью и дальностью действия.

Это - ткани для парашютов, одежда и обувь для лётчиков.

Это - ещё топливо и масла и многое, очень многое другое.

Каждая проблема - это работа целых научно-исследовательских институтов, специальных лабораторий и крупных технологических отделов заводов.

Каждая проблема - это работа учёных и инженеров, которых надо вырастить и обучить.

Всё это очень большие и сложные дела. И всё это для того, чтобы летать выше всех, дальше всех и быстрее всех.

Такова жизнь - побеждает сильнейший.

У армии было несколько серьёзных проверок её мощности. Это бои у озера Хасан с японцами в 1938 г. Через год - почти 3-месячная война с японцами же на реке Халхин-гол. Это пятимесячная война с Финляндией в 1939-1940 гг.

Этот опыт учитывался в дальнейшем совершенствовании наших вооружений и тактико-стратегических вопросов ведения боевых действий.

Армия готовилась к войне, и это все понимали. Она полыхала всюду. Вся Европа оказалась в руках у немцев. Только Англия, на своих островах сотрясаясь от немецких бомбардировок, держала не спущенным свой национальный флаг и мужественно боролась против морской блокады немцев. Многие десятки немецких подводных лодок дежурили на морских путях Англии и топили всё, что было похоже на корабль. Англия - великая морская держава, владычица морей, к началу Второй мировой войны еще выглядела таковой, хотя и значительно уступала США. По линкорам - в 2 раза, по авианосцам и крейсерам - в 3 раза, по эсминцам - в 13 раз.

Но по сравнению с Германией, ее военно-морские силы выглядели более чем внушительно:

	Англия	Германия
Линкоры	14	5
Крейсеры	23	9
Авианосцы	48	0
Эсминцы	60	119

Из 5 линкоров Германии только два из них, "Бисмарк" и "Тирпиц", были настоящими линкорами водоизмещением около 50 тысяч тонн, с орудиями главного калибра 381 мм и скоростью хода 55-60 км/час. Это были грозные боевые корабли.

Три других линкора имели водоизмещение около 10 тысяч тонн, но орудия главного калибра были по 381 мм, но меньшим числом, как и другое артиллерийское вооружение. Эти линкоры были прозваны карманными за меньшее, чем у обычных линкоров, водоизмещение.

На этот путь Германию ставил Версальский договор, запрещавший ей производить военные суда водоизмещением свыше 10 тысяч тонн, равно как и военную авиацию, танки, подводные лодки, противотанковую и зенитную артиллерию, Генеральный штаб и многое другое.

На эти ограничения пришедший к власти Гитлер в 1913 г. не стал обращать внимание, резко увеличив программу вооружения.

Вот тогда Германия начала строить и "Бисмарка", и "Тирлица". А несколько позже заложила и авианосцы, которые так

и остались недостроенными. Линкоры же до войны были спущены на воду и в мае 1940 г. "Бисмарк" вышел в океан на торговые пути английских и французских кораблей.

Английская разведка обнаружила "Бисмарка" уже у берегов Исландии и бросила против него свой лучший линкор "Худ" (44 тысячи тонн водоизмещение, девять орудий главного калибра по 406 мм) и крейсер "Принц Уэльский".

"Бой длился две минуты. Залп с "Худ" - в молоко, залп с "Бисмарка" - накрытие с первого залпа. На второй минуте на "Худ" - пламя, на пятой - взрыв, разломивший пополам корабль". (Купцов А.Г. Страшная история оружия. Артиллерия. - М.: Крафт, 2003. - С. 276).

Из 1416 человек экипажа удалось спастись троим. Энтузиазм английских моряков упал до самой низкой отметки. Они еще не забыли о чудовищной атаке немецкой подводной лодки У-47 15 октября 1939 г., незаметно прокрававшейся на главную базу английского флота Скапа-Флоу, которая двумя торпедами в считанные минуты разломилась надвое и отправила на дно флагманский линкор флота "Роял-Оук" вместе с 832 членами команды и командующим английским флотом адмиралом Блэнгроув.

Далее А.Г. Купцов пишет:

"К курсу "Бисмарка" был стянут практически весь флот Великобритании, но когда, развернувшись, "Бисмарк" пошел в атаку на основную группу британских линкоров, английские капитаны в панике бежали с курса "Бисмарка".

Имея скорость около 60 км/час, "Бисмарк" вскоре исчез из поля зрения английской эскадры, а желающих преследовать этот страшный дредноут у англичан не нашлось.

Когда огромные корабли - гордость флота от одной - двух торпед и одного снаряда разваливаются пополам и за секунды тонут вместе со всей командой, нежелание лезть под огонь батарей "Бисмарка" можно было и не называть трусостью.

Уничтожая по пути английские транспорты, "Бисмарк" шел на юг, обходя Англию с запада. На его поиски были брошены все силы флота и авиации Англии. Наконец, 26 мая он был обнаружен в 750 км к западу от Бреста (Франция) летчиками авианосца Арк "Ройял".

Далее А.Г. Купцов пишет:

"В полете они со страха ошиблись и пустили на дно свой же крейсер. ... Торпедами разбит руль. "Бисмарк" управляется винтами и ведет зенитный огонь. Стали подходить эсминцы, которые тут же шли в атаку, выплевывая в "Бисмарка" торпедный запас. Бой перешел в ночь. "Бисмарк" средним калибром долбит эсминцы, а главным калибром ведет дуэль с линкорами "Родней" и "Кинг Джордж V". Не прекращаются налеты авиации, крейсера "Дошетшир" и "Норфолк" в отчаянной атаке вгоняют серию торпед в борт "Бисмарка". Он медленно заваливается на борт и тонет" (с. 377).

Многочасовой бой одинокого рейдера с большой эскадрой английского флота показал, что немцы делают прекрасные линкоры, имеющие большую скорость, огромную огневую мощь и прекрасное бронирование. 28 торпед попали в линкор, но они сдирали лишь краску с бортов. Команда сама приняла решение затопить корабль. Когда он перевернулся вверх килем, то вся подводная часть линкора оказалась неповрежденной. (Мухин Ю. Убийство Сталина и Берия).

Этот бой показал также, что мировой океан не может укрыть одиночное судно. Палубная авиация авианосцев стала такой силой, от которой практически нельзя укрыться. Потому немцы делали упор на подводные лодки, которые только в 1942 году потопили английских судов общим тоннажем 4,5 миллиона тонн. Если брать за основу сухогруз водоизмещением 10 тысяч тонн, то таких судов было потоплено 450 шт.

Рейд линкора "Бисмарк" проходил во время небывалого разгрома Германией Армий Англии и Франции на территории Франции и усиливал, усугублял бедственное положение английской армии, окруженной немцами в Дюнкерке и французской армии на тыловых позициях неприступной "линии Мажино". Цитированный выше А.Г. Купцов так описывает эту линию, защищавшую Францию на границе с Германией.

По сравнению с "линией Мажино" Китайская стена - забор на даче. В "линии Мажино" (внутри) ходили поезда, пролегали шоссе, там были заводы ВПК и, конечно, гигантские орудия из фантастических фильмов, плюс ПВО (хотя те стены не прошибла бы и атомная бомба), склады, кинотеатры и т. д."

Но, мало этого, потерпела поражение объединенная армия по численности и составу вооружения более могущественная, чем армия победительница.

Эту войну Германия начала 10 мая 1940 г. налетом немецких самолетов на сто французских аэродромов, расположенных до 400 км от границы. Налеты были совершены одновременно, но малыми группами бомбардировщиков и без прикрытия истребителями. Уничтожено более 1000 самолетов Франции и Англии. Далее - мощный удар через нейтральную Бельгию танковым клином, разъединившим войска союзников и окруживших отдельно две группировки.

За 44 дня война была закончена капитуляцией Франции. Англия ушла на остров, ожидая своей участи.

Англичане не потеряли воли к победе, но сказать, что у них было хорошее настроение, было бы просто неверно. Они боролись с авиационными налётами немцев, укрепляли побережье острова от возможного десанта немцев, увеличивали выпуск военной техники и вооружения, но над всем этим витал горький дух Дюнкерка. Того Дюнкерка, когда в 1940 г. немцы разгромили англо-французскую армию за 44 дня, а остатки английских войск прижали к морю, захватили всё тяжёлое вооружение и пленили значительную часть армии. Дюнкерк-это траурное время для Англии. Полный политический и военный просчёт руководства тогдашней Великобритании - империи, в которой никогда не заходило солнце.

Политическим это поражение было потому, что не удалось направить военную мощь Гитлера на Восток, а точнее на Союз Советских Социалистических республик (СССР), который рос и укреплялся не по дням, а по часам. А мощь фашисткой Германии, которую они укрепляли и создавали сами, теперь висит над покорённой Европой и Англией огромной бедой - смертями, голодом, холодом, бомбардировками.

Военное поражение англо-французских вооружённых сил, укrywшихся за линией Мажино и имевших большую, чем у немцев боевую силу, было особенно страшным.

Они ждали полного краха и были в своих опасениях недалеко от точного прогноза.

Начался жестокий год блокады для Англии под вой и взрывы немецких бомб. Дело доходило даже до того, что страна осталась без репчатого лука. Раньше лук возили кораблями из Египта, а теперь... топят немцы и корабли с луком.

Это уже потом, в 1941 г., когда немцы нападут на СССР, тогдашний премьер-министр Великобритании У. Черчилль со вздохом облегчения произнесёт слова, что Англия теперь будет спасена.

История и генералы

Руководство нашей страны напряжённо готовилось к войне. Оно видело и знало, что преступный генералитет Троцкого - Тухачевского оставил армию без радиосвязи, без надёжных танков (на вооружении только лёгкие танки), без скоростной бронезащищённой авиации, без автоматического оружия массового использования.

Та небольшая передышка после мирного договора с немцами правительством страны максимально использовалась для вооружения армии современным оружием. И это вооружение стало поступать в части. Был пройден основной этап - разработка и внедрение в промышленность и налажен выпуск первых партий.

Так, в 1940 г. было выпущено 115 танков Т-34 (лучших танков в мире), а в 1941 г. планировалось их выдать армии 2500 им. И командир 28-й танковой дивизии 12-го механизированного корпуса Прибалтийского Особого округа, полковник И.Д. Черняховский

знал, что в июле месяце 1941 г. его танковая дивизия получит танки Т-34 и КВ-1 для комплектования полного танкового полка.

Но получение новой техники затянулось ненадолго. Уже в июне 1942 г. он принял командование над вновь сформированным 18-м танковым корпусом, полностью вооруженным танками Т-34 и КВ-1.

Иван Данилович Черняховский умел воевать. Его этому учили в училище Бронетанковой академии старшие начальники и его солдаты. Эта учёба не прошла даром.

Генерал-полковник Ватулин в июле 1942 г., рекомендуя его командующим 60-й армии, говорил:

- Как танковый командир вы блестяще подтвердили свою репутацию в боях под Шауляем, на Западной Двине и здесь, под Воронежем...

60-я армия в своём составе имела семь стрелковых дивизий, три танковых корпуса и две истребительно-противотанковой бригады.

11а две стрелковые дивизии приходился один танковый корпус!

Даже у немцев в лучшие времена не было такого соотношения пехоты и танков.

Но... как армия готовилась к войне? В том числе к её началу?

Ведь не случайно люди говорят - лиха беда начало.

На память приходит то место в книге воспоминаний начальника Генерального штаба Г.К. Жукова, где он на многих страницах рассказывает, как они с С.К. Тимошенко - военным министром, доказывали И.В. Сталину о необходимости приведения в боевую готовность войск пограничных округов. И вот в 10 часов вечера 21 июня 1941 г. такое разрешение от Сталина было получено. До начала войны оставалось ещё 5 часов!

Но, оказывается, такое указание штабы и командующие округов получили ещё за 4 дня до начала войны!

Смотрю снова книгу Жукова "Воспоминания и размышления" разного времени издания и нигде ничего об этом важнейшем приказе министра обороны и Генерального штаба нет ни слова, ни намёка!

Почему "важнейшем приказе"?

Да потому, что снимается вопрос о внезапном нападении немцев. Этот вопрос со времён Хрущёва "вешался" на Сталина как один из его стратегических просчётов, позволивших немцам дойти до Москвы и Сталинграда. И теперь вдруг выясняется, что и Жуков принимал прямое и непосредственное участие в этой инсинуации (отвратительная выдумка). Как-то сразу стало грустно. Захотелось сказать: "Люди, люди, что же вы так не бережёте свою честь и совесть, являясь перед всевидящим оком истории в таком бесчестном виде. Эх, люди! Слабые и мерзкие вы козявки, а не люди. Вас, оказывается, и стыдить даже нельзя. Вместо совести у вас выросло нечто другое, нечто постыдное".

Я к Жукову начал особенно внимательно присматриваться после того, как "демократы" воздвигли ему памятник почти одновременно с памятниками Мазепе и Бандере. Суть здесь не в памятнике, а в том, кто его воздвигает.

Жукову - трижды Герою Советского союза - памятник уже давно стоит на родине в Угодском заводе (г. Жуков). Чем же он угодил "демократам", если удостоился такой чести - памятника в Москве?

Если внимательно рассмотреть этот вопрос, то выяснится, что претендентов на памятник в г. Москве среди военных может оказаться много.

Почему, например, демократам нельзя поставить памятник лучшему русскому генералу Первой Мировой войны Деникину? А разве плохо смотрелся бы в Москве памятник лучшему полководцу Великой Отечественной войны К.К. Рокоссовскому, командовавшему парадом Победы в 1945 г.? Это он командовал армией в боях под Москвой, и очень успешно. Немцы хорошо это знали. И когда в начале 1942 г. ему было поручено освободить от немцев крупный узел железных дорог Сухиничи и немцы узнали об этом, то в ночь накануне штурма они тихо сбежали из Сухиничей, не разрушив ни дорог, ни мостов, ни депо. А немецкий генерал, командовавший обороной Сухиничей, не успел прихватить с собой даже свой личный гардероб. Или, как говорили в то время, убежал без штанов. Случай если не

единственный, то редкий в той суровой войне. Высокий авторитет у К.К. Рокоссовского был даже у врагов.

Так что с памятниками дело обстоит совсем не просто, да и, скорее всего, не пришло время. В истории тому есть блестящий пример Екатерины II.

Как-то к ней явилась крупная делегация знати России и неожиданно для неё попросила разрешения поставить ей памятник. На что Екатерина II сказала:

- Погодите. Вот умру я, пройдёт лет тридцать, тогда и решите - ставить мне памятник или нет.

Памятник поставили, как и советовала Екатерина II, и он стоит несокрушимо до сих пор и ей, и той "команде", которая вместе с Великой императрицей самоотверженно защищала интересы государства.

но вернёмся к приказу.

Вот как пишет об этом Жуков в своей книге (М.: Издат. АПН, 1971. - С 222).

"Введение в действие мероприятий, предусмотренных оперативным и мобилизационным планами, могло быть осуществлено только по особому решению правительства. Это особое решение последовало лишь в ночь на 22 июня 1941 г. В ближайшие предвоенные месяцы в распоряжениях руководства не предусматривались все необходимые мероприятия, которые нужно было провести в особо угрожаемый военный период в кратчайшее время.

Естественно, возникает вопрос: почему руководство, возглавляемое И.В. Сталиным, не провело в жизнь мероприятия им же утверждённого оперативного плана?"

А оказывается, что Сталин определил "особо угрожаемый военный период" за четыре дня до начала войны и отдал нужные распоряжения. Начальнику Генерального штаба эти распоряжения надо было строго контролировать, о чём Жуков глухо молчит.

Скорее всего, в этих инсинуациях Жукова "зарыта собака", так как оправдывается полная неподготовленность Белорусского Особого военного округа к действиям в "особо угрожаемый военный период".

Мы также помним, что с 1932 по 1937 год командовал Белорусским Особым военным округом Уборевич. А ещё мы помним, что Жуков пристрастно пишет о своём участии в подавлении восстания тамбовских крестьян во главе с поручиком Антоновым. Руководил этим подавлением маршал Тухачевский, который доруководился до того, что просил разрешения у Правительства применить против восставших отравляющие газы. В помощниках у Тухачевского ходил Уборевич.

У Жукова и первый, и второй герои - и великие теоретики, и организаторы военного дела. С тамбовскими крестьянами, доведёнными до отчаяния "своей" губернской властью (секретарь губкома партии - Н.Я. Райвод, председатель губисполкома - А.Г. Шлихтер, губпродкомиссар - З.М. Шуголь, предгуб ЧК - Ф.К. Тараскович), Тухачевский и Уборевич с помощью Жукова кое-как справились, а в польской кампании 1921 г. они себя проявили самым бездарным образом, когда встретились с мало-мальски организованной военной силой. Достаточно сказать, что войска Уборевича (несколько дивизий), спасаясь от поляков, перебежали границу Восточной Пруссии и там сдались немцам. Всё остальное было ещё \\\ же. Основная масса деморализованной армии Тухачевского была пленена, а потом уже сотни тысяч пленных были расстреляны польским правительством под тихое молчание мировой общественности". Только действия 1-й Конной армии Будённого были успешными, которая потом из очень сложных условий вышла с честью. Но это вопреки, а не благодаря "главковерху" Тухачевскому. Кстати, членом Реввоенсовет 1-й Конной армии был И.В. Сталин.

Всё это вопросы к памятнику, который молчит в своей бронзовой стыни, а потому эти вопросы есть предметы к нашим размышлениям. А эти размышления лишний раз показывают, что "... человеческая жизнь была всегда святей, грязней и проще" (Сурков А. Современнику).

Можно спорить о "святости жизни" из приведённой цитаты применительно к любому человеку, но в остальном всё верно.

Но как бы ни были важны наши размышления, пора привести свет истины, опираясь на документы.

Почти случайный отрывок этого документа о подготовке к "особо угрожаемому военному периоду" находится в книге Арама Шарипова "Черняховский" (М.: Молодая гвардия, 1985 третье издание, дополненное). Вот он.

"18 июня в тринадцать часов на основании директивы Военного совета Прибалтийского военного округа командир 12-го механизированного корпуса генерал-майор Шестопалов отдал приказ: "... полковнику Черняховскому с получением настоящего приказа привести в боевую готовность все части в соответствии с планами поднятия по боевой тревоге, но самой тревоги не объявлять. Всю работу проводить быстро, но без шума, без паники и болтливости, иметь положенные нормы носимых и возимых запасов, необходимых для жизни и для боя".

Далее в этом приказе говорилось о перемещении 28-й танковой дивизии Черняховского и всего 12-го корпуса в район города Шауляй, т.е. на прикрытие нашей границы

Надо сказать, что такая директива Военного совета Прибалтийского Особого военного округа 18 июня 1941 г. могла появиться только на основании директивы Генерального штаба или приказа министра обороны. Никакой самостоятельности Военного совета округа на эту тему и в таком масштабе быть не могло.

И действительно, такая директива Генерального штаба от 18.06.41 г. была. Это утверждает, кроме того, Ю. Мухин в книге "Убийство Сталина и Берия".

Владимир Попов из г. Гомеля в статье "Кому служишь?" в "Дуэли" № 46 (291), где он полностью приводит приказ командира 12-го мех. корпуса о передислокации из Риги к границе частей корпуса. А также ... "Приказ Командующего Прибалтийским Особым военным округом № 00229 от 18 июня 1941 г. управлению и войскам округа о проведении мероприятий с целью быстрее приведения в боевую готовность театра военных действий округа".

Сов. секретно, особой важности

С целью быстрее приведения в боевую готовность театра военных действий округа приказываю:

1. Начальнику зоны противовоздушной обороны к исходу 19 июня 1941 г. привести в полную боевую готовность всю противовоздушную оборону округа, для чего:

- а) организовать круглосуточное дежурство на всех постах воздушного наблюдения, оповещения и связи и обеспечить их непрерывной связью;
- б) изготовить всю зенитную артиллерию...;
- в) организовать взаимодействие истребительной авиации с зенитными частями.

До 21.06.41 г. совместно с местной противовоздушной обороной организовать: затемнение городов Рига, Каунас, Вильнюс, Двинск, Митава, Либава, Шауляй.

2. Начальнику связи округа привести в полную боевую готовность все средства связи на территории округа, для чего:

- а) не позднее утра 20.06.41 г. на фронтовые и армейские командные пункты выбросить команды с необходимым имуществом для организации на них узлов связи...;
- б) организовать и систематически проверять работу радиостанций согласно утверждённого мною графика.

Особое внимание обратить на радиосвязь с пограничными корпусами и дивизиями, с пограничными войсками, авиацией...

3. Начальнику военных сообщений округа:

- а) потребовать и помочь организовать на крупных железнодорожных станциях и железнодорожных узлах местную противовоздушную оборону...

4. Командующим 8-й и 11-й армиями:

- а) определить на участке каждой армии пункты организации полевых складов противотанковых мин, взрывчатых веществ и противопехотных заграждений на предмет устройства на определённых, предусмотренных планом заграждении Указанное имущество сосредоточить в организованных складах к 21.06.41 г.;

- б) для постановки минных заграждений определить состав команд...
- д) создать на телшяйском, шауляйском, каунасском и калварийском направлениях подвижные отряды минной противотанковой борьбы... Готовность - 21.06.41г.
- с) командующим войсками 8-й и 11-й армиями с целью разрушения наиболее ответственных мостов в полосе: государственная граница и тыловая линия - Шауляй, Каунас, р. Неман, прорекогносцировать эти мосты, определить для каждого из них количество взрывчатых веществ, команды подрывников... Срок выполнения 21.06.41 г.

5. Начальнику Автобронетанкового управления округа к 21.06.41 г. изъять из 22,24 и 29 корпусов все танки и бронемашины иностранных марок и ... вооружить их мелкокалиберной противотанковой артиллерией.

...

10. Отобрать из частей округа (кроме механизированных и авиационных) все бензоцистерны и передать их по 50% в 3-й и 12-й механизированные корпуса. Срок выполнения 21.06.41 г.

11. Принять меры к обеспечению каждой машины и трактора запасными частями... горючим... вёдрами...

12. Заместителю начальника штаба округа по тылу и начальникам родов войск:

а) до 23.06.41г. до снабдить части всем положенным по табелям;

б) ... проверить готовность каждого склада к большой оперативной работе...

13. Заместителю командующего войсками генерал-лейтенанту Сафронову ... доложить 24.06.41 г. мне план противодесантной борьбы в наиболее вероятных районах высадки десантов. Предусмотреть привлечение для борьбы с десантами бронепоездов с пехотным десантом на них, танковых батальонов, Рижского и Виленского военно-пехотных училищ, перебрасываемых автотранспортом.

Командующий войсками Прибалтийского особого военного округа генерал-полковник Кузнецов.

Член Военного совета округа корпусной комиссар Диброва.

Начальник штаба округа генерал-лейтенант Клёнов.

Если можно прокомментировать этот приказ, то он выглядит чётким, деловым и ориентируемым на войну, включая затемнение городов, на 21.06.41 г.

Приказа генерала Кузнецова по Строевым войскам округа пока не нашли, но зато есть полностью приказ командира 12-го механизированного корпуса №0038 от 18 июня 1941 г. о приведении частей корпуса в боевую готовность, на основании которого он был издан.

Сов. секретно, особой важности (Карта 1:100 000)

1. С получением настоящего приказа привести в боевую готовность все части.

2. Части приводить в боевую готовность в соответствии с нормами поднятия по боевой тревоге, но самой тревоги не объявлять. Всю работу проводить быстро, но без шума, без паники и болтливости, имея положенные нормы носимых и возимых запасов продовольствия, горюче-смазочных материалов, боеприпасов и остальных видов военно-технического обеспечения, с собой брать только необходимое для жизни и боя.

3. Пополнить личным составом каждое подразделение. Отозвать немедленно личный состав из командировок и снять находящихся на всевозможных работах. В пунктах строй дислокации оставить минимальное количество людей для охраны и мобилизационные ячейки, возглавляемые ответственными командирами и политработниками.

4. И 23.00 18.06.41 г. частям выступить из занимаемых зимних квартир и сосредоточиться:

а) 28-й танковой дивизии без мотострелкового полка - в лесах Бувойни (2648), м. Груджай (2040), Бриды (1046), Норейки (1850) - (все западнее шауляйского шоссе).

К 5.00 20.06.41 г. командный пункт-лес 1,5 км северо-западе Норейки (2050).

б) 23-й пайковой дивизии в полном составе - в лесах в районе м. Тиришляй (3680), м. Седа (2366), Тельшай (0676), м. Тришкай (1498).

К 5.00 20.06.41 г. командный пункт - лес 2 км севернее Диоры (северн.) (1886).

в) 202-й мотострелковой дивизии в полном составе в лесах в районе Драганы (9222), Гесьви (9814), Валдейки (8680), Науконис (8418).

К 14.00 19.06.41 г. командный пункт-лес 1,5 км восточнее Сенханы (9416).

г) 10-му мотоциклетному полку в полном составе - в лесу 2 км. северо-западнее Давиоры (1254).

К 5.00 20.06.41 г. командный пункт - лес 1 км севернее Давиоры (1054).

д) 47-му отдельному мотоциклетному батальону в полном составе - в лесу 2 км южнее Адомишки (1256) к 5.00 20.06.41 г.

е) 380-му отдельному батальону связи - со штабом 12-го механизированного корпуса.

5. Марши совершать только в ночное время. В районах сосредоточения тщательно замаскироваться и организовать круговое охранение и наблюдение. Вырыть щели, войска распределить до роты с удалением роты от роты 300-400 м.

6. Организовать на маршрутах движения службу регулирования и восстановления материальной части.

7. Установить в районах сосредоточения безотказную и быстродействующую связь с подчинёнными частями. К 4.00 20.06.41 г. на командный пункт 12-го механизированного корпуса выслать делегатов связи, которых в дальнейшем иметь при командном пункте постоянно.

8. К 23.00 18.06.41 г. донести в штаб корпуса (Елгава) или по телеграфу условной цифрой "127" о выступлении с зимних квартир. В дальнейшем донесения представлять о прибытии в пункты дневок и прибытия в районы сосредоточения.

9. К 20.00 18.06.41 г. шифром донести краткое содержание своих приказов на марш с указанием частей и маршрутов для них, время выступления и места дневок и сосредоточения частей в своих новых районах. Особенно точно указывать время и место на марше и дневках штабов.

10. Командный пункт 12-го механизированного корпуса с 4.00 20.06.41 г. в лесу 2 км. западнее г. Нейсе (1266). До 22.00 18.06.41 г. командный пункт корпуса - Елгава.

Командир 12-го механизированного корпуса генерал-майор Шестопапов.

Начальник штаба корпуса полковник Калининченко.

Теперь внимательно вдумайтесь в то, что вы теперь прочитали, и скажите: "Это же историческая сенсация!"

Сенсация, от которой каждый убитый советский солдат в своей кровати и на рассвете 22 июня 1941 г. в Белорусском военном округе должен перевернуться в своей суровой солдатской могиле, потому что это было предательство. Он, солдат, в то время должен был находиться в глубоком, хорошо замаскированном окопе, защищенном пушками, танками и самолётами. Его предали не ротный или полковой командир, его предал командующий округом, а теперь фронтом, для того, чтобы тысячами солдатских смертей заслужить у врага особую милость.

Да, ему одному особую милость врага, который вознамерился поработить, сделать рабами весь народ страны.

Все войска Белорусского Особого военного округа командованием округа умышленно не были приведены в полную боевую готовность и не заняли своих мест на рубежах прикрытия страны от нашествия врагов.

Войска поднимались в приграничных районах немецкими бомбами и снарядами, горели на аэродромах самолёты, выставленные на открытые площадки, танки оказались без горючего.

Именно такая картина начала войны была в Белорусском военном округе.

Прибалтийский военный округ встретил войну с развёрнутыми для боя войсками в приграничной зоне.

Так же организовано встретили войну и южные округа.

Но почему Жуков молчит о приказе, на основании которого армия начала занимать боевые позиции по прикрытию границы ещё 18 июня 1941 г.?

У таких приказов есть пункт:

- Об исполнении донести.

Или:

- О выполнении докладывать каждые сутки в 8.00 и 22.00.

Потому возникает ещё один вопрос: что по этому вопросу докладывал Павлов, и кто эти доклады проверял?

Эти вопросы к Генеральному штабу и его начальник должен был иметь такую информацию.

Но Жуков умышленно её не даёт.

В чём тут дело: честь мундира или иные очень серьёзные мотивы?

Я наблюдал Жукова один раз. Это было летом 1962 г. на пляже Майори (Рижское взморье). Он сидел в раскладном кресле в тени большого дерева и смотрел на море. Было жарко. Изредка он вставал с кресла и, попирая песок пляжа своими кавалерийскими ногами, шёл в море.

Моя жена ждала, пока он зайдёт подальше в море, а потом говорила:

- Пойду с Жуковым купаться.

Но купание с Жуковым всегда проходило врозь.

Когда приходило время обеда, он складывал своё кресло и через дюну шёл к красивому голубому особняку, даче командующего Балтийским флотом, - как тогда говорили, - писать мемуары (воспоминания).

Так было изо дня в день. Опальный маршал сидел один в тени дерева в своём раскладном кресле, и никто ни разу из отдыхающих здесь не подошёл к нему - просто так, поговорить, может быть, даже вспомнить ...

Там, где мы лежали на горячем песочке, было много людей - бывших фронтовиков, но ни один из них не выразил даже мысли вслух - подойти и поговорить с Жуковым, посочувствовать ему за суровое с ним обращение Хрущёва. Видать, народ был далеко от него, как и он от народа. Значит, и книжку свою он писал не для народа, а для "своего величества" и скорее всего, позволил безжалостному перу редактора убрать из неё всё то, что было неудобно власти. Но может быть и такое, что он просто искажал историю в угоду власти, замалчивая некоторые факты и акцентируя внимание читателей на делах второстепенных.

Была у меня ещё одна встреча с Жуковым весной 1942 г. Точнее, встреча не с Жуковым, а с его приказом наступать на Заячью Гору. В то время Жуков был командующим западным фронтом, штаб которого располагался на даче Саввы Морозова и в зданиях интерната детей испанских республиканцев. Теперь это город Обнинск, его красивейшая юго-западная окраина с видами на реку Протву и её обширную пойму с лугами и лесами по откосам каньона, сто километров от Москвы.

Та Заячья Гора находится от Москвы по Варшавскому шоссе на -250 км, там, где это шоссе пересекается с железной дорогой Смоленск - Сухиничи. Теперь на вершине этой горы мемориальный комплекс с музеем и памятниками воинам 50-й армии, но не в честь их побед, а как память бездарно погибшим по приказу Жукова.

И чем гут дело?

К весне 1942 г. за линией Западного фронта в районе Вязьмы Дорогобужа - Ельни, в лесах этого района сосредоточились части 33-й армии генерала М.Г. Ефремова и других соединений, участвовавших в попытке окружения Центральной группы войск немцев в начале января 1942 г.

Сил на окружение не хватило, а сами ударные группировки оказались окружёнными в лесах южнее Вязьмы и Ярцева.

Наступала весна. Войска надо было выводить из окружения.

Жуков отверг предложение генерала Ефремова на совместные действия и решил прорваться к окружённым через Заячью Гору.

В валенках по холодным весенним ручьям и лужам шли устные и голодные батальоны на этот прорыв, растратив и вон силы далеко от фронта.

Ночными атаками нашим удавалось выбить немцев с Заячьей Горы, но с рассветом на позиции поредевших батальонов налегали немецкие самолёты, дислоцированные на

расположенном недалеко благоустроенном Шайковском аэродроме, построенном перед войной по последнему слову военной строительства нашими войсками.

После ожесточённой бомбардировки следовала атака немецкой пехоты с танками. У нас танков и сухарей вдоволь не было.

Остатки войск покидали Заячью Гору, чтобы ночью начать новую атаку.

И так до тех пор, пока резервы 50-й армии не исчерпались полностью.

Хороший полководец любую операцию, тем более по освобождению своих из окружения, должен проводить, как хороший полководец. А эту операцию все её участники называли плохими словами. А их везли и везли, раненых, укутанных в тёплые конверты на колхозных санях, хорошо набитых сеном, оттуда, с этой самой горы бессмысленных жертв, выполнявших приказ Жукова, но которому не было жалко этих молодых без толку загубленных людей.

Люди это понимали, и потому уже двадцать лет спустя не подходили к нему на Рижском взморье поговорить по душам или просто спросить - как жизнь и здоровье. Народ знал и то, что свои трофеи он привёз из поверженной Германии в семи товарных вагонах, среди которых только аккордеонов было 8 штук. Кроме того, 4000 метров дорогих тканей, очень много картин старых мастеров, уникальная мебель, утварь. Надо полагать, что были там золото и бриллианты... и не только в семи товарных вагонах.

Когда об этом узнал Сталин, его гневу не было предела. Так уронить своё достоинство! И прямиком заместитель Верховного Главнокомандующего умчался сперва командующим в Одесский, а потом и в Свердловский военный округ.

А люди знали и об этом. Потому и сидел он под деревом один-одинёшенек, а народ не шёл к нему.

О, народ, великая мудрость заключена в твоих бездействиях.

Только её надо уметь понимать, уметь читать твои мудрые мысли и скрытый неодолимый смысл.

Прошли года. Появились новые материалы о Жукове. Вот передо мной статья В.И. Лактионова "Берзарин и Жуков" ("Дуэль", № 10 (307)). Начинается она так.

"Умные люди не опускаются до интриг, это люди дела и чести. Не следует путать умных с великими интриганами. К людям чести следует, наверное, отнести и обладающих личной храбростью и отвагой по призыву долга. Прослеживается и такая взаимосвязь: бабник и барахольщик не способен на великие дела и поступки во имя своего народа. Он идёт в общем русле дел и событий, руководствуясь личными интересами, Как военный прохвост и интриган, Г.К. Жуков, постепенно входя в раж, в конце Великой Отечественной войны формировал своё окружение и поклонников, о чём невольно проговорился член Военного совета 5-й Ударной армии в конце войны генерал Ф.Е. Боков в своих мемуарах "Весна победы", Воениздат, 1979 г."

Далее в статье идёт материал упомянутой книги, где рассказывается об интриге Жукова по отношению к командующему 5 и Ударной армии генерал-лейтенанту Берзарину Н.Э. Событие это было в декабре 1944 г. перед наступлением на Берлин, где Жукову было определено место Командующим 1-ым Белорусским фронтом, а армия Берзарина после успешных боёв на юго-западном фронте, переместилась под Берлин.

Позвольте не вникать в эту интригу, это уже сделано, но обратить внимание на небезосновательные оценки автора.

Мы лишь, подчеркнём, что он был далек от народа, а потому его действия и на войне, и потом далеки от героических.

Впрочем, с генералами разбираться всегда сложно. Эти люди не любят говорить о своих ошибках, неправильных решениях, а уж о мотивах ... тут лучше истину в их "откровениях" не искать. Её там нет.

О Павлове, когда Жуков увидел его в Москве на 8-й день войны, он сокрушается о его изменившемся в худшую сторону внешнем виде. И более ни одного слова о нём в своей книжке он не пишет.

Ни о том, что за неделю войны немцы заняли всю Белоруссию вместе с Минском.

Ни о суде над Павловым, длившимся почти целый месяц, разбирались досконально.

Ни о том, почему войска округа оказались в зимних казармах, а не в окопах, согласно плана прикрытия границы, т.е. почему Павлов не выполнил приказа начальника Генерального штаба.

Ни о том, почему начальник Генерального штаба не проверил исполнение своего приказа от 18.06.41 г. о приведении войск в боевую готовность.

Действительно, было бы здорово, если бы памятники заговорили после долгого молчаливого созерцания и честного размышления. Но памятники не заговорят, потому это дело - дело истины - возложено теперь историей на нас, чтобы, как учил М.В. Ломоносов, довести до народа "достойных дел должную славу". А если таковой нет, то и бесславие должно быть истинным, а не надуманным, чтобы народ в своей мудрости опирался на твердь Истины, а не на пустопорожность лжи.

***

Здесь мы бросили достаточно беглый взгляд на события первой половины XX века, которые совершались в Европе и Азии.

1-го сентября 1939 г. своим нападением на своего же союзника Польшу, немцы начали Вторую Мировую войну. Её цели были другие, чем у Первой Мировой войны. Немцы и их союзники замахнулись на мировое господство. Капиталистическому чудовищу, нарядившемуся в коричневый мундир со свастикой, теперь требовался весь Мир.

Для выполнения этой задачи они задействовали все средства. Были там учтены измена и предательство, ложь и обман на всех уровнях и, конечно, мощь всей промышленной Европы.

Запугав Англию и блокировав её как остров, немцы уже не видели в ней заметного препятствия на своём пути к мировому господству. И так, для полного исключения Англии из факторов политики, бросили один единственный корпус Роммеля по северному побережью Африки на Египет (в то время английская колония), чтобы Средиземное море полностью взять в свои руки.

Корпус - это всего две-три дивизии, а остальные двести дивизий они бросили против СССР.

Этими силами они намеревались одолеть нашу страну за три-четыре месяца.

Да, вот такой слабой страной казался им СССР - государство трудящихся, изгнавших капиталистов из своей жизни 22 года назад, потом воевавшее с ними и их сторонниками четыре года, отражавшее нападение на севере англичан, на юге - французов, на востоке - американцев и японцев и до 1937 года боровшееся с тихим сионистским нашествием. Они знали и этих врагов Советского союза, бежавших к ним, когда над ними нависала угроза отвечать за свои дела.

Они ошиблись в своих расчётах. Воины Красной армии героически защищали свою землю. Они не бежали от их танков, прошедших победно по всей Европе, а укрывшись в окопе или малозаметной канаве, подпускали их на 20-30 метров и жгли их, используя бутылку с бензином, рвали им гусеницы связками гранат, расстреливали из пушек, пробивая их броню и превращая эту стальную коробку с пушкой и пулемётами и металлолом.

Они ошиблись в своих расчётах. Воины Красной армии вскоре вооружившись новой техникой, сначала отучили немцев ходить в психические атаки, а потом приучили к танкобоязни и самолётобоязни и разметали сотни их дивизий с помощью своей техники, мужества воинов и мудрости своих полководцев и командиров по полям Европы, водрузив свои победные знамёна над их столицами, твёрдо назвав, кто есть кто.

Северо-западный фронт, генерал И.Д. Черняховский

То, что происходило на Северо-западном фронте в первые часы войны, полностью соответствовало приказу наркома обороны и Генерального штаба от 18 июля 1941 г. о приведении войск в боевую готовность. Еще один тому пример приводит автор-составитель сборника "Бог войны" полковник - инженер А.Н. Латухин (М.: Молодая гвардия, 1979).

"22 июня 1941 г. в 16.00 9-я противотанковая артиллерийская бригада (командир полковник Н.И. Полянский) заняла боевые позиции на подступах к г. Шауляй в Литве. 636-й полк этой бригады оседлал шоссе Таураге-Шауляй и расположился вдоль реки Дубисса. 670-й полк занял огневые позиции севернее дороги между озерами. Бригада занимала общий фронт обороны в 46 километров, глубина участка обороны составляла 15 километров.

Подпустив вражеские танки на близкое расстояние, батареи 636-го противотанкового полка внезапно открыли прицельный огонь и сразу подбили более десяти танков. В ходе боя артиллеристы оказались в окружении, но не оставили своих позиций. В течение полутора суток днем и ночью они мужественно сражались и подбили до 70 танков врага. В ночь на 24 июня 1941 года полк с боями вышел из окружения, потеряв всего несколько орудий.

За 30 дней ожесточенных боев бригада Н.И. Полянского уничтожила до 250 танков врага.

В этих боях совершил свой бессмертный подвиг наводчик 8-й батареи бригады Серов. В одном бою он уничтожил из своего орудия 18 танков врага. Было чем воевать!

Эта часть была подготовлена к войне и встретила врага на оборудованных позициях умело и мужественно.

Согласно приказу командира 12-го корпуса, Черняховский вывел свою танковую дивизию в лес, находящийся в 20 км севернее Шауляя. 20 июня в ночь он переместил свой штаб и 55-й танковый полк в соседний лес, который показался ему более удобным. Подразделения были хорошо замаскированы, вырыты щели для укрытия личного состава, налажена связь со штабом корпуса и подразделениями дивизии, усилены дежурные подразделения. И как только над лесом распространился гул многих авиационных моторов, надвигавшийся с запада, дивизия была поднята по тревоге. Личный состав дивизии занял места согласно боевому расписанию и нас пиона и, как интенсивно немцы посыпают бомбами с пикирования вчерашнее месторасположения дивизии. Визг бомб, клубы черного дыма от их взрывов вперемежку с сучьями и кусками стволов деревьев, громкие взрывы, сливающийся в затаенной рокот интенсивной бомбардировки наблюдали воины дивизии Черняховского с безопасного расстояния, и уже ми да у многих из них возникла уверенность в мудрости их Командования. Так начал зарождаться и крепнуть боевой дух воинов 28-й танковой дивизии. А когда на другой день войны по приказу командования дивизия атаковала наступающих Немцев, то в том бою немцы потеряли 14 танков, двадцать орудий, до батальона пехоты и отступили перед этой организованной и мощной силой на пять километров.

Педантичное командование немецкой армии строго контролировало график движения своих войск. Уже 23 июня 1941 г. Гитлер лично указал командующему 16-й армией генерал полковнику фон Бушу на отставание от графика на один день. По этому графику 23 июня немцы должны были взять г. Шауляй, а они до сих пор не подошли к нему ближе, чем на 20 километров. А вечером под воздействием 28-й танковой дивизии русских ещё и отступили на пять километров. Это неслыханно!

Потому фон Буш уже 24 июня бросил на дивизию Черняховского, из состава которой был взят мотострелковый полк в резерв командующего фронтом, а другой мотострелковый полк был взят ранее на охрану штаба фронта, т.е. бросил только на танковые подразделения дивизии большие силы мотопехоты, поддержанной танками.

Разгорелись танковые бои. "28-я танковая дивизия дралась героически. Части дивизии в труднейших условиях не только остановили врага, но и контратаковали и вклинились в его боевые порядки" (А. Шарипов, с. 62).

На другой день части Черняховского атаковали сами наступавших немцев, давили пушки и мотоциклистов, уничтожали танки врага, а, перейдя к обороне, на некоторых участках отбили до 13 атак немцев за день.

Фон Буш рвался к Риге. Его торопили Верховное командование и сам Гитлер, но на пути к Риге стоял город Шауляй, до которого ему предстояло пройти 20 кровавых километров под небом, чёрным от дыма его сгоревших танков.

За эти четыре дня боёв немцы уже взяли в клещи Западный фронт, а на пятый день войны возьмут и г. Минск, а здесь ... Фон Буш свирепел, бросал и бросал авиацию, танки и пехоту на эту трижды уничтоженную 28-ю танковую дивизию русских, но она выдержала все его атаки и только на пятый день оставила г. Шауляй, чтобы снова стать мощной силой на пути к Риге в пяти километрах за Шауляем. И опять у этого полковника Черняховского хорошая позиция для обороны, прикрыты фланги, а плотный огонь танков и пулемётов уничтожает его лучших солдат и офицеров, тех, что покорили Францию, Югославию и Грецию. Фон Буш нервничал и плохо спал. Он не мог победить дивизию русских, вооружённую танками устаревших конструкций, располагая огромным преимуществом в новой силе и технике.

А на девятый день войны, по свидетельству уже цитированного А. Шарипова, подводя итоги боёв дня, Черняховский говорил своим командирам частей:

- Оказывается, не так страшен чёрт, если встречают его с уменьем. Когда мы отрыли окопы и закопали в землю наши танки, превратив их в огневые точки, враг не смог нас одолеть.

И невольно на ум приходит Суворовское: "Воюют не числом, а уменьем".

Сколько к тому времени оставалось танков в дивизии Черняховского, после 9 дней тяжёлых непрерывных встречных боёв, контратак и обороны, из 250 машин к началу боёв? Вряд ли их было больше согни. А напряжённость боёв нарастала. Враг отставал от графика наступления уже почти на неделю. Немецкие генералы гнали в бой всё новые и новые части, предназначенные планом "Барбаросса" для взятия Ленинграда, а они уже в лесах и болотах Прибалтики теряли свой боевой дух, людей и технику, штурмуя каждый день оборонительные рубежи дивизии Черняховского, прикрывавшей магистральные дороги и загоняя немецкие танки в бездорожье, где резко снижалась их скорость и маневренность и тем самым заставляя врага терять время и технику - побеждая уменьем.

За 10 дней непрерывных немцы смогли оттеснить дивизию Черняховского только на 100 километров. Это совсем не было похоже на молниеносную войну.

Здесь, в Прибалтике, немцы не смогли решить свои страна имен кие задачи.

Свой стратегический удар по войскам Северо-западного фронта немцы наносили из Восточной Пруссии по 11-й армии. Дальнейшее продвижение немцев (IV танковая группа) планировалось следующим образом. Ударом на Ригу через Шауляй отсечь 8-ю армию и, прижав её к морю, уничтожить. Остальные силы направлялись на Псков, Новгород и далее на Ленинград. По 11-й армии наносила удар ещё 3-я танковая группа генерала Гота, которая двигалась потом через Каунас, Вильнюс, Молодечно на Минск и далее севернее Смоленска на Москву. На эту армию обрушились удары двух танковых групп немцев. Ни одно соединение нашей армии не оказалось под воздействием удара такой силы. И при этом за первый день боёв соединения армии отошли только на 30 км.

На Западном фронте, где войска выходили из казарм под огнем, за первый день боёв немцы продвинулись на 60 км, вышли на правый берег Немана, захватив исправными мосты и уже на третий день войны были под Минском.

Здесь всё было иначе. Предпринятые командованием 8- и армии меры позволили удерживать Шауляй в течение четырёх суток. За это время армия ушла из приморской зоны и переправилась на восточный берег Западной Двины. Эту задачу и основном обеспечивала 28-я танковая дивизия полковника И.Д. Черняховского и приданные ей части.

Надо сказать, что дивизия имела 250 танков Т-26 и БТ-7 и 90 бронемашин. По плану перевооружения, в июле 1941 г. дивизия должна была получить новейшие танки Т-34 и КВ-1 для комплектования полка.

Что представляли собой танки Т-26 и БТ-7? Танк Т-26 имел броню максимальной толщины 15 мм, а его бензиновый двигатель позволял этой 10-тонной машине развивать скорость до 40 км/час. Вооружение танка составляло: 45 мм пушка и два пулемёта.

Танк БТ-7 имел такое же вооружение, как и танк Т-26, но броневая защита была увеличена до 20 мм. Вес - 13,6 тонн, скорость максимальная - 55 км/час.

Кроме того, дивизия имела мотострелковый полк и гаубичный полк.

Это было достаточно сильное и манёвренное соединение. Немцам за две недели непрерывных боёв ни разу не удалось прорвать рубежи защищаемые дивизией. И это были не просто бои, а ожесточённые сражения с использованием всех сил и средств с противником, который иногда предпринимал до 10 атак в день при поддержке танков и авиации. Некоторые атаки немцев превращались в массированные сражения продолжительностью до 4-х часов, когда противник наращивал и наращивал натиск, любой ценой стремясь сбить с дороги эту 28-ю танковую дивизию русских, уже многократно уничтоженную немцами по их оперативным сводкам. Но, воюя с открытыми флангами, дивизия не давала себя окружить и стремительно выходя из "мешков", на новых рубежах вставала снова грозной силой, которую вновь и вновь немцы атаковывали, густо устилая поля боёв трупами своих солдат и офицеров и дымными кострами своих горящих танков.

И если количество танков в 28-й танковой дивизии И.Д. Черняховского постоянно уменьшалось, то плотность ружейно-пулемётного огня стрелковых подразделений возрастала. Это происходило потому, что со своих подбитых или неисправных танков танкисты снимали пулемёты и действовали как пехотинцы. Выходило так, что почти каждый свой подбитый танк давал пехотным подразделениям дивизии новую пулемётную ячейку.

В бой с немцами 28-я танковая дивизия полковника И.Д. Черняховского вступила под г. Шауляем утром 23 июня. Четыре дня шли бои за этот город. Только в бою 25 июня дивизия потеряла 78 танков. Были заметные потери и в людях. Город оставили только под угрозой окружения. Потом 60 километров до Елгавы, по дороге на Ригу, отступали три дня с рубежа на рубеж, каждый раз жёстко обороняя его. А в это время 8-я армия выходила из клайпедского "мешка", лишая немцев стратегической цели их наступления на Ригу.

И этих боях И.Д.Черняховский был замечен командованием как смелый и умный военачальник, а его последующие успехи в боях как командира пехотной дивизии утвердили это мнение о нём с самой лучшей стороны.

Через год от начала войны И.Д. Черняховский - командир 18-го танкового корпуса, оснащённого танками Т-34, успешно сражается против немцев в районе г. Воронежа.

- 18-й танковый корпус из танков Т-34.

- Откуда взялись эти танки?

А уже формируются танковые армии. В боях задействованы 1-я, 2-я, 4-я и 5-я танковые армии. В них нет танков Т-26 и БТ-7, но только Т-34 и КВ-1. И сработали их наши танковые заводы за 1942 г. более 24000 шт., а авиационные заводы в ю же время дали 25000 самолётов. Кроме того, для них было вдоволь заготовлено горючего и боеприпасов.

Но ведь в 1940 г. было изготовлено всего 115 шт. танков Т-34! Откуда взялась такая масса танков и самолётов?

Так заботился Сталин о своём народе и его воинах, укрывая их прочной бронёй танков и защищая мощным огнём его оружия.

Через месяц боёв за Воронеж И.Д. Черняховский назначен командующим 60-й армией. Теперь о его успехах говорят Жуков, Василевский, Штеменко, Антонов - представители Ставки Верховного командования. Боевые дела 60-й армии в 1943 г. принесли стратегические успехи нашему оружию. Показательна в этом отношении "Острогужско - Россошанская операция", проведённая в январе 1943 г., в которой участвовала и 60-я армия. (Немцы ещё сидят в Сталинградском "котле".)

Начиналась операция после тщательной разведки ночной атакой корпуса в 25-градусный мороз. Атака была успешной и без больших потерь. Представьте себе итальянца или немца, выброшенного на этот мороз в качестве надёжного воина. Руки липнут к металлу, автомат не стреляет, к пушке нельзя прикоснуться, моторы танков не заводятся ...

Вот и бросали они свои пушки, танки и автоматы и поднимали кверху руки.

- Конец войне! Гитлер-капут! - орали простуженными глотками завоеватели мира, выдыхая клубы белого пара.

Операция была проведена за 15 дней. Было "... окружено и уничтожено 15 немецких, итальянских и венгерских дивизий и ещё шести дивизиям нанесено тяжёлое поражение, взяли в плен свыше 86 тысяч солдат и офицеров, много вооружения, боевой техники, огромное количество военного имущества и снаряжения" (Василевский А. Дело всей жизни).

Чтобы расшифровать выражение "много вооружения", продолжим цитату из названной книги.

"За 4 дня операции было захвачено в плен 52 тысячи вражеских солдат и офицеров, 170 танков, 1700 орудий, 2800 пулемётов, 4000 миномётов, 6000 автоматов, 1500 лошадей, 55 тысяч винтовок... свыше 150 различных складов".

Если обо всём этом сказать короче - 2-я немецкая армия перестала существовать. В немецком фронте образовалась брешь шириной в 250 км. 60-я армия освободила г. Воронеж.

Тогда ещё генерал-полковник К.К. Рокоссовский так характеризовал командарма 60-й армии, генерала И.Д. Черняховского.

"Он не только прекрасно подготовлен в военном отношении. (Черняховский окончил в 1936 г. бронетанковую академию. - Авт.) Это и человек высокой культуры. Несмотря на свою молодость, он достиг того, чего не могли достичь многие маститые командующие, имеющие большой опыт. Черняховский добился такого положения в армии, когда подчинённые выполняют его приказы с любовью". (Шарипов А., Черняховский. - М.: Молодая гвардия, 1985. - С. 137).

После Орловско-Курской битвы 60-й армии генерала И.Д. Черняховского определялось вспомогательное направление наступления - обеспечение левого фланга главной группировки генерала Батова. Успех войск генерала Черняховского в этом наступлении был так значителен, что командующий фронтом генерал-полковник Рокоссовский усилил войска Черняховского танковым корпусом и сделал это направление главным.

«Корпус генерала Бондарева и танки полковника Рудченко вырвались вперёд. За разрывами снарядов нашей артиллерии тридцатьчетвёрки атаковали промежуточный рубеж обороны противника, за танками шла пехота, с неба штурмовали врага краснозвёздные Илы" (Шарипов А., Черняховский, М.: Молодая гвардия, 1985. - С. 150).

Наверное, наблюдая эту картину боя, у Ивана Даниловичи Черняховского брови сошлись к переносице, потому что у него в памяти на мгновение возникли картины других боёв, которые вели его войска летом 1941 г. в Прибалтике, сдерживая и громя превосходящие по силе войска немцев и нанося им невосполнимые потери

Наверное, ему вспоминался и майор Онищук со своим экипажем, сражавшийся в подбитом танке до последнего снаряда и предпочёвшего смерть в огне позорному плену у врага. Вспоминал он, наверное, и майора Павлова, давившего своим танком пушки немцев до тех пор, пока не был он сам сражён в очередной атаке на немецкие батареи.

Наверное, он многое вспоминал из тех яростных боёв 1941 года, глядя глазами полководца на всепобеждающую силу огня и техники наших войск, которые безжалостно громят и гонят чванливых "властителей мира" назад, в своё логово приближая их к неумолимой каре - возмездию.

У него было ещё время вспомнить об этом, когда он во главе 1-го Белорусского фронта освобождал Белоруссию и Прибалтику.

Черняховский за время войны ещё раз встретился с Бушем. Первая встреча произошла с его войсками 23 июня 1941 г., в результате которой Буш получил замечание от фюрера из-за отставания наступления на один день от запланированного графика побед рейха. А через десять дней войны Буш уже отставал от того графика на восемь дней. И хотя у Черняховского были трудные бои, Бушу не удалось победить 28-ю танковую дивизию русских. Видать, Черняховского не зря учили четыре года в Бронетанковой академии РККА.

Вторая встреча у Черняховского с Бушем произошла во время операции "Багратион", предназначенной для уничтожения Центральной группы войск немцев. Командовал этой группой немецких войск фельдмаршал Буш.

Черняховский тоже не стоял на месте в своей военной карьере. Он уже был генералом армии и командовал 3-м Белорусским фронтом.

Разгром, который устроили войска Черняховского немцам, спрятавшимся за "Восточным валом", неприступным по их соображениям, был так велик, что уже на пятый день наступления наших войск Буш был отстранён от командования Центральной группой войск Верховным главнокомандующим немецкой армии Гитлером.

Вот как оценивал командир 206-й пехотной дивизии немцев генерал Хиттер действия войск генерала Черняховского в этой операции:

- Мы были изумлены силой, наличием боевой техники, а также военным искусством русских под Витебском. (Шарипов А., с. 244).

Надо сказать, что это искусство русских, их боевая техника и сила духа войск уже не ослабевали до конца войны.

Маленький осколок немецкого снаряда, которыми они периодически обстреливали перекрёстки дорог, находящиеся в тылу наших войск, оборвал жизнь этого прекрасного полководца 18 февраля 1945 г. Его войска уже окружили немцев в Кенигсберге и готовились к его штурму.

Его соратники осуществили разработанные им планы штурма Кенигсберга, когда он уже вошёл в бессмертие в названиях городов, улиц, памятников.

Таков был крестьянский сын Иван Данилович Черняховский, воспитанный и выученный Советской властью и ставший славой Советского народа.

Когда говорят о репрессиях 37-го года, которые в основном коснулись наследников и выдвиженцев Троцкого на высших командных постах Красной армии и других государственных должностях, мне вспоминается один эпизод из жизни И.Д. Черняховского.

Отец И.Д. Черняховского работал конюхом у одного помещика. Когда тот помещик в 1917 г. сбежал, то его конюх роздал лошадей помещика безлошадным крестьянам села. Это стало известно далеко по округе. Потому, когда через год село заняли петлюровцы, этого конюха и его жену они решили расстрелять без промедления, для чего и повели их за околицу к ближайшему оврагу. Народ села стремительно поднялся и, вооружившись вилами да топорами, бросился на выручку Черняховских. Петлюровцы испугались этой силы. Расстрел не состоялся. Но после того родители И.Д. Черняховского прожили около года. Их убил тиф. Сиротами остались шестеро детей. Ивану Даниловичу в то время было около 12 лет. Хлебнул лиха он в те годы в полной мере. Но он был всегда среди людей и всегда упорно работал и хорошо учился.

И вот, в 1936 году, когда он уже учился в бронетанковой академии, туда приходит письмо с его родины, подписанное секретарем райкома, что И.Д. Черняховский скрыл своё происхождение, что отец был якобы помещиком, а не бедным крестьянином. Долго разбирались и выяснили, что письмо лживое.

Прошло около года. Черняховский уже служил командиром противотанкового батальона, когда с родины пришла интересная новость. Тот секретарь райкома, который "создал" письмо о Черняховском, оказался не тем, за кого он себя выдавал. Разоблачение произошло почти случайно. Этот секретарь райкома опубликовал свою советскую статью в областной газете, и, конечно, подписал её полным именем.

Эта статья попала на глаза жителю г. Харькова, у которого пропал в гражданскую войну брат. Имя, отчество и фамилия совпадали - всё как у брата. И он решил на него посмотреть, как говорится, заглянуть в бесстыжие глаза.

- Мать о тебе все глаза выплакала. А ты ... Дальше он думал уже сплошь ругательными словами.

Но когда он увидел этого "своего брата", то обнаружил совсем чужого человека. Органы стали разбираться и выяснили, что этот петлюровский офицер живёт и действует по чужим документам, которыми он воспользовался, отобрав их у раненого командира Красной армии, попавшего в плен к петлюровцам. Там в плену они долго изучали его жизнь и связи, а потом расстреляли его.

С чужими документами и враждебными намерениями он; проник в партийные властные структуры, чтобы вредить! Вредить хитро, осторожно, но всегда и везде. Это был классовый враг - непримиримый, активный и жестокий.

К несчастью, некоторые из этих врагов не были устранены из нашей жизни к началу войны. Одним из таковых был Павлов. Он не сумел преодолеть своего прошлого, когда топил свои танки в болотной пойме Гвадалахары, когда обеспечивал стратегический рынок немцев к Москве в 1941 г., обезоружив войска Западного фронта, когда убивал своих к выгоде врагов.

"Черные души" предателей неизлечимы. Это понимали все. Чингиз-хан, например, пользовался информацией: предателей, но он всегда распоряжался, чтобы предатель больше не видел нового восхода солнца. Это опыт истории. И это правильный опыт Истории.

И.В. Сталин был очень образованным человеком. Он знал историю и правильно пользовался её опытом с учётом законов рабоче-крестьянского государства.

Западный фронт, Белорусский Особый военный округ

Нам особый интерес этот фронт представляет потому, что здесь немцы наносили, в соответствии с планом «Барбаросса» свой главный удар на Москву, рассекая наш фронт обороны на две изолированные части. В северо-западной части конечной целью был Ленинград, в юго-западной – Киев, Запорожье.

Основной стратегической методикой ведения боевых действий по плану "Барбаросса" немцы определили глубокие охваты обороняющихся танковыми и механизированными соединениями. И дальнейшее уничтожение окружённых войск, лишенных боеприпасов, продовольствия, горючего и др. в приграничных районах.

Конфигурация территории Белорусского Особого военного округа, имевшего Белостокский выступ, далеко уходящий на запад по линии Брест - Гродно, облегчала немцам решение их стратегической методики - глубокого окружения танковыми клиньями нашей приграничной группы войск-3-й, 10-й, 4-й армий, расположенных в этом районе.

Командовал этим округом, а потом и западным фронтом, генерал армии Павлов.

Немцам не удалось достигнуть убедительной победы в этих приграничных сражениях, хотя мы понесли известные потери в людях, территориях и техники. Зато их теперешним апологетам, а особенно русофобам, историей была предоставлена хорошая возможность ругать победителей и хвалить побеждённых агрессоров. Эту тему "перестройка" сделала "модной" для той пишущей братии, в руках которой оказались, и деньги, и печатные станки, а её мораль стала товаром на рынке идеологических услуг.

Мы не будем ставить понятный всем вопрос - кто сделал перестройку.

Мы лишь скажем, что только в 1991 г. ЦРУ (Центральное разведывательное управление США) для своих дел в России дополнительно запросило у своего правительства один миллиард долларов. И вы думаете, эти доллары не дошли до российских абонентов? Дошли!

Именно в массовой скупке чиновников всех мастей, особенно высоких уровней, и состоял главный замысел операции ЦРУ под названием "Перестройка".

В то самое время митрополит русский православной зарубежной церкви Виталий обратился к русскому народу с воззванием, в котором предупреждал и верующих, и атеистов, что "против вас брошены такие огромные силы и средства, которые пострашней и нашествия Наполеона, и нашествия Гитлера".

Митрополит жил в Нью-Йорке и знал, что писать.

И вы думаете, это воззвание митрополита Виталия дошло до народа?

Нет, не дошло!

Его, крадучись, опубликовали на тыльной стороне обложки журнала "Слово" как очередную рекламу зубной пасты. Сам журнал малоизвестный, и форма размещения неприметная.

А вы говорите "свобода слова"?

Не звучало это обращение митрополита Виталия с церковных трибун.

Никто не комментировал это обращение митрополита Виталия в прессе, на радио и телевидении.

Но зато, когда Путин поехал на ранчо к Бушу, митрополита Виталия отстранили отдел. Наверное, вспомнили о его "Послании..." и преподнесли это как подарок правоверному христианину православной конфессии В.В. Путину.

По этой же причине у нас теперь так непопулярны суды над редко раскрываемыми шпионами. Тут же создаются общества защиты безвинно пострадавших: "защитника окружающей среды", "защитника прав человека", "защитника свободы слова". Проходит это дружно громко и организовано. Чувствуется твёрдая и богатая рука ЦРУ.

В советское время перебежчиков и шпионов было мало. Они теперь изображают себя борцами "за права человека". Наиболее типичным представителем этих "борцов" является "писатель" Резун (Суворов). После своего побега в Англию из советского посольства в Швейцарии, где он работал, Резун 7 лет сидел на строго охраняемой военной базе и... писал... писал... писал.

Писал глупость, писал чушь. Писал нелепость.

Писал дрожа, чтобы забыться, и боясь того, что его найдут и вернут в страну, которую он предал.

Писал с тоски, чтобы убить время, чтобы не смотреть на серую взлётную полосу днём и ночью, изо дня в день.

Эти письма психически больного человека, годные только для врачебных целей.

И именно в больных головах перебежчиков, шпионов и так называемых агентов влияния стали появляться (по указанию ЦРУ) нелепые домыслы о войне, о наших руководителях того времени и победах народа, которые грязнили светлое, принимали великое и кляли достойное, как заклятые враги народа. Их идейным учителем был министр пропаганды фашистской Германии Геббельс, который в своей деятельности руководствовался известным соображением мракобесов: чем больше ложь, тем скорее в неё поверят. И он обманывал народ Германии все долгие восемь лет фашистской власти. А когда час расплаты за ложь, как гром наших орудий в Берлине, стал оглушительно реален, он вместе со своей женой сперва отравил своих шестерых детей, а потом отравился вместе с нею и сам, осудив, таким образом, свою чёрную работу.

Отметив эти поучительные факты, вернёмся к Западному фронту 1941 г., где, по мнению немцев, развернулись решающие события "блицкрига" - молниеносной войны и, как говорили наши предки, привнесём живущим свет истины на эти героические и трагические события нашей Истории.

***

Но всякой войне всегда есть проблемы с генералами. В мирное время генеральские чины и высокие генеральские должности получают чаще других паркетные шаркуны из высоких штабов, да ловкие интриганы, сумевшие убедить власть в том, что именно они достойны высоких постов и чинов.

Настоящие мастера зреют в народной массе малоприметными и не блещут выправкой, дородностью, орденами и аксельбантами.

Убедительным примером этой мысли является жизнь генералиссимуса А.В. Суворова, который в свои шестьдесят лет дослужился лишь до чина генерал-майора и должности командира пехотной дивизии, расположенной в глухой Финляндии. Не блистая статью (он был худой и низкорослый), в потрёпанном мундире разъезжал он на немудрящей лошадке по полкам и ротам и учил офицеров и солдат трудному военному мастерству, начиная свой день с зарядки и обливания холодной водой. Он всегда обедал вместе с солдатами из общего солдатского котла: хлебал щи, ел кашу, чем эффективно пресекал казнокрадство интендантов.

Так и ушёл бы он в забвение в среде высших и армейских чинов, как чудаковатый старикашка-генерал, мало почитавший высший генералитет, не случись войны с турками за

Чёрное море, которое тогда целиком принадлежало их империи - очень могучей и очень большой.

Вот туда-то и направили со своей дивизией этого строптивого старикашку придворные орденосные генералы на верную гибель, мало о том сожалея, но тут же кинувшиеся рапортовать в штабы и царице о выполнении её повеления.

А.В. Суворов учил воевать не числом, а умением и всей своей блестящей деятельностью на трудных войнах показал это и врагам, и друзьям.

А.В. Суворов, как никто другой, умел поддерживать в войсках высокий боевой дух, и это удесят�еряло силы его "чудо-богатырей", неколебимо веривших в своего генерала.

Войны очень быстро устанавливают "кто есть кто", раздавая позор и славу без промедления.

В немецкой армии к июню 1941 г. это процесс уже прошёл. Была опробована также тактика наступления массированными танковыми клиньями, глубоко охватывая и окружая большие группы войск, вынуждая их потом наступать, прорываться, чтобы вырваться из окружения. А наступление на подготовленную оборону противника-это всегда большие потери. Тем более что такое "наступление" всегда было поспешным и плохо подготовленным, часто без поддержки артиллерии и танков. Потери здесь возрастали ещё и потому, что все раненые на поле боя пленились противником, а убитые сразу переходили в категорию выдуманную чиновниками — "без вести пропавшие" бросая некую тень вины на тех героев, которые отдавая жизнь за победу, не оповестили чиновников об этом своём намерении.

Советские генералы июня 1941 года не прошли того сурового сита войны, разделявшего славу от позора, и занимали свои посты по субъективным, часто просто ошибочным, оценкам их талантов властью, потому что эта оценка часто основывалась на делах, степень важности которых была явно завышена и угоду все той же власти.

И как только на них обрушился мощный удар врага, многие из этих генералов стали явно переоценивать значимость собственной жизни и бежали в спасительный тыл, бросив войска на произвол судьбы, другие растерялись, то есть показали полное неумение управлять войсками: наступали, когда им надо было обороняться, и оборонялись, когда надо было обойти узел обороны противника... маневрировать силами и средствами. На то они и генералы, чтобы решать эти сложные и очень дорогие задачи войны, задачи жизни и смерти людей.

Наиболее наглядно эти свойства генералов проявились в первые дни войны на западном фронте, которым командовал генерал армии Павлов. Личность эта в известном смысле трагическая. Он был арестован и предан суду на 8-й день войны, как человек, нанёсший стране и армии большой военный и материальный урон. Этот урон был так велик, что определил весь ход войны первого года и даже больше.

Представляет некоторый интерес его военная карьера. Некоторые факты его жизни приводят полковник Ступаченко и житель п. Серпейска Соколов.

В декабре, 12 числа, 1937 года в СССР проходили первые выборы в Верховный совет, в том числе и в п. Серпейске Смоленской области, где баллотировался генерал Павлов. Житель Серпейска Соколов пришёл на избирательный участок в день выборов и начал убеждать народ не голосовать за Павлова.

- Он кулацкий сынок! - возбуждённо говорил Соколов, на такого генерала нельзя надеяться!

За нарушение порядка и закона о выборах (не агитировать в день выборов) Соколова арестовали, а потом осудили.

Теперь трудно узнать, откуда и как Соколов из Серпейска знал родителей Павлова, но это единственное происшествие на первых всеобщих выборах осталось в памяти её жителей. Народу такая позиция Соколова была понятна! Кулаки не питали к советской власти тёплых чувств, как этого не делала, в свою очередь, и советская власть. И к этому, как показал дальнейший опыт, надо было относиться с большой серьёзностью.

Мои исследования кулака как нарождающегося капиталиста в сельскохозяйственном производстве вошли в полное противоречие с мифом о кулаке как самом работающем и самом

смышлёном крестьянине. На самом деле это были жестокие и бессердечные эксплуататоры бедной забитой и тёмной крестьянской массы России. Не каждый мог стать кулаком. Для этого требовался соответствующий психический склад человека - хитрость, злость и алчность. И это должно быть в его генах, т. е. передаваться по наследству.

Один небольшой пример.

Я знал В. Климова с детских лет. Он жил в красивом доме на горке с матерью и с двумя сёстрами-учительницами. Потом он жил и работал в Ленинграде, и встречались мы только изредка, во время отпусков. Разговоры были во время коротких встреч простыми житейскими. Такие же разговоры оставались и потом, когда во власть пришли "демократы", но у моего земляка уже появились в суждениях враждебность, злость к советскому времени. Выявилось, что он - жертва "сталинских репрессий" и даже, по этой причине, имеет добавку к пенсии. Злоба его была так велика, что с ним нельзя было вести разговоры о прошлом.

Как и почему в 1937 году арестовали его отца, я не знал, а спрашивать не хотелось... Но носить такую злобу шестьдесят лет...

Нет, прав был Соколов из Серпейска в своём предупреждении о генерале Павлове.

Интересную информацию о Павлове даёт полковник генерального штаба по минным делам Ступаченко в своей книге воспоминаний "Мины ждут своего часа".

Они с Павловым под видом туристов ехали в республиканскую Испанию через Францию на помощь воевавшим там антифашистам в начале 1936 г.

В Испании Павлов принял танковую бригаду, а Ступаченко начал обучать испанских республиканских сапёров минной войне не только теории, но и практической работе в тылу у франкистов. Многие помнят, как наши подпольщики-железнодорожники уничтожали паровозы немцев с помощью небольшого куска тола, облепленного снаружи угольной крошкой и пылью. Тол горит коптящим пламенем без взрыва, но взрывается, попав в высокую температуру паровозной топки, надолго выводя паровоз из строя, после чего ему необходим сложный ремонт парового котла.

Такие мины Ступаченко массово применял со своими учениками саперами в Испании.

В большом сражении у Гвадалахары, где республиканцы одержали победу, принимал участие и Павлов. В начале боя он утопил свои танки в болотистой долине реки Гвадалахары и очень огорчился, орошая берег этой реки своими слезами.

Других побед Павлова в Испании он не видел и не помнил о них.

Павлова вскоре отозвали на родину, дали генеральский чин и звание «Герой СССР». К возвращению Ступаченко из Испании в 1940 году Павлов уже стал генералом армии. В 1936 г. в Испании он был подполковником, а перед отправкой в Испанию - капитаном.

А Ступаченко в арьергардных боях прошёл до Франции, подрывая мосты, минировав дороги и сжигая франкистские танки бутылками с бензином. Именно там и тогда появилось это простое, но эффективное оружие поражения вражеских танков в ближнем бою, после которого танк восстановлению не подлежал, а горел только на металлолом. Ещё одной особенностью этого оружия было то, что оно подходило только для смелых. О нём и вспомнили наши командиры, когда оказались без оружия для борьбы с танками врага в ближнем бою.

Полковник Ступаченко приехал в Минск в штаб Особого Западного военного округа как инспектор Генерального штаба по минному обеспечению войск. Он прибыл туда 21 июня 1941 г. и к вечеру был принят Павловым в своём обширном кабинете.

Ступаченко, как наблюдательного человека, многое интересовало в делах и поведении его сослуживца, вдруг сделавшего такую головокружительную карьеру: от не очень удачного командира танковой бригады до командующего важнейшим округом.

Позиция Павлова в этот тревожный вечер, когда до начала войны оставалось 5-6 часов, была, как свидетельствует Ступаченко, позицией безразличного невмешательства, слегка прикрытой чиновническим угодничеством.

- Не было указаний. Я человек дисциплинированный!

В четыре часа утра 22 июня 1941 г. Ступаченко разбудили сильные взрывы бомб. Горело здание штаба, горела гостиница, от ночлега в которой отказался Ступаченко,

предпочтя ей отдельный домик в дальней части парка. Молчала зенитная оборона города. Не было видно наших истребителей.

Войска не были приведены в боевую готовность. Штаб теперь уже Западного фронта не делал даже попыток придать какую-то организованность борьбе, отпору. Это и есть предательство! Оно давало себя знать до самой зимы 42-43-х годов, когда впервые под Сталинградом была одержана стратегическая победа на всём фронте Великой Отечественной войны.

Победа под Москвой была, конечно, важной, но её природа была другой. Она была достигнута в результате длительных оборонительных боёв, отчего наступавшие немцы были обескровлены и потому попятнулись на запад, как только инициатива перешла в наши руки. Поражение этой группировки довершила снежная и холодная зима. Наш солдат в эту зиму был одет в полушубок, шапку и валенки. Немецкий - в тонкую шинель, пилотку и холодные сапоги с широкими голенищами. Такая экипировка для наших морозов не годилась, и это тоже было просчётом немецкого Генерального штаба.

Кто же так усиленно двигал этого человека по служебной лестнице?

Не очень удачный дебют в Испании в роли командира танковой бригады, так, скорее всего "для галочки", как принято говорить у чиновников, и через три года командира бригады делают полным генералом. Это не случайность и не просто большое мнение, скорее всего, какой-то силе, может даже фашистам, нужен был на нашем высоком военном посту свой человек.

Несколько выше я ставил вопрос о том, кто делал карьеру Павлову. Я не знал тогда ответа на этот вопрос, но верил, что для любого патриота он важен.

Передо мной книга Юрия Игнатьевича Мухина - самого укрываемого, замалчиваемого прессой и правительством журналиста России. О его творчестве-подвиге надо говорить отдельно, что я и сделаю в другом месте.

Эта книга называется "Убийство Сталина и Берия". Подзаголовок книги - "реконструкция эпохи", т. е. извращённым различными толкованиями событиям тех лет придаётся (восстанавливается) их действительный вид.

Итак, прошу внимания, пишет Ю.И. Мухин:

«...когда под знаменем троцкизма в армии зрел заговор рвачей и посредственностей, то они много лет выдвигали на высокие должности и представляли к наградам "своих"». Мерецков, который был старшим военным советником в Испании, на допросе в 41 г. рассказал о том, как делалась военная карьера Павлову.

«...Уборевич меня информировал о том, что им подготовлена к отправке в Испанию танковая бригада и принято решение командование бригадой поручить Павлову. Уборевич при этом дал Павлову самую лестную характеристику, заявив, что в мою задачу входит позаботиться о том, чтобы в Испании Павлов приобрёл себе известность в расчёте на то, чтобы через 7-8 месяцев его можно было сделать, как выразился Уборевич, большим танковым начальником. В декабре 1936 г., по приезде Павлова в Испанию, я установил с ним дружеские отношения и принял все меры, чтобы создать ему боевой авторитет. Он был назначен генералом танковых войск Республиканской армии. Я постарался, что бы он выделялся среди командиров и постоянно находился на ответственных участках фронта, где мог себя проявить с лучшей стороны...».

И действительно, попав в Испанию в конце 1936 г., капитан Павлов по представлению Мерецкова уже в июне 1937 становится Героем Советского Союза, возвращается в Москву, и к концу 1937 г. его устраивают на должность начальника Автобронетанкового Управления Красной Армии.

Выходит, на поставленный выше вопрос ответ получен точный. Именно так. Кроме того, мы установили, что Мерецков и Павлов были друзьями. А их дружбу скрепил бывший тогда начальником Западного Особого Военного округа Уборевич.

Что должен делать такой человек, будучи на высоком военном посту в начале войны?

- Поставить авиацию на линейку по взлётным полям, что бы было удобно её уничтожить в первые часы войны необъявленной войны.

- Лётный состав расположить на виду и в палатках, чтобы даже пулемётным огнём его можно было уничтожить.
- В танковых частях устроить капитальный ремонт двигателей и иметь горючего на ползаправки, а лучше и того меньше.
- Связь нарушить и оставить войска без информации о начале войны и без оперативного управления.
- Выдвигающиеся к границе войска снабдить боезапасом по нормам учебных стрельб.
- С началом боевых действий Командующему фронтом "уехать в войска" и два дня не иметь связи с Генеральным штабом, лишая его возможности принять правильное решение из-за отсутствия информации о силах и намерениях противника.
- Тактически заранее расположить войска выгодно для замысла противника.

Всё это было сделано Павловым и его штабом.

Западный фронт располагался по линиям Брест-Белосток-Гродно. При этом Белосток отстоял на запад от линии Брест-Гродно на ~150 км, образуя так называемый Белостокский выступ.

В этом выступе находились три армии - 3-я, 10-я и 4-я. Под основание этого выступа с юго-запада от Бреста и с северо-запада от Гродно по направлению на Минск немцы наносят два удара: 2-й танковой группой Гудериана - от Бреста и 3-й танковой группой Гота от Гродно с целью окружить наши войска в Белостокском выступе и вынудить их сдаться или прорываться на восток без тяжёлого вооружения, танков и самолетов, устилая землю "без вести пропавшими", с целью глубоко продвинуться на восток, наводя страх на высокие армейские штабы и нависая над юго-западным фронтом с севера, а над северо-западным фронтом - с юга, опять же, создавая благоприятные условия для глубоких охватов.

И, конечно, лишит войска фронта управления, т.е. сделать их действия не согласованными, породить панику, разброд и шатания в умах.

Армию надо предупредить заранее о начале войны. Даже за один час в приграничных частях можно было сделать многое, особенно в авиации и моторизованных частях. Поэтому главной задачей высшего штаба являлось сделать такое предупреждение.

Такое предупреждение-директиву Генеральный штаб окончил передавать во все военные округа в 0 ч. 30 мин. 22.06.41 г. До начала войны оставалось ещё 3,5 часа.

Так утверждает маршал Г.К. Жуков.

Белорусский военный округ получил эту директиву, наверное не последним.

Спрашивается, сколько времени надо было нормальному штабу, чтобы передать эту директиву штабам трех армий?

Выскажите - 5-10 минут.

И это верно. У командующего округом было очень много для этого средств. Но он получил такую директиву ещё 18 июня за четыре дня до начала войны. И никаких мер по приведению войск в боевую готовность не предпринял. Это уже полное предательство.

А вот что рассказывает об этом член Военного совета 3-й армии Н.И. Бирюков.

Директива Генерального штаба о возможном начале войны из штаба округа в штаб 3-й армии пришла в 2 ч. 25 мин. 22 июня, и то не полностью. Прервалась связь. Штаб 3-й армии находился в г. Гродно, отстоявшем от Минска, где находился штаб округа, на 240 км.

С 4-х часов утра Гродно начала бомбить немецкая авиация. В налетах участвовало по 30-60 самолетов. Зенитная оборона города активно включилась в борьбу. Появились первые сбитые самолеты.

В начале пятого часа командующий 3-й армией генерал В.И. Кузнецов позвонил по ВЧ Павлову в Минск и доложил ему, что немцы начали военные действия и попросил разрешение ввести в действие план прикрытия границы. Генерал Павлов ответил: "Не поддавайтесь провокации".

Около 6 часов утра по радио генерал В.И. Кузнецов получил следующее указание из штаба Павлова: "Ввиду обозначившихся со стороны немцев массовых военных действий приказываю поднять войска и действовать по-боевому".

"Действовать по-боевому" - это термин не оперативного характера. Командующий должен конкретно поставить задачу армии или приказать вскрыть "красный пакет", где указан план прикрытия границы на случай войны. Ни того, ни другого указания не было сделано, а это преступление.

"Было уже около 14 часов 22 июня, когда В.И. Кузнецов получил от командующего фронтом короткий приказ: "Поднять войска по боевой тревоге, ... по сигналу "Гроза" ввести в действие "красный пакет", содержащий план прикрытия государственной границы". Одновременно Д.Г. Павлов также сказал, что, возможно, немцы готовят провокацию.

Не имел связи с Минском и командующий 10-й армией генерал К.Д. Голубев (Белосток).

Не было связи у 3-й армии и с правым соседом - 11-й армией Северо-западного округа.

«Артиллерийские полки были на учебных полигонах, самолёты на аэродромных линейках, где 528 шт. остались гореть под бомбами немцев. Войска выходили по тревоге уже под огнём фашистских войск и авиации.

Таки образом, уже к исходу первого дня войны правый фланг армии был глубоко - на 50-60 км - охвачен немецкими войсками. Тяжёлое положение создалось и на левом фланге армии, центр отошел на 30 км.» Галицкий К.Н. Годы суровых испытаний 1941 – 1944 гг. – М.: Наука, 1973).

Тем не менее, командующий 3-й армией генерал В.И. Кузнецов на свой страх и риск усилилкрытие границы в ночь на 22 июня. Три дня противовоздушная оборона города находились в полной боевой готовности, и, как только немецкие самолёты появились над Гродно, их начали сбивать. Несмотря на отсутствие связи, ряд соединений армии были подняты по боевой тревоге за час-полтора до начала артиллерийской подготовки немцев. Но, при всём том, все части армии не заняли и не смогли занять подготовленные рубежи прикрытия границы согласно плана "Гроза". Борьба приняла очаговый характер, удивляя и страша немцев силой духа войск, их выучкой и самоотверженностью Воинов, а также наводя немцев на грустные размышления после подсчёта потерь своих войск.

Но эта героическая борьба не смогла пока что остановить стратегический удар немцев из Восточной Пруссии через Вильнюс, Молодечно на Минск. Хуже того, 23 июня Павлов отдал приказ о проведении контрудара 24 июня (в соответствии с приказом Верховного Главнокомандования) в общем направлении на Белосток.

Войска влезли в тот мешок, который всеми силами готовили немцы.

Наступали на Запад, когда главные удары немцы наносили на северном и на южном флангах Западного фронта.

«Весь этот "контрудар" готовился при отсутствии устойчивой связи с войсками. 3-я армия вообще не имела связи со штабом фронта, потому действия её командарма носили самостоятельный и вынужденный характер без взаимодействия с другими соединениями фронта и без точной информации о действиях противника.

Таков был и контрудар на Гродно. 3-я танковая группа генерала Гота с севера обошла Гродно и стремительно двигалась к Минску. Это был их стратегический маневр. На Гродно удар немцев был вспомогательным для свёртывания длины фронта» (Галицкий К.Н. Годы суровых испытаний, 1941- 1944 гг. - М.: Наука, 1973).

Второй стратегический удар немцы наносили по Западному фронту из района г. Бреста. Сам город Брест имел до войны 41 тысячу жителей, но также большой военный гарнизон, расположенный в Северном и Южном военных городках, в Брестской крепости, военном городке танковой дивизии расположенном к востоку от Бреста.

Маршал Г.К. Жуков в своих воспоминаниях так описывает ситуацию в районе Бреста. "На войска нашей 4-й армии (командующий генерал-майор А.А. Коробков) обрушился удар не меньшей силы, чем в районе Гродно на войска 3-й армии (командующий генерал-лейтенант А.А. Кузнецов). Но имея в своих руках героический Брест и расположенные недалеко части 22-й танковой дивизии, 6-ю, 42-ю, 49-ю и 75-ю стрелковые дивизии, командование 4-й армии могло более организованно вести оборонительные действия".

Надо полагать, что под "героическим Брестом" Г.К. Жуков имеет в виду Брестскую крепость. Что касается выражения маршала "...могло более организованно вести оборонительные действия", то мне хочется в качестве оппонента Г.К. Жукову о ситуации в Бресте в начале войны взять С.С. Смирнова, автора книги "Брестская крепость" (М.: Молодая Гвардия, 1973), который досконально изучил события того времени по горячим следам начиная с 1954 г. Именно ему, С.С. Смирнову, принадлежит честь и слава открытия героической обороны Брестской крепости разрозненными подразделениями 6-й и 42-й стрелковых дивизий, общей численностью около 3,5 тысяч человек, которые без воды и пищи, только со стрелковым оружием обороняли около месяца руины этой цитадели, окружённые плотным кольцом войск 45-й пехотной дивизии немцев. Именно из трофейных документов штаба этой дивизии, разгромленной под Воронежем в 1942 г., впервые стало известно о подвиге защитников Брестской крепости, образце силы духа, верности присяге и самоотверженности воинов, защищавших своё Отечество.

Брест подарил ещё один пример доблести и верности присяге. Это оборона брестского железнодорожного вокзала, которую организовали случайные люди, оказавшиеся там на начало войны. Их было около ста человек - пассажиров, ждущих своих поездов. И эти пассажиры в течение полутора недель держались в вокзале. Сначала в самом здании, а потом в его подвалах. Они ушли непобеждёнными, тихо вырвавшись ночью из оцепления врага.

Сам же город был занят немцами к полудню. "На одной из центральных улиц немцы схватили не успевшего уйти из города председателя горисполкома Соловья и тут же повесили его на дереве" (С.С. Смирнов).

После не бомбёжки и обстрела города во дворе городской больницы скопилось более 2000 раненых мирных жителей.

Горком партии покинул город в десятом часу утра, когда уже северная и южная части города были заняты немцами.

«В городе, внезапно застигнутом войной, царили хаос и паника (С.С. Смирнов).

Северный и Южный военные городки располагались рядом с границей.

«В Южном военном городке Бреста находился большой танковый парк. Часовые парка увидели аэростаты, поднятые немцами вдоль границы у Бреста для корректировки огня артиллерии. Танкисты были подняты по тревоге. Но прежде, чем они успели вскочить в танки, немецкие снаряды обрушились на парк. Лишь малой части этих танков довелось выйти за пределы городка» (С.С. Смирнов).

И далее С.С. Смирнов продолжает:

«В час самого сладкого утреннего сна немецкие бомбы неожиданно обрушились на приграничные аэродромы, на танковые и артиллерийские парки, на склады горючего. Около Брестской крепости погибли почти все орудия стоявшего здесь 131-го артполка, лишь немногие из своих пушек сумели вывезти из Северного военного городка артиллеристы другой части.

...Танковая часть генерала Пугаева, стоявшая в окрестностях Бреста, сумела выйти из своего городка с небольшими потерями. Но как только колонны танков появились на дорогах, они стали лёгкой добычей немецких самолётов. Танкисты Пугаева понесли тяжёлый урон от бомбёжек, а потом подошло к концу горючее, а пополнить его запас было негде. И тогда остатки этой танковой части (надо полагать, что была 22-я танковая дивизия, - Авт.) на последнем горючем ринулись в отчаянную атаку против наступающих танков Гудериана и погибли в этом бою во главе со своим командиром.

...Многие стрелковые части находились в лагерях или были выведены на учения и, отрезанные от своих складов боепитания, очутились лицом к лицу с врагом почти без патронов.

...Другие части наших войск были застигнуты войной на самой границе, где они строили укрепленный район. Их положение было ещё более тяжёлым".

Как видно, здесь никто не готовил войска к обороне. А подъём им сыграли немецкие артиллеристы, которые подняли своих корректировщиков на аэростатах вдоль всего участка границы у Бреста и прицельно били по выявленным ранее целям, в том числе и по горкому партии. Молчали наши пушки, молчала противоздушная оборона города. Погибали

войска, погибали мирные люди, уничтожался город и военная техника. Именно уничтожались войска, наиболее боеспособные, с высоким моральным духом и волей к победе. Тому свидетели и Брестская крепость, и Брестский вокзал.

А что такое отправить в лагерь войска, не выдав им патронов и снарядов?

Как такие войска смогут обеспечивать свою постоянную боеготовность?

И почему здесь начальник генерального штаба не поинтересовался, не проследил, как была выполнена директива министра обороны от 18 июня о приведении войск в полную боевую готовность согласно плана прикрытия границы и директивы министра обороны от 21 июня, которая требовала:

«а) в имение ночи на 22.06.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

о) перед рассветом на 22.06.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно её замаскировать;

в) вес части привести в боевую готовность. Войска держан. рассредоточено и замаскировано;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов».

И как же это случилось, что ни одна часть брестского гарнизона не исполнила этой директивы и директивы от 18 июня?

Кто расчищал путь танкам Гудериана?

8 дней продолжалось командование Западным фронтом Павловым и его штабом. Потом они были отозваны в Москву, где им пришлось отвечать за свои действия и бездействия.

"Я его едва узнал, так он изменился за восемь дней войны", - сочувствовал Г.К. Жуков своему коллеге ("Воспоминания и размышления", с. 260).

Несколько раньше (с. 250) Жуков пишет: "...ошибки, допущенные руководством, не снимают ответственности с военного командования всех степеней за оплошность и просчёты".

Но надо понимать так, что высшее руководство имеет право на ошибки, а вот командиры взводов, рот ... дивизий ошибаться не имеют права.

Далее он пишет: "Каждый военачальник, допустивший неправильные действия, не имеет морального права уходить от ответственности и ссылаться на вышестоящих. Войска и их Командиры в любой обстановке в соответствии с уставом мы всегда быть готовыми выполнить боевую задачу".

Вам, наверное, показалась эта позиция автора "Воспоминаний и размышлений" достаточно суровой - ... "всегда быть готовыми выполнить...".

Но война - штука жестокая, потому и такие меры и формы надо считать допустимыми.

В той драме, которую уготовил своим подчинённым войскам Павлов, такие ситуации происходят постоянно и в массовых масштабах. Войска сражались в любых условиях, создавая немцам много проблем, казалось бы, из ничего.

***

Меня иногда спрашивают, почему я люблю свою Родину?

Она не всегда красива и добра. Есть в ней люди, которые во имя денег пойдут на любое преступление. Есть у неё и мерзавцы, и негодяи. Но это всё проходит. Вечным и незыблемым, её красотой и силой являются тоже люди. Их моя земля и природа одаряют могучим разумом, способным преодолеть всё: любое зло, любую проруху и беду и создать новую силу и мощь мирового сияния и славы. Они, эти люди, суть её, соль земли, её красота и величие.

Потому моя любовь к Родине - патриотизм, это любовь к её людям, которые жили давно, жили не очень давно, живут теперь, любовь и уважение к их делам большим и прекрасным во имя счастья и процветания её людей, чтобы среди них всё меньше становилось и мерзавцев, и негодяев.

Раньше эту гордость и красоту народа составляли, как правило, изгои - вырождающиеся классы; при Советской власти их число умножилось из числа извечных тружеников земли. Именно они за небывало короткий срок вознесли свою Родину до сияющих вершин славы и величия. Среди скромных имён этих Сынов Отечества светится ясным светом добра, мужества и разума имя Юрия Игнатьевича Мухина.*

В горькие годы распродажи Родины он сумел возвысить свой голос до такого звучания и мощи, что к нему прислушиваются во всём мире.

Имеющий уши да слышит!

Его очередной труд - "Убийство Сталина и Берия" - проливает яркий свет Истины на то время нашей жизни, которое теперь шельмуется постоянно. Её значение огромно, а голос силен и свеж.

Когда один из наших "хриstopродавцев", проливая иудины слёзы "над могилами безвестно убиенных" польских офицеров в Катинском лесу под Смоленском, просил прощения у поляков за это "злодеяние сталинского режима", поляки на своём сейме (парламент) уже подсчитывали, какую контрибуцию надо с нас взять за это злодеяние.

Такая ситуация возмущала всех патриотов. Но именно Ю.И. Мухин написал книгу "Катинский детектив", которую прочитали и поляки ... Они увидели истину, которая, увы, обходит уста политиков. И эту Истину привнёс, открыл целому народу Ю.И. Мухин - человек, которому дорога и честь, и слава своей страны.

У всех патриотов есть всегда оппоненты. Это обыватели - существа, у которых сильно преувеличен инстинкт самосохранения. Для обывателя собственное материальное благополучие - главная цель жизни.

Ю.И. Мухин посвящает анализу обывателя как социального явления нашей жизни главу "патриоты и обыватели" своей книги "Убийство Сталина и Берия". Вот некоторые выдержки из неё.

"В нашей истории довольно хорошо изучены мотивы, которыми руководствовались патриоты, понятны и мотивы, которыми руководствовались откровенные предатели. Но никто не занимался изучением мотивов, которыми в годы войны руководствовался обыватель.

Обывателю плевать, какая власть на дворе, ему мила любая власть, которая удовлетворяет его желания. Для удовлетворения желаний нужны деньги; для того, чтобы их иметь, надо работать или служить. И обыватель работает и служит: и шахтёром, и дояркой, и учёным, и генералом.

Обыватель всегда хвалит и громче всех клянётся в верности существующей власти...

Обыватель, даже с образованием, всегда туповат, он такими же представляет и всех своих соплеменников.

Российский обыватель всегда млел перед Европой, а Гитлер - это Европа!

Обыватель - подлый трус, в его понимании и все остальные - такие же.

Обыватель свято верил, что Германия победит СССР".

Обыватель всегда опасен, но ещё большее зло от него бывает, когда обыватель становится генералом. И всё потому, что генералу-обывателю судьба его войск важна только при решении его личных интересов.

Вы скажите - это чудовищно! И будете правы. Павлов верил в победу Гитлера и всячески выслуживался перед ним, обеспечивая ему решительную победу в приграничном сражении на главном для обороны страны Западном фронте.

Нам ещё нужна одна цитата из названной выше книги Ю.И. Мухина.

"В июле 1941 г. Верховный Суд СССР судил изменников: бывшего командующего Западным военным округом... Павлова с некоторыми генералами его округа... Председатель суда Ульрих спрашивает у Павлова:

Ульрих. На с. 86 тех же показаний от 21 июля 1941 г. вы говорите: "Поддерживая с Мерецковым постоянную связь, последний в неоднократных беседах со мной систематически высказывал свои пораженческие настроения, указывая на неизбежность поражения Красной Армии в предстоящей войне с немцами. С момента начала военных

действий Германии на Западе Мерецков говорил, что сейчас немцам не до нас, но в случае нападения их на Советский Союз и победы германской армии хуже нам от этого не будет".

Павлов. Да, такой разговор происходил у меня с ним в январе месяце 1940 года в Райволе.

Ульрих. Кому это "нам хуже не будет"?

Павлов. Я понял его, что мне и ему.

Ульрих. Вы согласились с ним?

Павлов. Я не возражал ему... "

То есть ещё в 1940 г. два обывателя позондировали друг друга и поняли, что они единомышленники... Отсюда, понятно, для обывателя следовало, что как только в ходе войны случится, то нужно поднять руки и кричать: "Сталин капут! Их бин любит Гитлера!" Но Павлов и Мерецков понимали, что таких умников, как они, будет много, и Гитлер сможет обойтись и без них. Становилось очень важно сделать на пользу Гитлеру что-то, чем впоследствии можно было бы козырять".

Оставить войска округа без информации о начале войны и руководства с началом боевых действий, обеспечив немцам глубокий прорыв танковыми клиньями.

Дать немцам уничтожить практически всю авиацию округа и разгромить три армии в коротком приграничном сражении.

Это были существенные козыри Павлова, которые он готовил в подарок Гитлеру. Он генерал-обыватель, генерал-предатель, мерзкий человек, о чём самоотверженно предупреждал ещё в 1937 г. колхозник Соколов из Серпейска в день выборов в Верховный Совет СССР - 12-го декабря.

И в самом деле, как высок был гражданский долг у колхозника Соколова перед Народом и властью, чтобы, делая разоблачительное заявление о Павлове перед участковой комиссией, знать наперёд, что это кончится тюрьмой. В сущности, это подвиг. Подвиг высокой гражданской пробы и доблести.

О подвигах забывать нельзя. Они формируют красоту, силу и гордость народа. Это понимали ещё древние греки. Это пора понять и нам.

Триста спартанцев - личное войско царя Леонида - выступили против целой многотысячной армии персов, перегородив им единственный путь в Фермопильском ущелье.

Целая армия, неся огромные потери, не могла сбить их с занятых рубежей. Но нашёлся обыватель, который указал персам обходной путь. Спартамцам ударили в спину. Они в бою погибли все. Персы же, подсчитав свои потери, повернули назад.

Вот и вся битва при Фермопилах, о которой весь Мир помнит более 2,5 тысячелетий. Перед греками надо преклоняться. Это их заслуга и в воспитании героев и в сохранении памяти об их подвигах.

Наша история тоже богата героями. Но особенно их становится много в дни тяжких испытаний для Родины. У таких людей не стоит вопрос, чему отдать предпочтение - Родине или жизни героя. И герои отдают свои жизни Родине иногда ярко и прилюдно, иногда малозаметно, но также самоотверженно. Светлые имена героев мы обязаны помнить и передавать грядущим поколениям для вечной памяти как сокровенные и истинные ценности народа.

Их подвиги должны сиять в веках!

***

Немцам почти удалось с помощью Павлова окружить и уничтожить наши войска на Западном фронте, но... Эти "но" суровы и безжалостны и часто создаются не генералами, а полковниками, а то и капитанами, верными присяге и долгу перед Родиной.

То "но", о котором сейчас пойдёт речь, произошло в ночь нападения немцев. Две стрелковые дивизии из Дорогобужских лагерей, что под Смоленском, прибыли в леса под Минском, имея штаты мирного времени и запас боеприпасов для учебных стрельб. Это были 64-я и 108-я стрелковые дивизии. Там же находились ещё 100-я и 161-я стрелковые дивизии.

С утра командиры полков и батальонов уехали на рекогносцировку-осмотр местности, а когда вернулись, было уже известно о начале войны.

На другой день командиров дивизий вызвал к себе начальник штаба фронта генерал Климовских и отдал им приказ на занятие обороны по линии минского укрепленного района 64-й и 108-й дивизиям протяженностью более 80 километров. 100-я и 161-я располагались во втором эшелоне ближе к городу.

Минский укрепрайон находился в 25-30 км к западу от города и представлял собой довольно редкую цепочку пулемётных и артиллерийских дотов, прикрывавших некоторые дороги. Сплошных окопов и других защитных сооружений между ними не было.

64-й стрелковой дивизией командовал полковник С.И. Иовлев. Ей был выделен западный и северо-западный секторы обороны. Соседа справа не было. Общая длина обороны - 55 км (по нормам - 14 км).

108-й стрелковой дивизией командовал генерал-майор А.И. Мавричев. Его дивизия не полного состава обороняла юго-западный сектор, не имея соседей слева. Целый полк этой дивизии был взят на охрану штаба корпуса, который был создан из этих дивизий. Через день из этих четырех дивизий было организовано два корпуса.

Командование дивизий первого эшелона обороны Минска приступило к её созданию. Солдаты рыли окопы, строили блиндажи, кое-где минировали подступы. Артиллеристы и миномётчики устанавливали свои орудия на отведённых местах.

Тактически эта оборона носила характер блокирования главных дорог, идущих на Минск от Бреста и от Вильнюса, Молодечно.

В этих условиях главной задачей командования дивизий стало обеспечения своих войск боеприпасами. Их удалось разыскать на складе пограничных войск в г. Заславле, в том числе для полковой противотанковой артиллерии и для миномётов. Не было в достатке снарядов лишь для 155-го полка корпусной артиллерии, который поддерживал дивизии первого эшелона обороны.

Ветераны гражданской войны в Испании 1936-1938 гг. вспомнили ещё об одном эффективном средстве борьбы с танками врага - бутылке с бензином, заткнутой ватой, паклей или тряпкой. Пропитанную бензином тряпку поджигали спичкой и бросали на танк. Бутылка разбивалась, вытекший бензин воспламенялся, через щели попадал внутрь танка, мгновенно вызывая воспламенение всей машины. Особенно хорошо горели немецкие танки Т-III и Т-IV, снабжённые бензиновым двигателем. Это были основные танки немецкой армии.

Солдаты пошли в народ собирать пустые бутылки, командиры учили, как ими пользоваться, и уже к вечеру у солдат появилось простое, но очень сильное оружие для борьбы с танками. Танков и самолётов у дивизий не было.

Полковник С.И. Иовлев 25 июня высылает на автомашинах разведотряд под командованием командира разведбата дивизии майора Якова Власовича Чумакова. Немцы здесь появились накануне, и необходимо было узнать их силы и намерения.

Разведчики майора Чумакова, скрытно перемещаясь, обнаружили большую группу немцев, на машинах въехавшую в лес. На дороге у въезда в лес осталось несколько лёгких танков.

Разведчики скрытно пробрались в лес и увидели на поляне большую группу немцев, расположившуюся на отдых. Разведчики скрытно окружили эту группу и внезапно напали на них.

Было уничтожено 200 немецких солдат и офицеров, один генерал и три лёгких танка, 7 человек было взято в плен. В качестве трофеев был взят чемодан из крокодиловой кожи со штабными документами важнейшего характера, много оружия и других документов. Выяснилось, что отряд майора Я.В. Чумакова уничтожил оперативный штаб 39 механизированного корпуса немцев 3-й танковой группы Гога, который двигался вместе с передовыми частями.

Потерь у отряда майора Чумакова не было. В захваченных документах значилось, что Минск должен быть занят 27.06.41 г., Витебск - 06.07.41 г., Могилёв - 10.07.41 г., Смоленск - 15.07.41 г.

На другой день (26.06.41 г.) отряд майора Чумакова на 4-х машинах в сопровождении 3-х бронемашин и 3-х мотоциклов вышел в разведку, обнаружил и в ночь на 27.06.41 г.

разгромил разведывательный отряд 47-го танкового корпуса 2-й танковой группы Гудериана в 20 километрах на юго-запад от Заславля.

Были взяты пленные, уничтожено 8 танков, все машины и мотоциклы и много солдат и офицеров противника.

Командование получило стратегические документы противника, узнало о его намерениях и силах.

25.06.41 г. начались упорные бои по всей линии обороны Минска. О напряжённости этих боёв свидетельствуют следующие факты. 64-я стрелковая дивизия в первом эшелоне имела 159-й полк подполковника Белова А.И. (западное направление) и 30-й полк полковника Ефремова А.И. 159-й стрелковый полк за полдня боёв 26.06.41 г. уничтожил 35 танков врага, учитывая артналёт по ночному скоплению немецких танков. 30-й стрелковый полк с 24.06.41 г. по 28.06.41 г. уничтожил более 61 танка.

Разведбат майора Чумакова за 25-27.06.41 г. - 18 танков немцев. Всего более 115 танков. Эти цифры потерь немцев в танках даны по книге Акимовича "Стоять насмерть".

Был в 64-й стрелковой дивизии ещё 288-й полк подполковника С.П. Кухмистого, который сначала находился в резерве и бросался на наиболее опасные участки. С большой долей вероятности можно считать, что 64-я стрелковая дивизия на рубежах у Минска с приданными ей частями пограничников и укрепрайона истребила до 28.06.41 г. (четыре дня боёв) около 200 танков немцев.

У нас нет оснований считать, что 108-я с.д., блокировавшая дорогу к Минску из Бреста, на немецкие танки смотрела иначе, чем 61-я с.д. Ведь оборона их была так прочна, что прорвать её немецкие танковые клинья так и не смогли за 4 дня боёв, потому, пользуясь открытыми флангами этих дивизий и отсутствием у них значительных подвижных резервов, они обошли их и заняли Минск 28.06.41 г. вечером.

161-я и 100-я с.д. были сняты с обороны Минска 27.06.41 г. и брошены на борьбу с немецким десантом, который немцы высаживали у Острошицкого городка (20 км к северу от Минска) целый день 26.06.41 г. По свидетельству очевидцев, каждые 10-15 минут садилось, без помех с нашей стороны, по два немецких самолёта с танками, артиллерией и пехотой. И только когда высадка закончилась и немцы основательно "осмотрелись", на другой день в 16.00 161-я с.д. и 100-я с.д. начали на них своё наступление, которое не принесло заметного улучшения, даже тактического, на этом участке, но дивизии понесли большие потери. Дивизии были выведены из боя и отведены за реку Волма. Такое могло быть только у Павлова.

108-я и 64-я с.д., упорно оборонявшие свои рубежи, остались в окружении, часто разрозненными подразделениями - отдельно полк, отдельно батальоны, отдельно штабные образования. Они очень мешали немцам, так как перекрывали дороги, и немцы упорно пытались их сбить с занимаемых позиций до 02.07.41 г., когда ночными атаками они вырвались из окружения и, перейдя к партизанским действиям, пробились к своим.

Если всмотреться в хронику этих событий, то получается, что половина всех танковых сил немцев четыре дня не могли сломить оборону наших двух стрелковых дивизий неполного состава и укомплектованных по штатам мирного времени: 5- 6 тысяч человек в дивизии. (Немецкая пехотная дивизия имела численность 16 тысяч человек). Эти дивизии не имели ни одного танка и ни одного самолёта поддержки, но у них был боевой дух, который крушил и танки, и самолёты врага. История этих боёв хранит редкие имена героев, но большинство из них попали в графу "без вести пропавшие".

Минским следопытам удалось установить дела и некоторых героев тех боёв.

На направлении главного удара немцев со стороны Вильнюса (северо-запад), который направлялся по дорогам, командир 64-й с.д. расположил 30-й стрелковый полк своей дивизии, которым командовал полковник Ефремов Александр Иванович, участник Гражданской войны, кадровый военный. Ширина обороны полка составляла 14 километров, что под силу только дивизии полностью укомплектованной. За 4 дня боёв немцам не удалось сбить полк полковника Ефремова А.И. с позиций на шоссе Молодечно-Минск, по которому наступала 3-я танковая группа немца генерала Гота. По неполным данным полк за 4 дня боёв уничтожил более 60 немецких танков и более полка пехоты.

Атаки немцы предпринимали по несколько раз в день. Все они были похожи друг на друга по характеру действий. Сначала позиции обстреливались из миномётов и артиллерии, потом следовала атака танков и пехоты, как правило, автоматчиков.

Немецкие танки Т-3 и Т-4, с которыми они начали войну, были далеки от совершенства. У них был легковоспламеняемый бензиновый двигатель, который высоким 24-тонным сварным коробкам на узких гусеницах мог сообщать скорость по дорогам с твёрдым покрытием лишь 40км/час, по бездорожью эта скорость падала до 10-15 км/час. Запас хода у них был 200 км. Максимальная толщина брони -40 мм. Танки были вооружены двумя пулемётами, Т-3 - пушкой 50 мм, а Т-4 - короткоствольной 75 мм пушкой. Экипажи танков-по 5 человек.

Для сравнения: наш танк Т-34 весил 30,9 т. и имел дизельный двигатель, который обеспечивал максимальную скорость 55км/час, она мало снижалась на бездорожье из-за широких гусениц. Запас хода - 400 км. Он имел литую обтекаемую башню с толщиной брони 70 мм, литой обтекаемый лобовой лист. Немецкие танки могли поражать его только с расстояния менее 500 метров, что легко удавалось нашему танку Т-34 из мощной 76,2 пушки с большего расстояния. Дальше мы увидим, как использовали это качество наших танков мудрые генералы танковых войск.

Зная "достоинства" своих танков, немецкие генералы, как правило, использовали их в атаках большими количествами. 30-50 штук танков в атаке было делом обычным. Это состав танкового батальона.

Видимо, они учитывали большой моральный эффект от такой атаки, да ещё с батальоном автоматчиков. Рёв танковых моторов, огонь из танковых пулемётов и пушек, сплошной треск автоматов... людей в касках и в чёрных мундирах с рукавами, засученными до локтя...

Разухабисто и грозно смотрелись такие атаки, но скоро выяснилось, что наша артиллерия ещё далеко от окопов уже начинает бить и жечь эти железные коробки с белыми крестами, а когда они приблизились к окопам на бросок гранаты, в них полетели бутылки с бензином и они вспыхивали без промедления, разрывая своё чрево взрывами неиспользованных боеприпасов... И откатывалась эта сила, а те с засученными рукавами прекрасно устилали своими трупами наши просторные поля, особенно, если за счетверённый зенитный пулемёт брался сам командир полка полковник Ефремов А.И. Это было его любимое оружие, и владел он им безупречно. Счетверённый зенитный пулемёт против пехоты - это то же, что хорошая коса против мягкой травы. Это и надёжная и прочная опора солдата - командир с нами, командир не прячется в тылу, командир знает дело и умеет воевать. С ним не пропадём!

И спокойно припадал солдат к своему прицелу, твёрдой и верной рукой бросал он гранату или бутылку с бензином и надёжно всаживал пули в тех покорителей Европы, которые перед атакой надрались шнапса, а офицеры - французского коньяка. И ничего, прекрасно показывали свои раскормленные на чужом добре зады и бежали назад много шустрее, чем вперёд. Спесь с них слетела после первой же горячей встречи.

Офицеры 30-го с.п. полковника Ефремова были вместе со своими солдатами и своим умением и храбростью крепили мастерство и боевой дух солдат. Таким был и командир батальона капитан Прокопышка, который только в одном бою уничтожил бутылками с бензином два немецких танка и погиб в единоборстве с третьим.

И именно в этих боях рядовой 1 -й роты 30-го с.п. Пшеничный один у моста через речку уничтожил три немецких танка и погиб в борьбе с автоматчиками, шедшими за танками.

Не сбив 30-й с.п. с занимаемых позиций, немцы окружили его, но полк оставался непобедимым. Перегруппировав силы, ночной атакой 02.07.41 г. 30-й с.п. 64-й с.д. прорвал кольцо окружения встречной контратакой и ушёл в леса, перейдя к партизанским действиям, будучи без тыла с открытыми флангами. Много хороших атак было проведено полком за 11 суток маршей и боёв по тылам врага. Установив связь с войсками 28-й армии, полк прорвался к своим, поддержанный встречной танковой атакой на участке, согласованном с её командованием.

Так воевал полковник Ефремов А.И. и воспитанные им подразделения 30-й с.п., 64-й с.д. За эти бои полковник Ефремов А.И. был награждён вторым орденом "Боевого Красного знамени". Отмечены наградами и многие солдаты и офицеры его полка. А вот без "вести пропавших" в полку было очень мало.

30-й с.п. сохранил свою честь и знамя, приобрёл бесценный опыт победы над сильным и хорошо вооружённым врагом.

В своей книге "Воспоминания и размышления" Г.К. Жуков упоминает об описываемых боях на с. 255:

"На ближних подступах к Минску развернулась упорная борьба. Особенно хорошо дрались части 64-й, 100-й, 161-й стрелковых дивизий. Они уничтожили более сотни танков противника и тысячи фашистов".

Это упоминание начальника Генерального штаба того времени страдает несколькими неточностями. "На ближних подступах к Минску" хорошо воевали две стрелковые дивизии - 108-я и 64-я. Они четыре дня сдерживали удары двух танковых групп немцев, уничтожив более трёхсот танков противника. Немцы обошли их с открытых флангов и 28.06.41 г. взяли г. Минск. 100-я и 161-я с.д. были сняты со второй линии обороны Минска командованием 27.06.41 г. и брошены бездарно на борьбу с крупным немецким десантом, дав ему укрепиться в течение 1,5 суток, потом отведены за реку Волма, восточнее Минска, так что прямого участия в обороне города они не принимали.

Г.К. Жуков в описываемое время был начальником Генерального штаба. В его ведении было много дивизий, но нам допущенные ошибки маршала надо не оставлять без внимания.

Теперь мы говорим, что если две дивизии не полного состава, укомплектованные по штатам мирного времени, сдерживали наступление двух танковых групп немцев четверо суток, то, как могло случиться, что эти группы на третий день войны оказались у Минска, пройдя от Бреста - 300 км и от Гродно - 240 км? Может быть, Павлов все войска расположил в Белостокском выступе без патронов, снарядов и горючего?

Как на этот вопрос отвечает маршал Жуков?

"23 июня был нанесён контрудар И.В. Болдиным из Сувалковского (Белостокского, - Авт.) выступа. Кровопролитные бои продолжались и 25-го, но из-за отсутствия должного материально-технического снабжения войска контрударной группировки не могли эффективно вести наступательное сражение. В ходе боёв они понесли значительные потери и начали отход. Танкистам не удалось полностью вывести из боя материальную часть: в тот момент не хватило горючего".

Эта информация Жукова Г.К. требует некоторых пояснений.

В войсках Белостокского выступа не было "должного материально-технического снабжения", т. е. не было патронов, снарядов, горючего для танков. Как же так? Ведь это был второй день войны? Почему же войска у границы находились без этого "должного материально-технического снабжения". А для чего был Генеральный штаб?

Или он, может быть, не контролировал свои приказы?

А каким кошмаром звучит повествование маршала о танкистах, которым не удалось полностью вывести из боя свои танки, баки которых оказались без горючего.

И посылал их в бой с пустыми баками зам. Павлова генерал-лейтенант Болдин. Чтобы понять нелепость такого приказа, не надо быть генералом.

А кому был выгоден такой приказ Болдина? Я думаю, что никто не станет возражать, если я скажу - немцам, и что это было предательством!

Я до сих пор помню того солдата, который с горечью говорил о танках без горючего, самолётах без моторов, пушках без снарядов. Он говорил так потому, что из-за этого погибли прекрасные ребята, его друзья и товарищи, лишённые хорошего оружия, которое дала им Родина.

Он говорил с горечью потому, что эти ребята гибли бесцельно, как в тех кровопролитных боях, проводимых Болдиным, как в кровопролитной атаке на немецким танковый десанту Острошицкого городка 100-й и 161-й стрелковых дивизий, как гибли без прикрытия с воздуха под бомбами немецких самолётов, безраздельно господствовавших над

полем боя, потому что своя авиация была отдана немцам на уничтожение в первые часы войны.

Всё это предательство делалось под видом "недосмотра".

Сталин быстро установил сущность этого "недосмотра" и исключил его с решительностью достойной человека, ответственного за народ и страну. Предатель Павлов и его окружение были расстреляны после решения военного суда.

"Пятая колонна" Гитлера, которой он похвалялся, была уничтожена в 1937 году, а её остатки - в 1941 г.

Во время войны об этом не обязательно было громко кричать, но маршалу Жукову Г.К. об этом надо было писать со знанием дела, а недомолвками или как ниже:

"Внезапный переход в наступление в таких масштабах, при том сразу всеми имеющимися и заранее развёрнутыми на важнейших стратегических направлениях силами, то есть характер самого удара во всём объёме нами не был предусмотрен" (с. 251).

Л как же иначе должна идти "молниеносная" война, о которой немцы говорили открыто? По этому поводу можно лишь сказать, что плохо работали в Генеральном штабе разведка и его аналитический центр.

А вот Центральный комитет ВКП (б) Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) работал хорошо. Он воспитал большую армию, верных сынов своей Родины, которые в трудное время для страны сделали невозможное, часто платя за ошибки и просчёты генералов своими жизнями. Они спасли страну.

История обороны Минска богата такими подвигами, но об одном из них надо сказать отдельно.

Всё началось на минском складе запасных частей для танков и автомобилей. Туда незадолго до начала войны привезли из ремонта танк Т-28. Был этот танк трехбашенным, быстроходным, но с лёгкой бронёй. Распределить в части этот танк не успели, когда началась война и интенсивные бомбардировки Минска. Руководство склада приняло решение об эвакуации склада и танк хотели сжечь, но среди работников склада нашёлся опытный механик-водитель, который вызвался этот танк доставить по назначению.

27.06.41 г. с территории склада вышла большая колонна автомашин с имуществом, замыкал которую танк Т-28, и двинулась на Смоленск.

Недалеко от реки Березина танк остановился - лопнул бензопровод. Механик-водитель остался исправлять машину, а колонна ушла дальше.

Механик-водитель, устранив неисправность, двинул свой танк дальше на восток. На мосту через Березину танк остановил полковник, который, быстро установив, что танк фактически ничейный, приказал танкисту двигаться в указанное им место, заправиться и ждать его.

Полковник скоро пришёл и стал рассказывать танкисту, как он необходим войскам, что занимали восточный берег Березины.

- Ведь солдаты, - говорил он, - с начала войны не видели ни одного нашего танка, только тучи немецких. Поезди, пожалуйста, вдоль берега, покажись людям, укрепи их дух!

Танкист поехал вдоль окопов и за ними, а потом генерал Ермаков отправил его за реку в дозор, дополнив экипаж сержантом.

Выбрав удобное место в 2-3-х километрах от Березины и замаскировав машину ветками, дозор стал наблюдать за пустынной дорогой.

Совсем неожиданно со стороны леса появился майор и три курсанта. Майор, узнав задачу танку, сославшись на устав, по которому надо выполнять последний приказ, распорядился, чтобы сержант оставался вести наблюдение, а танк он берёт, чтобы вытащить три учебных танка, застрявших в болоте. Новый экипаж танка двинулся в путь.

У болота увидели только глубокие следы гусениц, а танков уже не было. Видимо, танкисты выбрали сами.

Майор приказал танк укрыть, а сам с двумя курсантами ушёл в лес. Вскоре они вернулись. Уже стемнело. Майор приказал ехать к найденным им складам. Там они загрузили боеприпасы куда только можно и расположились отдыхать на ночь.

Утром майор снова ушёл в разведку, а вернувшись, провёл совет на тему, как выбираться из глубокого тыла немцев к своим. Все решили идти через Минск, а не обходить его стороной.

Быстроходная машина вошла в уже тыловой для немцев город, и здесь начался её героический рейд. Из пулемётов поливали скопления немцев на улицах, раздавили и смяли колонну мотоциклистов, в центре города расстреляли колонну с боеприпасами и живой силой, отметив свой путь трупами врагов и сгоревшей техникой. Расстреляв весь боезапас (осталось лишь 6 снарядов), танк устремился на выход из города. По пустынным улицам он мчался на восток к своим, выполнив свой воинский долг.

На выходе из города танк был подбит огнём противотанковой батареи немцев. Майор приказал экипажу покинуть машину. Ещё раз полоснув из пулемётов по немецким автоматчикам, механик-водитель и майор бросились бежать к ближайшим домам. Уже после войны удалось найти живыми и здоровыми двоих из этого танкового экипажа: механика-водителя и одного из тех курсантов. Механик-водитель был легко ранен, но вместе с группой солдат и офицеров перешёл линию фронта и успешно воевал до конца войны. Тяжело раненного курсанта пленили немцы и на допросах очень интересовались - откуда здесь в тылу появился этот танк, наделавший такую панику среди немцев и нанёсший большой урон живой силе и технике в тыловом гарнизоне?

Им, немцам, был страшен и непонятен подвиг танкистов майора. Что это был подвиг, они понимали. Они не понимали истоков его самопожертвования. Пропагандистская машина Геббельса утверждала, что русский народ и другие народы России находится под жестоким ярмом "жидов и коммунистов" и они не окажут серьёзного сопротивления "освободительной миссии немцев, устанавливающей новый мировой порядок".

- А тут, рискуя жизнями, пять молодых парней на лёгком танке врываются в город запруженный войсками противника... Зачем? Чтобы нанести максимальный урон противнику! Тут есть большая нестыковка с Геббельсом, - думали немцы, подсчитывая свои потери.

А имя и судьба организатора этого рейда - майора - остались неизвестны. Но именно про таких, как он, А.М. Горький писал:

"... в песнях смелых и сильных духом

Всегда ты будешь Живым примером

А.М. Горький был тем писателем, который на примере своих героев учил, как надо действовать в жизни с её простыми и сложными ситуациями. Такие книги он называл источниками знаний, потому что они указывают правильную дорогу людям.

И эти люди из всех путей избрали именно тот, который привёл к наибольшим потерям врага, но который был и самым опасным. Это поступок героев, защищающих свою родину! Вечная им Слава!

А теперь, сославшись на Г.К. Жукова, установим, что Западный фронт, руководимый Павловым, имел 24 стрелковых дивизии, 12 танковых, 6 моторизованных и 2 кавалерийских.

Немцы бросили против него 50 дивизий, из них 15 танковых.

При таком соотношении сил обороняться было можно и вполне успешно, что показали 64-я и 108-я стрелковые дивизии, сдерживавшие атаки стратегических танковых клиньев немцев в течение четырех суток, без танков и поддержки авиации.

В этих боях немцы потеряли более 300 танков и не менее дивизии пехоты.

Ещё один пример тех дней показала 24-я Железная Самаро-Ульяновская стрелковая дивизия.

24-я Железная Самаро-Ульяновская стрелковая дивизия

Родилась она в огне Гражданской войны в 1918 г. из партизанских отрядов Поволжья, когда войска Колчака перешли на западный берег Волги. Командование дивизией принял легендарный герой гражданской войны Гай. В начавшихся боях дивизия наносит крупные поражения колчаковским войскам, освобождает город Симбирск (Ульяновск) и успешно участвует в освобождении Поволжья, а потом и Сибири от Колчака и белочехов. Боевые дела дивизии в Гражданской войне сделали её и в мирное время воинским соединением, на которое обращало повышенное внимание руководство страны.

За успешные боевые действия в войне с Финляндией зимой 1939-1940 гг. дивизия награждается вторым орденом Боевого Красного знамени. Она одна из первых моторизуется, для чего ей передаётся 500 автомашин. Она участвует в первомайском параде в г. Ленинграде и вскоре перемещается в Белорусский военный округ. Там она включается в состав 3-й армии и располагается в г. Молодечно. Командует дивизией хорошо обученный с большим опытом генерал-лейтенант Галицкий.

О начале войны генерал Галицкий узнаёт по боевым действиям немцев. Связь со штабом армии нарушена и к тому времени ещё не была восстановлена. Днём 22 июня 1941 г. генерал Галицкий получает приказ командующего 3-й армией генерал-лейтенанта Кузнецова В.И. на марш в сторону границы. На вторые сутки дивизия заняла указанный ей рубеж, район Трабы, западнее Минска, ведя разведку и выставив сильное охранение.

25 июня охранение обнаружило большую колонну немецких войск, движущихся к Минску, и из засады разгромило её. Уничтожив 30 танков, около 50 грузовиков, 110 мотоциклистов с колясками и более 500 солдат и офицеров.

Взято в плен 110 солдат и 7 офицеров, много трофеев, в том числе 40 исправных мотоциклов с колясками и пулемётами на них, которые тут же распределили по подразделениям разведки 24-й Железной дивизии.

На другой день дивизия пять раз была атакована крупными силами танков и пехоты после сильных артиллерийских и авиационных налётов. В этих атаках немцы потеряли 97 танков, 8 самолётов и большое количество пехоты. Как выяснилось, 24-ю Железную дивизию атаковала немецкая 19-я танковая дивизия - соединение немецкой армии, прославленное своими походами во Франции и Польше. Помогали 19-й танковой дивизии также подразделения других соединений немцев, входящих в 3-ю танковую группу генерала Гота.

Но 24-я Железная дивизия стойко удерживала свои позиции, сокрушая немецкие войска малой кровью и готовясь к наступлению.

Накануне дивизия получила прямо с эшелона танковый батальон: 10 шт. "КВ", 12 - "Т-34" и 15 - "Т-26". Это подразделение в описанных боях не участвовало. Генерал Галицкий берёт его для наступления, которое дивизии приказано было провести 27 июня, т. е. сразу после штурма её позиций 19-й танковой дивизией немцев.

Чтобы было понятно, сообщим структуру дивизии немцев. Она имела один танковый полк, два моторизованных и один артиллерийский полки. Всего 16000 человек, от 147 до 209 танков, 27 бронемашин, 192 орудия и миномёта. На вооружении находились в основном танки Т-III и Т-IV.

27 июня Железная дивизия пошла в наступление при поддержке танкового батальона после артиллерийской атаки на позиции немцев. Немцев гнали десять километров. До тех пор, пока не поступил приказ:

- Закрепиться на достигнутых рубежах.

Попытки немцев контратаковать танками наши наступающие войска кончились для немцев плохо. Генерал Галицкий лично наблюдал атаку трёх немецких танков на один наш КВ-1.

Два танка он подбил из своей мощной 76,2 мм пушки, третий бросился наутёк, но тут же, въехав в воронку, застрял. Мощный КВ-1 наехал на него и раздавил, как орех.

Генерал Галицкий рассказывает и такой случай. Во время танковой атаки немцев один из наводчиков 45-миллиметровой пушки шестью выстрелами подряд уничтожил шесть немецких танков.

Пока видно, что оружие нашей армии работало хорошо.

28 июня немцы заняли Минск. Оборона дальних западных подступов к Минску потеряла смысл. Дивизия получила приказ на выход из окружения.

В ночь с 28 на 29 июня дивизия тихо снялась со своих позиций и двумя колоннами двинулась на юго-восток, ведя разведку на путях движения и прикрываясь моторизованной группой с танками; на 12-й день дивизия вышла к своим. На этом пути она брала города, уничтожала десант немцев, которым они пытались замедлить её марш, громила их тыловые колонны, помогала своим выйти из окружения - малым и большим группам. Это шло сильное боевое соединение, которое немцы не могли одолеть. Дивизия вышла из окружения, сохранив две трети личного состава и большую часть тяжёлого вооружения.

О мастерстве командного состава 24-й Железной дивизии свидетельствует факт умелого отрыва от немцев в ночь на 29 июня. Днём 28 июня, после мощного наступления дивизии, немцы вели себя тихо, подтягивали новые силы для решительного штурма этого очага сопротивления. С утра 29 июня этот штурм начался мощной артиллерийской атакой. Целый час немцы перепарывали тяжёлыми снарядами и минами землю со старыми солдатскими окурками. Потом начался авиационный налёт... а дивизия к тому времени уже отдыхала в лесах Полесья после пятидесятикилометрового ночного марша, ведя разведку и хорошо прикрывшись боевыми охранениями. Это была тоже победа.

Интересно, как эти события описывает генерал Гот, командовавший в то время 3-й танковой группой немцев, куда входила и 19-я танковая дивизия. В своих мемуарах он пишет: "... 19-й танковой дивизии, совершавшей 25 июня марш через Вороново, Трабы на Минск, пришлось прокладывать себе дорогу через массы войск противника... Правый фланг 19-й дивизии постоянно подвергался атакам противника при поддержке 50-тонных танков ("КВ-1", - Автор). Поэтому дивизия была вынуждена из длинной походной колонны развернуться фронтом на юг. До 28 июня она отражала атаки противника с южного направления".

А о том, что в своих атаках 19-я танковая дивизия немцев потеряла почти все танки и около трети личного состава, генерал Гот не говорит, как о событии мелком или недостойном его внимания.

Генералы тоже люди и о своих промахах или неудачах говорить не любят, если они не стали известны многим.

Через 1,5 месяца от начала войны генералы Кузнецов и Галицкий, обсуждая трагическое начало войны, пришли к выводу, что при нормальных условиях трагедии можно было бы избежать. А против стремительного продвижения "танковых клиньев" немцев можно успешно использовать артиллерийские засады, минирование мостов и дорог, фланговые удары по колоннам обеспечения и многое другое. Эффективны были бы и танковые контратаки.

Юго-западный фронт

В соответствии с планом Барбаросса немцы наносили вспомогательный удар по войскам Юго-западного фронта, отсекая их от Молдавии и Западной Украины, ударом танкового клина из района южнее г. Бреста на Запорожье и Киев. Эту задачу у немцев должны были решать войска первой танковой группы под командованием фельдмаршала Фон Клейста. В состав этой группы входили 33 дивизии, из них 9 танковых.

Юго-западный фронт имел 32 стрелковые дивизии, 16 танковых, 8 моторизованных, 2 кавалерийские. Чтобы было ясно и указанные войсковые соединения своим количеством не затемняли истину, надо отметить, что многие наши дивизии имели численность и вооружение по штатам мирного времени - около 5 тысяч человек (у немецкой дивизии штатная численность была 16000 человек). Что касается танковых дивизий, то они были

укомплектованы в основном танками Тухачевского, бортовая броня которых пробивалась винтовочными бронебойными пулями.

Было здесь еще одно немаловажное обстоятельство - генералы, которые умели воевать в прошедшие войны. Немцы же предложили новый вариант войны - молниеносный. В прошедшей войне немцы потерпели поражение, потому их военная мысль искала и нашла новый путь к победоносной войне. Он состоял в максимальной концентрации усилий всех родов войск на избранных направлениях, которые давали бы эффект Канн - окружить и уничтожить. В этой стратегии допускалось и пленение.

Наши военные стратеги из Генштаба и многие генералы рангом ниже не понимали сути "молниеносной войны", считая, что будет еще "раскачка" на дипломатическом уровне, потом выдвижение войск к границам и что в "молниеносной войне" с СССР немцы свой главный удар нанесут на Украине, потому и концентрация наших войск в этом районе была наибольшей. Видимо, воспреобладал тот миф, что у немцев мало хлеба и сала, а украинские сало и хлеб они любят издавна.

Встретив упорное сопротивление наших войск на этом направлении с первых часов войны, они не могли решить указанную им задачу планом "Барбаросса", несли большие потери, а контрнаступления наших войск часто имели хоть и частные, но заметные успехи.

Авиационное соединение генерала-майора Т.Т. Хрюкина встретило войну на Западной Украине.

Все самолеты соединения, как того требовала директива Генерального штаба, были рассредоточены по полевым аэродромам и хорошо замаскированы. Потому, когда немцы ранним утром 22 июня 1941 г. прилетели уничтожить нашу авиацию на аэродроме постоянного базирования, ее там не оказалось, но зато она неожиданно объявилась в воздухе и навязала "юнкерсам" суровый воздушный бой. Он закончился поражением немцев со счетом 13:8. Неплохо для начала. Вот вам и старая техника, которую, по мнению некоторых наших мемуаристов, вроде бы и не жалко.

Генерал Т.Т. Хрюков был опытный летчик и командир летных соединений. На боевом счету этого бывшего беспризорника был и японский авианосец, пущенный им на дно Желтого моря. Китайское правительство отмечало не раз его заслуги боевыми орденами. А правительство СССР за блестящее выполнение заданий правительства удостоило его золотой звезды Героя и звания генерал-майора авиации. Тогда ему было всего 30 лет. Он был самый молодой генерал.

Этот малый эпизод начала боевых действий Юго-Западного фронта говорит о том, что та директива Генштаба от 18 июня 1941 г. войсками округа была получена и выполнена каждым генералом в меру своего понимания "молниеносной войны".

О тех временах есть свидетельства маршала К.К. Рокоссовского о силе нашего оружия. Он описывал бой артиллеристов 20-й танковой дивизии, вооруженных новыми 85-мм пушками.

"Орудия поставили в кюветах, на возвышенности у шоссе, а часть - непосредственно на полотне для прямой наводки.

Настал момент встречи. Немцы накатывались большой ромбовидной группой. Впереди мотоциклисты, за ними бронемашины и танки.

Мы видели с НП, как шла на 20-ю танковую внушительная сила врага. И увидели, что с ней стало. Артиллеристы подпустили немцев близко и открыли огонь. На шоссе осталась чудовищная каша... Враг понес тут большой урон и был отброшен" (Солдатский долг. - М.: Воениздат, 1968. - С. 18-19).

Наши отбивали города, вели танковые сражения, жестко оборонялись.

До конца июля немцы не могли выйти на оперативный простор и окружить наши войска согласно плану "Барбаросса".

За это время войска фронта отступали из Молдавии и Западной Украины. Положение усугублялось тем, что с севера нависали немцы, наступавшие с запада на Москву.

Свою стратегическую задачу по плану "Барбаросса" на Юго-западном фронте немцы лишь частично выполнили в середине августа, оттеснив наши войска к Одессе, частично окружив некоторые соединения 6-й армии в районе Умани и выйдя к Днепропетровску и на

нижнее течение Днепра. Здесь без всякого противодействия со стороны наших войск 9-й армии под командованием генерала Черевиченко 31 августа немецкие части 11-й армии под командованием генерала Манштейна переправились на восточный берег Днепра. Создавался плацдарм для удара на Крым через Перекоп и от Запорожья на север для окружения войск обороняющих Киев.

К этому времени немцы захватили Смоленск и Ельню и нависали над тылами Юго-Западного фронта грозной силой, способной привести к катастрофе. Таким образом, события на Юго-Западном фронте предопределяли события Западного фронта. 2-я танковая группа Гудериана из под Брянска и Ельни повернула на юг и ударила по тылам Юго-Западного фронта навстречу 1-й танковой группе Клейста, двинувшейся от Запорожья на север. Получился большой котел из группы войск, оборонявших Киев.

П.И. Батов в своей книге "Перекоп-41" (Крым, Симферополь - 1970 г.), бывший в то время заместителем командующего 51-й армией сформированной в Крыму, рассказывает о своих попытках связи со штабом 9-й армии, которую его обязал установить начальник Генерального штаба маршал Б.М. Шапошников.

9-я армия обороняла нижнее течение Днепра до Днепропетровска, и крымская армия была ее левым соседом.

Когда от авиационной разведки стало известно, что немцы без противодействия наших войск переправились через Днепр южнее Каховки, у командования крымской группой войск возникло законное желание узнать соображения на этот счет командующего 9-й армией генерала Черевиченко. Для связи был послан в штаб Черевиченко офицер, который по возвращении доложил, что "состояние штаба 9-й армии таково, что схватить у них суть дела о положении войск противника трудно".

Второй офицер связи, посланный на другой день в штаб 9-й армии, тоже вернулся ни с чем. Оперативный отдел штаба не имел сведений о противнике и его намерениях, а генерал Черевиченко имел болезненный вид. С этим болезненным видом они отводили свои войска на восток, совершенно не думая о своем крымском соседе.

А на войне о своем соседе думать надо.

Примерно в это же время в боях у Великого Новгорода в трудное положение попала 28-я танковая дивизия полковника И.Д. Черняховского. Немцы обошли ее с правого фланга, сильно потеснив соседа. В этот момент наступавшие немцы подверглись интенсивному и эффективному удару нашей авиации. А потом правый фланг дивизии Черняховского дружно поднялся в атаку. Тоже сделали и отступившие. Немцы попали в клещи и, понеся большие потери, отошли на исходные позиции. А на поле боя встретились две наших части и их командиры: полковник Черняховский и генерал-лейтенант Ватутин - начальник штаба Северо-западного фронта.

После победного завершения боя Черняховский прибыл для доклада Ватутину.

- Правильно действуете, полковник. Сам погибай, а товарища выручай.

Оба героя этого эпизода не дожили до победы, но их воинская доблесть и слава ясно сияют в созвездии героев прошедшей войны. Они умело защищали свою родину и против всех хитростей "молниеносной войны", начатой немцами, нашли нужные отмычки для победы.

О генерал-полковнике Черевиченко этого сказать нельзя. До войны он командовал Одесским военным округом, во время Гражданской войны - храбрый командир кавалерийского полка. Учили его в академии, но вот одолеть мудрость "молниеносной войны" он не смог. Его таланты пробовали использовать на разных должностях во время войны, включая командира стрелкового корпуса, но они так и не приобрели блеска славы. Но его роль в потере обороны по нижнему течению Днепра и захвате немцами исправных мостов через Днепр предопределили создание немцами на его левом берегу большого плацдарма и в, конечном итоге, окружение группы войск генерал Кирпоноса, стойко оборонявших район Киева и большой участок Днепра.

Анализ военных действий на Юго-западном фронте дает основание утверждать, что войска округа были приведены в боевую готовность директивой Генштаба от 18 июня и организованно встретили врага.

Героями не рождаются

В царской России церковь не была отделена от государства, т. е. была политической структурой государственной власти. В её ведении находились, например, вопросы бракосочетания, разводы, регистрация рождений и смертей, нравственного воспитания народа, начального обучения грамоте детей и много других государственных дел, связанных с идеологическими вопросами жизни общества. Под её постоянным и суровым контролем находились история, литература и искусство. Она сурово карала ослушников.

Великого Л.Н. Толстого церковный синод отлучил от церкви потому, что в своих исторических изысканиях он установил, что Христос - не Бог, а человек (также считает и Коран).

А почему Л.Н. Толстой взялся за эту опасную проблему?

Оказывается, впервые библия была открыто опубликована церковью во второй половине XIX века. Любопытный Л.Н. Толстой, ознакомившись с этим главным политическим творением церкви, увидел в нём много несуразностей, что побудило его обратиться к первоисточникам и даже выучить древнееврейский язык. Эта любознательность обернулась для него тем, что его тело после смерти попы отказались хоронить на кладбище (кладбища тоже были в ведении церкви) как человека, отлучённого от церкви.

Его погребли в собственной земле приусадебного парка, куда церковная власть не допускалась "священной частной собственностью".

И глеют его кости в земле "Солнечной поляны" под умиротворённый шум деревьев старого парка, оставаясь вечным немым укором церковной "упёртости", творящей святых из царей, которых при жизни называли кровавыми, и предавшей проклятью человека, которого уже при жизни называли совестью нации, великим и гениальным.

Мелкие служители церкви - попы - видели примеры своих иерархов и глумились над подвластным им народом в меру своих возможностей. Особенно изощрённо они упражнялись при "наречении" новорождённых.

Мало дал попу за крестины, чем-то не угодил попу в мирских делах и... выкопает в святцах "святой отец" такое имечко, что вся округа-приход будет потешаться до следующего поповского выверта.

Так вот и появился на селе раб божий Никанор.

Для греков, может быть, это имя звучит красиво и величественно, а у нас так и остался он Никанором, когда был ребёнком, и продолжал быть Никанором, когда стал взрослым парнем.

Его отца вскоре после крещения сына царь призвал воевать "за Веру, Царя и Отечество", где он и сложил свою "буйную разудалую головушку" под мощным разрывом немецкой шрапнели.

Мать Никанора сначала сделалась солдаткой, а потом и вдовой солдата, добывая и замешивая свой хлеб со слезами пополам. Одна надежда и радость остались в её жизни - сын Никанор.

В тихую глухую деревню социальные бури редко докатывают свои волны, но их страшные отзвуки довольно часто приходят в их прокопчённые избы.

Так и тогда её девическая подружка Настя увидела сон. Как будто сам царь едет по их деревне в открытой коляске. Народ смотрит и молчит. И царь молчит.

- К чему бы это? - спрашивала Настя у своей подружки, встретившись у колодца. Ни к какому выводу молодые женщины тогда не пришли, но посчитали:

- Это неспроста, - а немного помолчав, Настя добавила, - набуруздится в этих снах, а мы потом ломаем себе голову - к чему бы это?..

Но в тот же день к вечеру тревожно зазвонил церковный колокол. Народ знал, что это будут серьёзные новости, все шли, отложив дела. Ждали вестей о войне, и особенно о мире. Уже четвёртый год шёл этой войне. Деревни обнищали без мужиков-кормильцев. Женщины надрывались на тяжёлой крестьянской работе с утра до вечера. И только горестные рыдания-крики постоянно нарушали напряжённую деревенскую тишину, когда в очередную избу приходила весть о гибели ещё одного "раба божьего за веру, царя и отчества". В этот раз поп

сказал собравшимся, что царя теперь у них нет. Он отрёкся от престола. Страной будет править Временное правительство.

Старики чесали затылки, ища в них разума. Женщины вспомнили о Настином сне и никак не могли взять в толк того, как этой простой деревенской бабе могло явиться такое предсказание.

Но... время пошло отматывать события и имена. Появилось новое слово - "большевики". Народ в глухих деревнях ещё не успел привыкнуть к этому слову, как партия с этим названием оказалась у власти. Её руководитель Ленин сказал: "Мир - народам, землю - крестьянам, заводы - рабочим, власть - народу." Сказал то, чего ждал и хотел народ.

Новая жизнь стала решительно проникать в деревню и малые города. Власть стала своей, народной. Её назвали Советом. Это была революция.

Разбежались богатеи. Присмирели попы. Теперь они сами не давали имена новорождённым. Это право перешло к родителям. И сразу исчезли Матрёны, Хавроньи, Пелагеи, Марфы, Ипполиты-Амполеи, Никаноры, бесчисленные Ивановы. Но появились Александры, Николаи, Владимеры, Константины, Анатолии. Народ стал свободным. Теперь рос свободным в большом селе и Никанор, куда новая жизнь вторгалась смело и решительно.

С лошадьё он управлялся умело, зная эту науку с раннего детского возраста. Мать учила его, как своего помощника, а потом и как будущего хозяина-кормильца. Гнедой меринок слушался своего молодого хозяина, исправно таская борону или плуг на поле, телегу или сани с поклажей по ухабистым сельским дорогам, которые жили своей естественной жизнью без ремонтов и улучшений многие сотни лет. Решительное улучшение дорог начиналось только зимой, когда снегом заметались ухабы и рытвины, а широкие полозья саней-дровней заглаживали и выравнивали их, делая дорогу лёгкой.

С осени, когда сельские работы уменьшались, Никанор ходил в начальную школу, и в 12 лет он окончил её.

Их учительница, наставляя их на дальнейшую жизнь, говорила о книгах, в которых написано много полезного, о дальнейшей учёбе в семилетней школе, о том, что стране очень нужны грамотные люди. Вскоре она пришла в избу к Никанору и долго разговаривала с его матерью о том, чтобы учить Никанора дальше, называя её Олимпиадой Ивановной. Это как-то удивляло Никанора и делало просьбу-совет учительницы особенно убедительной, важной. В селе его мать все взрослые называли Липой, а сверстники Никанора - тётёй Липой, а тут вдруг - Олимпиада Ивановна.

Никанор почёсывал вихрастый затылок и верил, что его добрая и ласковая мать согласится с учительницей. Учительница говорила о колхозе, с которым стало как-то легче жить крестьянам. Что колхоз будет давать в зимнее время лошадей, чтобы возить детей в семилетнюю школу, что власть поможет ей с одеждой и обувью для сына... Наконец, мать Никанора согласилась.

- Всё-таки, - думала она, - учёному легче жить. Может, выучится на учителя ...

И, как будто угадывая её мысли, учительница продолжала. - Он у вас смышлёный. Учиться будет хорошо. Пред ним открыты все дороги.

- С устройством в школу, - продолжала учительница, - вам беспокоиться не надо. Я сама отведу их к директору школы и устрою их на учёбу. Недавно я видела его. Он просил присылать наших выпускников в пятый класс его школы. Школа его хорошая. У них есть подсобное хозяйство. Сеют хлеб, растят много овощей. У них есть свиноводческая ферма. Всё это идёт на обеды ученикам, так что пустых щей там не бывает. Хорошо кормят.

Липа знала об этом, и теперь ей стало ещё ясней, что она поступила правильно, согласившись отправить своего сына учиться дальше.

Одобрил её решение и председатель колхоза.

- Молодец ты у нас, Олимпиада Ивановна, - сказал он. - И работа у тебя всякая спорится, и голова твоя правильно понимает политику нашей партии и государства. Учи парнишку, мы тебе в этом будем помогать.

И время полетело.

В холодное время, укутанные в свою немудрящую одежку, они тихо сидели на снях, хорошо набитых сеном, дружно вскакивая с саней по команде деда Андрона, когда

дорога поднималась в гору, чтобы не утомлять лошадь. И снова весело кувыркались в сено на сани, как только кончался подъём.

Дед Андрон беззлобно ворчал, что вот развалите сани и назад пойдёте пешком, но ему самому было веселей и забавней глядеть на их возню, чем оставаться наедине со своими невесёлыми стариковскими думами.

Дорога бежала незаметно. Дед погонял лошадь, постоянно разговаривая с ней.

- Но... пошёл, Чалый, - покрикивал он на лошадь, когда дорога шла под уклоны, - шевелись! Наших грамотеев везёшь!

- Но... давай, дорогой, попроворней, а то к звонку не успеем.

А кончив увещевать лошадь, он поворачивался к своим седокам и строго спрашивал:

- Уроки все выучили?

- Выучили, - отвечал кто-нибудь из ребят.

- То-то мне, гляди! Чтобы "неудов" не было! Мне сам председатель наказывал глядеть за вами, грамотеями.

И повернувшись к сбавившей шаг лошади, продолжал с ней свой бесконечный монолог:

- Но, Чалый, совсем задремал, шевелись, милый. Но!

К звонку успевали всегда.

Ребята дружно бежали в классы, а дед-возничий устраивал лошадь у коновязи, ослабляя чересседельник, давая ей сено, укрывая сани попоной, чтобы сено над ней оставалось сухим и не заносилось снегом. Обойдя ещё раз подводу, он шёл к своему старому знакомому Даниле, служившему в школе истопником, конюхом и начальником куба.

Кубом назывался большой котёл с краном, вмазанный в печь, в котором кипятили воду. Чтобы на стенках котла меньше оседало накипи, в центре его была сделана пирамида из разбитой фаянсовой посуды - тарелки, блюдца, чашки, которая и служила местом оседания накипи, делая кипячёную воду мягкой. В печи должны постоянно гореть дрова, чтобы в котле постоянно был кипяток. За ним приходили из ученической столовой, из учительской, из ближайшего школьного общежития.

Так и топились этот куб с утра до позднего вечера. За ним был нужен постоянный присмотр. Его и проводил Данила, живший с семьёй рядом с кубовой, в большой комнате на первом этаже школьного здания.

- Как доехал? - всегда спрашивал Данила своего друга Андрона.

- Ну, проходи, раздевайся, грейся, сейчас чайку попьём, - говорил Данила, большой любитель чая. Он мог пить чай много раз в день и всегда это делал с удовольствием.

За чаем шла беседа о жизни, о делах, о колхозных новостях. Жизнь в колхозах налаживалась, и новости были хорошими.

Данила со звонком в руке выходил на улицу и подавал общий сигнал для всех, кто находился в других зданиях школы, об уроках и переменах, подкладывая дрова в печь куба, доливал в котёл воды, черпая её ведром из бочки, стоявшей у двери в углу.

Дед Андрон ходил к лошади, подкладывая ей корма, поил, ходил по магазинам, но снова возвращался к Даниле, и они не спеша снова пили чай до последнего звонка. Случалось, из магазина Андрон приносил четвертинку водки. Тогда их беседа принимала более жизнерадостный характер. Старики оживлялись, вспоминали молодые годы и бесчисленные случаи-события, виденные или слышанные ими. Водка взбадривала их изношенные организмы, заставляла ровней и энергичней биться их уставшие сердца, порождала иллюзии и надежды. Уходила прочь обыденная скука, делалось веселей, и радость жизни начинала светиться в их глазах. Скорее всего, именно для этого в древности очень мудрые, но старые люди придумали этот веселящий напиток. Молодым не нужен такой напиток. Их организмы и без того начинены весельем силы, весельем познания, весельем красоты. А вот у стариков...

Детям в школе рассказывали про Пушкина и Некрасова, про Пифагора и Архимеда. Они учили наизусть стихи и законы, с удивлением расширяя мир своих знаний и чувств.

Возможно, тогда, а может, и раньше Никанор узнал о двух сокровенных мечтах людей - научиться летать и управлять погодой. Он и сам понимал это, но подняться до такой дерзости, чтобы летать, как птица, у него не хватало духа. Теперь школа укрепляла его дерзновенный дух, который породил вскоре и явную мечту - стать лётчиком. Эта мечта сначала испугала его своей несбыточностью. Вот она, стая грачей и галок, вернулась к ночи с кормёжки на убранных полях и устраивается на ночлег на верхних сучьях, сбросивших листву деревьев. Они выбирали высокие деревья, тесно усаживались на верхние сучья, образуя чёрные гроздья, вдруг появившиеся на тонких сучках белоствольных берёз. С большой высоты, усталые и мокрые, одни плавно снижались, спокойно расставаясь с высотой, нацеливаясь на ещё не занятый участок верхнего сучка дерева; другие, наиболее нетерпеливые, падали почти отвесно, кувыркаясь и выписывая замысловатые фигуры, умудряясь в нужный момент снова поймать крыльями воздух, погасить скорость и уже спокойно, почти рассудительно, опуститься на выбранный кусочек сучка.

Тихо усевшись, птицы изредка перелетали с сучка на сучок, отыскивая более удобное место. Ночь располагала к покою.

Никанор любил наблюдать за полётом птиц, пристроившись где-нибудь на пеньке за сараем, тихо наблюдая красоту их полёта.

- Как мастерски, - думал он, - они управляют своим движением в воздухе. Это их стихия, и они ею созданы. Мы - люди. Наша стихия - земля. Мы живём на ней, и она нас кормит, даёт тепло, свет, жильё и одежду...

В школе он узнал, что попытки людей летать, используя силу своих мышц, всегда кончались неудачей. Успех в освоении полёта к человечеству пришёл, как только эту задачу он стал решать, опираясь на силу своего разума. Эта сила оказалась больше, чем сила мышц. Она поднимала теперь в воздух большие машины, способные лететь быстрее и дальше, чем птицы, и в холод, и в жару и в непогоду.

Никанор учился хорошо, жадно впитывая своим умом богатство знаний человечества от Пифагора и Архимеда до Ломоносова и Жуковского. В большой школьной библиотеке он вскоре стал своим человеком, который искал в ней не только как стать сильным и выносливым, но и как люди познавали "жилище богов" - небо. Это жилище оказалось холодным пространством с сильно разреженным воздухом. В школе из книг он узнал, что знающий естественные науки не нуждается в гипотезе о боге. Законы природы суровы и непреклонны. Их нельзя обмануть, но учесть можно. Для лётчика это было первейшим правилом.

Бог был нужен слабым. В нём они искали опору и защиту, а сильные рассчитывают на себя. Им бог не нужен.

Крестьянин-единоличник был слабым не защищённым человеком, которого легко повергала в нужду даже обычная непогода. Он искал защиту в боге, но не находил её. Находил лишь попа, который тоже тянул с него нищенские копейки.

Объединившись в колхоз, крестьяне создали сильный коллектив, способный противостоять и непогоде, и поповским заклинаниям. Жизнь у колхозников улучшалась с каждым годом. Люди стали забывать, что такое голод. Стало символичным, что вдова крестьянина отправляет своего сына в город получать среднее образование в профтехучилище (техникум).

Теперь он шесть дней жил в районном городе, а на выходные шёл домой, чтобы навестить мать.

Военком в жизни Никанора появился внезапно на общем собрании училища. Он говорил об авиации, что стране нужны лётчики и если кто из студентов пожелает идти в авиацию, то он просит подойти к нему после собрания или зайти в Райвоенкомат.

Теперь у Никанора появился надёжный и мощный товарищ, единомышленник, готовый помогать Никанору в осуществлении его мечты.

Военком сказал, что через год к новому осеннему набору он отправит Никанора в лётное училище для прохождения экзаменов. Деньги на дорогу и проживание выдаст военкомат.

Препятствие возникло неожиданно. Воспротивилась мать. Она и слышать не хотела об этих самолётах, которые летают так высоко, что их почти не видно. А если что поломаётся? А если что не заладится?

А если... И горькие слёзы полились из её глаз.

Никанор и сам был готов заплакать. Было жаль добрую и заботливую мать. Конечно, ей здесь одной будет и трудней, и скучней. Но небо уже завладело им и не отпускало ни днём, ни ночью.

У матери Никанора были свои планы на жизнь сына, в которых она отводила себе место свекрови, а потом и бабушки в новом ухоженном доме сына с его женой и детьми.

Их позиции не сблизилась. Время шло... наступил день отъезда. Никанор дождался, когда мать уйдёт на работу, написал матери короткую записку, взял кусок сала и ковригу хлеба и ушёл.

По селу мгновенно прошёл слух:

- Липочкин Никанор ушёл из дома учиться на лётчика, взяв кусок сала и ковригу хлеба.

Молодёжь говорила, что он будет хорошим лётчиком, потому что такого крепкого и отчаянного парня на селе больше нет.

Люди пожилые жалели Липу, уповали на новое время и утешали - ведь не помер же он. Гляди какой заявится через годок!

Мудрые старики знали, что говорили. Через год Никанор явился домой в красивой синей форме с голубыми кантами и петлицами, на которых блестели лётные эмблемы, в фуражке с кокардой и блестящих хромовых сапогах.

Мать Никанора растерялась совсем. Не знала, куда посадить, чем накормить. Он писал ей письма, присылал фотографии. Мать знала, что вот-вот он приедет в отпуск... А приехал, так и обомлела, такой красивый и складный вырос у неё сын. Поначалу думала - отвык от матери со своими самолётами. Но он сам первый кинулся её обнимать и целовать её обветренные прожаренные солнцем щёки, её шершавые мозолистые руки. Добрые руки матери, не знавшие отдыха ни зимой, ни летом.

О приезде Никанора село узнало сразу, но и друзья, и родственники, да и просто односельчане выжидали, преодолевая свой законный интерес к новой жизни, которую являл собой Никанор, шагнув от сохи - деревянного плуга, к самолёту - невиданной машине, летающей быстрее птиц, выше птиц и дальше птиц.

Они понимали, что эти первые минуты свидания-счастья принадлежат матери и только ей одной. И никто не решился нарушить этого счастья. Вдовьего счастья со слезами пополам, такого долгожданного и такого быстротечного.

Уже ближе к вечеру первым не выдержал Ампалей. Принарядившись в новую рубаху, он двинулся к своим родственникам, вызывая любопытство и зависть всего села.

- Ампалей Егорыч, никак в гости собрались? - Говорили встречные односельчане.

- Да, надо проведать героя, - отвечал Ампалей Егорович, явно приосанившись от осознания важности визита и его прямой причастности к этому событию.

Ампалей Егорович, как и всякий крестьянин, был мастером широкого профиля, но особенно ему удавалось сапожное мастерство. Ни одни сапоги сносил Никанор, сработанные дядей Ампалеем. Да и заковыристые имена дал им в своё время поп не то в насмешку, не то от злости. Его нарёк поп Ипполитом. Это уже потом народ стал называть его Ампалеем, потому что так проще было выговаривать.

Ампалей был сигналом. За ним двинулись "народные массы". Каждый видел в Никаноре и своё участие. Пусть оно было небольшим, но оно было, потому и шли, как к образцу новой жизни, которую он собой представлял и о которой он рассказывал.

Потом будут рассказывать о нём односельчане, и каждый его будет при этом называть "Наш Никанор...".

Им гордились все. И для него горячее внимание его земляков требовало взаимной ответственности. Это уже потом, после войны с Японией на реке Халхин-Гол, когда за сбитые самолёты японцев его наградят орденом Боевого Красного знамени и он снова приедет в село, председатель колхоза скажет:

- Ты наш герой! И если мы раньше поклонялись Георгию Победоносцу, который одолел змея, то ты, дорогой Никанор, этих змеев одолел многих. За то тебе честь и слава! Потому правление колхоза решило устроить завтра в твою честь праздник колхоза. В клубе ты расскажешь нам о своих делах, мы тебе - о своих. Потом будет общий торжественный обед. Для молодёжи - кино и танцы.

- Год выдался урожайный и хороший по погоде. Мы теперь богатые! К нашим трудовым делам ты добавил славу военную - первый орденосец района, а может, - тут председатель поднял палец кверху, подчёркивая этим значимость события, - даже и области!

Никанора смутила такая неожиданная и яркая речь председателя, и он стал оглядываться вокруг, ища ответа на такой серьёзный вопрос. Но вокруг были только радостные и восхищённые взгляды.

- Спасибо, Фёдор Савелич, - сказал Никанор. - Приду.

Фёдор Савельевич был тем замечательным русским крестьянином, который в своём деле был мастером, но и любая другая работа по хозяйству из его рук не валилась. Но народ, когда пришло время выбирать председателя колхоза, отметил и учёл его доброту и умение видеть меру каждому делу - касалось ли это пахоты, постройки дома или выпивки в праздничный день.

- Поспешайте не торопясь, - любил повторять он завет А.В. Суворова. И дела в колхозе шли в гору. Жизнь - быт, работа, отдых. Все эти три составляющие жизни улучшались с каждым годом. Деревня обновлялась по всем направлениям. Стало легче работать, потому что огромную работу по пахоте и обмолоту взял на себя МТС (машинно-тракторная станция). Невиданно высокими стали урожаи из-за того, что поля стали лучше удобряться, а также проводилась глубокая вспашка земли тракторами, что было не под силу лошади. Стопудовый урожай стал нормой. Многие бригады его удваивали. Жизнь стала сытой, весёлой, уверенной, и Фёдор Савельевич гордился своими односельчанами, гордился своим колхозом.

Также весело и уверенно прошёл памятный всем праздник в честь лётчика - героя Никанора Позднякова - крестьянского сына, высоко поднявшегося в небо на своём боевом самолёте, чтобы беречь и защищать ту жизнь, которую выбрал себе крестьянин, рабочий, врач, учитель и инженер.

В лето 1941 г. истребительный полк, в котором находилась эскадрилья капитана Никанора Позднякова, находился на аэродроме около белорусского городка, названного женским именем Лида.

Субботний день 21 июня 1941 г. там был солнечным и жарким. Эскадрилья капитана Позднякова училась осваивать новую технику. На смену И-16 стали приходиться цельнометаллические бронезащитные Як-1 и ЛАГГ-3. Освоение пилотажа шло медленно. Мешали всякие почти объективные причины: то прибывают пехотные генералы знакомиться с новой техникой, то с той же целью появляются артиллеристы, то нужна профилактика, то инструкторов вызвали на сборы в Минск, то...

Никанору вся эта возня вокруг новых самолётов не нравилась, но он продолжал настойчиво учить своих лётчиков воздушному бою на старых И-16.

По части ползли слухи о войне. Эти слухи подтверждались постоянными нарушениями воздушного пространства немецкими самолётами и той наглостью, с которой они это делали. Заблудились, сбились с курса, ошиблись..., а скрытые камеры фиксировали то, что им нужно.

Ночь на воскресенье 22 июня 1941 года он спал беспокойно. В их палатку, расположенную недалеко от лётного поля, залетели комары. Некоторые из них вонзали свои хоботки в любое незащищённое место человеческого тела, высасывая каплю крови. Другим очень хотелось отведать ушной раковины, и тогда спящего будил комариный писк, мало слышимый издали и такой громкий над самым ухом.

Проснувшись от зуда искусанной комарами руки, Никанор сквозь комариный писк уловил ещё далёкий, но уже слышимый гул многих самолётов. Гул всё усиливался, и в нём всё слышнее проявлялись "ноющие ноты".

- Много немцев летит, - подумал Никанор. - Но до границы больше ста километров. Откуда они здесь? - думал Никанор, продолжая быстро одеваться.

Солнце ещё не вышло из-за горизонта, но уже было светло. Ноющий гул немецких самолётов нарастал... На аэродроме было тихо и спокойно. Самолёты, базировавшиеся здесь, стояли ровными рядами у взлётной полосы, тускло отсвечивая росой, покрывавшей металл.

Ещё раз оглядев небо, Никанор вбежал в палатку и громко крикнул:

- Подъём! Тревога!

Под нарастающий гул чужих самолётов лётчики эскадрильи выбегали из палатки и, взглядываясь в посуровевшее лицо своего командира, искали в нём ответа на всех волновавший вопрос: "Что случилось?"

- Быстро рассредоточить и укрыть самолёты! - приказал Никанор.

А гул вражеских самолётов всё нарастал. Под дружными усилиями техников и пилотов маленькие самолёты И-16 стали ползти к лесу, разрушив свой былой строй.

Штаб и дежурный молчали.

Высоко южнее аэродрома прошла большая группа немецких бомбардировщиков. Над ней и выше были видны тощие фигурки истребителей прикрытия.

Совсем неожиданно из-за леса с запада, теперь уже сотрясая землю рёвом могучих двигателей, выскочила и понеслась большая группа немецких самолётов. Без разведки целей, сходу, самолёты устремились на аэродром, пикируя на ровные линейки самолётов.

К надрывному рёву моторов присоединился визг падающих бомб.

- Ложись! - заорал Никанор.

- Это война! Надо защищаться!

Переждав первые взрывы бомб, он бросился бежать к своему самолёту.

- Пока они развернутся, можно успеть взлететь, - лихорадочно думал он.

С ним взлетело трое. Показав крыльями - делай как я, Никанор ввинтил в небо своё ястребок, чтобы набрать высоту для атаки и чтобы оказаться выше немцев. Немцы выстраивались в круг, чтобы потом один за другим методично уничтожать то, что ещё осталось на разбитом ими аэродроме.

Воздушный бой быстротечен. Он длится считанные минуты. Снова, качнув крыльями, он устремился к головному бомбардировщику немцев; ведомые шли рядом слегка отстав. Немцы не ждали этой атаки, их басовитые пушки и пулемёты ещё молчали, когда Никанор длинной очередью полыхнул по самолёту врага. Бронированный юнкерс-87 стал судорожно отстреливаться. Рядом прошли светлые трассы пуль с других самолётов.

- Далеко начал стрелять. Промазал! Надо ближе! - подумал Никанор, разворачивая свой самолёт для новой атаки. И теперь снова навстречу ливню пуль. Стрелок юнкерса нервничал и стрелял не точно. Вот он, с чёрными крестами враг. Теперь ещё ближе. В последний момент ему показалось, что он увидел испуганное лицо немца. Его удар пришёлся по крылу и кабине фашистского самолёта. Стрелок умолк навсегда. Правый мотор юнкерса задымил. На лес и болото посыпались бомбы с подбитого самолёта, и сам он пошёл к земле. Опять атака. Где-то рядом кружатся его друзья. Появились мессершмиты. Их много. Вот он - серый бок юнкерса. Малый Доворот и... - опять увильнул, проклятый! Никанор преследует этого хитрого немца и, наконец, выпускает по нему Длинную очередь. Заваливаясь на крыло и выпуская шлейф чёрного дыма, второй юнкере полетел навстречу земле.

И в этот момент увлёкшегося атакой Никанора подстерёг мессершмит. С близкого расстояния из всех пулемётов и пушки он ударил по кабине его И-16... Самолёт его не загорелся, а беспорядочно кувыркаясь, полетел к земле... От удара о землю дрогнула старая сосна, приютившая в хитрой расщелине гнездо рыжей белки. Испуганный зверёк лесной чащи выскочил из своего гнезда, торопливо осмотрел всё вокруг. Было тихо. Только высоко в небе жужжала какая-то птица, каких эта белочка видела не раз. Вот только шум от неё шёл не такой. На всякий случай она распласталась на рыжеватом сосновом суку и стала совсем невидимой ни с земли, ни с небес.

Так погиб, защищая свою страну, верный присяге и сыновнему долгу капитан Никанор Поздняков. И помог в этом немцам генерал Павлов, командующий Западным

фронтом, который предал, обезоружил, лишил информации и связи прекрасных парней, ставших на защиту своей Родины.

Павлов говорил и знал, что "ему и у немцев хуже не будет", потому так гнусно и мерзко подставлял под огонь немцев обезоруженные войска доверенных ему армий, руководствуясь лишь одной доступной ему идеей - лишь бы мне не было хуже (название этой идее - либерализм).

Он не выполнил приказ Генерального штаба от 18.06.41 г. о выведении войск округа на прикрытие государственной границы и оставил их в казармах. Вы помните, в главе о генерале И.Д. Черняховском, который перед войной командовал 28-й танковой дивизией в Прибалтийском военном округе, рассказывалось о том, что именно 18 июня 41 г. его дивизия в составе танкового корпуса из Риги перешла к границе в леса у города Шауляй, расположенного в 60 километрах от границы, "имея при себе положенные нормы носимых и возимых запасов, необходимых для жизни и боя".

Немецкая авиация с начала войны охотилась за 28-й танковой дивизией полковника И.Д. Черняховского, но удары немцев, как правило, приходились по местам, где ещё вчера были танки. Запаздывала информация у немцев.

У Павлова всё было иначе. Вот, например, в г. Бресте находились две стрелковые и одна танковая дивизии. Они находились не в окопах у города Бреста, и даже не в лесах у города Бреста, а в благоустроенных казармах в городе Бресте, местоположение которых немцам было хорошо известно, что позволяло первыми же залпами своей полевой артиллерии 2-й танковой группы немцев Гудериана расстрелять спящих бойцов и командиров этих трёх дивизий, открыв свободный путь танкам Гудериана на Минск и далее на Смоленск. И только случайно (не по вине Павлова) у Минска вторая танковая группа Гудериана встретила жёсткое сопротивление 108-й и 64-й стрелковых дивизий и четверо суток не могла прорвать её боевых порядков, неся большие потери "в живой силе и технике". А эти дивизии имели штаты мирного времени (5 тысяч человек вместо 19 тысяч) и запас боеприпасов для учебных стрельб.

Эти три дивизии, выведенные своевременно из г. Бреста на рубежи обороны, особенно двести пятьдесят танков танковой дивизии, смогли бы создать надёжную оборону, которую немцам пришлось бы пробивать не одну неделю. И не было бы тогда трагедии Белостокского выступления, бездарных потерь людей и техники.

А если бы аэродром близ г. Лида был бы переведён на полевой, тогда бы эскадрилья капитана Никанора Позднякова поднялась вместе с другими в полном составе, и исход первого воздушного боя ранним утром 22 июня 1941 г. был бы совсем другим. И зверюшек в лесных чащобах Белоруссии чаще пугали бы взрывы падающих немецких самолётов.

Такой же одержимый авиацией старший лейтенант Борис Сафонов защищал г. Мурманск и флот от налётов немецкой авиации на истребителях И-16 со своей эскадрильей. За три первых месяца войны они сбили 48 немецких самолётов. И, как правило, бои происходили с превосходящими силами немцев (40 бомбардировщиков, 20 истребителей; 20 бомбардировщиков, 15 истребителей). Против такой армады выступало 5-7 наших И-16. В таких боях немцы теряли от 5 до 12 своих самолётов, сбрасывали бомбы, не доходя до цели, и с истошными воплями: "Нас окружают!", разлетались в разные стороны по принципу "спасайся, как можешь".

Вот вам и "устаревшая конструкция самолёта И-16"!

Что касается конструкций новых самолётов и эффективности их борьбы с немцами на первых месяцах войны, следует сослаться на опыт крестьянского сына майора И.С. Полбина, начавшего войну командиром полка скоростных бомбардировщиков Пе-2. "К концу 1941 г. на боевом счету Полбина было 3500 убитых фашистских солдат и офицеров, 160 танков, 370 машин, три дивизиона артиллерии, 18 вражеских самолётов, причём 12 из них уничтожены в воздухе" (Сборник "Лётчики". - М.: Молодая Гвардия, 1981).

Конечно, эффективность новой техники велика, особенно в умелых руках, но и "устаревшая техника" в умелых руках тоже была оружием грозным. И потерять в первые часы войны 1200 самолётов (в основном "старых конструкций", как пишет Г.К. Жуков) это тоже очень большая потеря для тех солдат и офицеров, которые шли в бой, не прикрытые от

воздействия вражеской авиации. И нет тут вины Никанора Позднякова и других лётчиков из Западного округа, что не смогли они защитить своё небо. Их предал и убил пулями немцев кулацкий сын Павлов.

Сталин знал, что такое предательство и сам его видел не раз в своей смелой революционной борьбе, поэтому уже на 8-й день войны Павлов и его штаб предстали перед судом, который и вынес им заслуженный приговор как врагам народа и предателям. Их расстреляли, т.е. пресекли их преступную деятельность.

А десятки тысяч наших воинов, подставленные безоружными под огонь врагов этим генералом-предателем, до сих пор своими неизвестными могилами требуют вечного проклятия для этого иудиного семени.

"Воюют не числом..."

Река Днепр начинается на северо-востоке Смоленской области около г. Сычёвки и, собирая воды многих притоков этого лесистого и болотистого края, течёт в западном направлении через Смоленск до г. Орши. Здесь река резко поворачивает на юг и вплоть до Чёрного моря представляет собой хороший оборонительный рубеж для западного или восточного направлений.

По плану "Барбаросса" 2-я танковая группа Гудериана выходила на Днепр от Копыси (30 км южнее Орши) до Быхова (120 км южнее Орши). Посередине этого участка расположен г. Могилёв - областной центр БССР.

Для войск Гудериана от Бреста до Быхова - Копыси на Днепре это было движение на восток полосой шириной 100-120 км. Для этой цели Гудериан имел три танковых корпуса - 24-й, 46-й, 47-й. Танков в них было около 1500 шт., т.е. на каждый километр ширины полосы наступления по 15 танков. Своё наступление эта 2-я танковая группа начала от Бреста. Для окружения наших войск западнее Минска и на взятие самого города, не имевшего защиты на ближних подступах, Гудериан выделил один корпус. Эту задачу Гудериан решал вместе с Готом, двигавшимся со своей 3-й танковой группой к Минску с северо-запада от Вильнюса. В 20 км к северо-востоку от Минска 26 июня был выброшен большой десант, решавший ту же задачу.

Встретив упорное сопротивление 108-й стрелковой дивизии, перекрывшей дорогу Брест-Минск, войска Гудериана были вынуждены обойти рубежи 108-й с.д. с юга и только к вечеру 28 июня вошли без боя в г. Минск. Это был город на Западном фронте, который немцы взяли без боя. Сражался Брест, Гудериану пришлось его обойти, сражались Гродно, Молодечно... а столицу Белоруссии г. Минск Павлов сдал без боя с его запасами, ресурсами и людьми.

Другие корпуса Гудериана к 28 июня подошли к Бобруйску, расположенному на юго-запад от Минска на 180 км. Бобруйск стоит на Березине (приток Днепра), и до Днепра оставалось чуть больше 50-ти километров. Таким образом, за 6 дней войны немцы углубились на нашу территорию здесь более чем на 400 км.

Попытки Ставки создать линию обороны по реке Березине, которая течёт с севера на юг и удобна для обороны с помощью войск, выходящих из Минского котла, физически и технически было осуществить нельзя. Не для того Павлов загонял их в Белостокский выступ, чтобы они так быстро и просто вышли оттуда и заняли оборону по Березине на 5-й день войны. Ставка это понимала и предпринимала энергичные усилия для создания обороны по Днепру от Орши и далее на юг.

Однако на Березине и в междуречье с Днепром немцев удалось задержать. Это видно из того, что Главный штаб немцев приказал Гудериану форсированно Днепр 30 июня и далее взять Смоленск. Однако Гудериан подготовил свои войска к форсированию Днепра лишь к 10 июля. В чём тут дело?

Причин было много, но одной из основных был Могилёв, который немцы в течение 3-х недель штурма не могли взять. Тот Могилёв, который расположен на высоком западном берегу Днепра и оборонялся одной 172-й стрелковой дивизией генерала М.Т. Романова. С

помощью жителей города дивизия создала хорошо оборудованную линию обороны, а командование дивизии создало хорошую систему обороны, позволявшую, в том числе, оказывать артиллерийскую поддержку атакованным участкам с не атакованных. Его штурмовали мотодивизия СС "Рейх", мотополк "Великая Германия", 10-я мотодивизия и 3-я танковая. Могилёв непрерывно бомбили с утра до полудня, обстреливали из тяжёлых орудий в течение нескольких суток, атаковали даже ночами. Весь арсенал средств применили немцы к защитникам города, но дивизия М.Т. Романова была несокрушима. Гитлер торопил Гудериана, и он начал форсировать Днепр у Быхова 10 июля 24-м танковым корпусом. Эта попытка немцам удалась, но развить наступление немцы не смогли.

Более успешно форсирование прошло 11 июля у Копыси и Шклова 46-м танковым корпусом. Прорвав нашу оборону на восточном берегу Днепра, 46-й танковый корпус немцев двинулся на юг по восточному берегу Днепра и 17 июля соединился с 24-м танковым корпусом немцев, наступавшим от Быхова по восточному берегу Днепра. Могилёв оказался в окружении. Генерал Романов с обороны Могилёва для противодействия окружению снял целый полк.

В то же время Гудериан 12 июля бросает на Смоленск в брешь, пробитую в нашей обороне 46-й танковым корпусом, свой свежий 47-й танковый корпус, который и появился как "снег на голову" в Смоленске 14 июля.

Командующий Западным фронтом маршал Тимошенко вынужден был срочно покинуть обжитые смоленские апартаменты, отдав город, не подготовленный к обороне, практически без боя.

Город жил мирной жизнью. Ходили трамваи, поезда. В кинотеатрах шли кинофильмы. Магазины торговали. Работали предприятия, музеи, обком ВКП (б)... и вдруг... немецкие танки и мотопехота с автоматами и пулемётами.

Такой же неожиданностью это явилось и для командующего фронтом маршала Тимошенко. Почему? Как?

В делах военных Тимошенко был не новичком. Гражданскую войну он закончил командиром кавалерийской дивизии в армии С.М. Будённого. Значит, он должен был понимать природу маневренной войны. Главная слава к нему пришла в победной, но драматической войне с Финляндией.

Мудрецы из Генштаба, планировавшие эту войну, забыли про морозы, снега, леса и болота Финляндии. Забыли про линию Маннергейма длиной около 50 км, перегородившую Карельский перешеек - единственный путь к победе, с 356 железобетонными фортами и 2452 деревоземляными дотами, прикрытых колючей проволокой, минами, надолбами и всем другим до чего дошла мысль военных инженеров Западной Европы.

Эти мудрецы из Генштаба бросили в эту сорокоградусную стужу армию, одетую для лёгкой казарменной жизни, штурмовать долговременные железобетонные укрепления, глубоко врытые в каменисто-болотистую землю Карельского перешейка. Лишённые свободы манёвра войска, несли заметные потери от огня автоматчиков, укрывавшихся в густых ветвях сосен карельских лесов, рейдов финских лыжников, пулемётного огня Дот(ов) и Дзот(ов).

За два месяца боёв наши подошли к линии Маннергейма и ничего не смогли с нею сделать. Финны взбодрились до того, что перед новым 1940 г. бросили против наших войск на 30-километровом участке в контрнаступление шесть своих пехотных дивизий. Бросить-то бросили, а поднять уже не смогли. Поднять оказалось некого.

И вот тут проявляется талант Тимошенко.

В течение месяца армия переделалась в полушубки, шапки-ушанки, валенки, телогрейки и стёганые брюки. Бойцам стали выдавать "боевые 100 грамм", изменился и характер штурма линии Маннергейма. К переднему краю танки ранним утром стали подвозить тяжёлые 203-миллиметровые гаубицы и ставить их на прямую наводку против ДОТов. Гаубицы своими 96-киллограммовыми снарядами прямой наводкой били по этим бетонным сооружениям, вкопанным в землю на три этажа. После такой атаки, на которую тратили от 20 до 100 снарядов, гарнизон Дота полностью терял дееспособность. Люди сходили с ума, глохли, слепли, теряли сознание. Уцелевшие убегали из этого ада в

бессознательном состоянии. Финны вскоре утратили боевой дух и сдались, заключив мирный договор на нужных нам условиях. Победил Тимошенко, ставший вскоре Наркомом обороны СССР.

Поставленный после Павлова командующим Западным фронтом, он не сумел преодолеть последствия его деятельности, создать крепкую оборону по Березине, Днепру... Да в условиях маневренной войны это было и невозможно сделать - создать на каждом километре фронта такие рубежи обороны, которые было бы не по силам преодолеть массированным атакам немцев, а с подвижными резервами было плохо. Немцы же выбирали участок обороны послабей и грозной атакой авиации, артиллерии и танков с пехотой протыкали его, вырываясь на оперативный простор - туда, где нет войск, а есть богатые деревни, городки и города. Стоило бы Тимошенко на главных дорогах к Смоленску от Днепра поставить несколько танковых или пехотных засад с хорошей артиллерийской поддержкой, и марш Гудериана к Смоленску превратился бы в марш к своим могилам. Но для этого надо было контролировать ситуацию на дорогах. Дороги были нужны не только немцам, но и нам.

Одним из первых, как это делать, понял и осуществил генерал-майор танковых войск, герой войны с финнами, участник Гражданской войны, крестьянский сын Дмитрий Данилович Лелюшенко.

Я не случайно указал на крестьянское происхождение этого талантливого полководца. В это время крестьянин один на один сражался на своём клочке земли с могучей и всепобеждающей природой. Только умные, только сильные и выносливые люди могли в том сражении выйти победителями. Слабые шли в города, где, владея одной метлой, можно было безбедно прожить. Зародившийся в городе капитализм использовал таких людей, делая их придатками машины или учил на конвейере закручивать только одну и ту же гайку, отупляя такой работой всё больше и больше и развивая лишь их инстинкты. У крестьян условия труда были другие, и они дарили народу людей мудрых, труд который кормил их и всю страну.

Но... о Д.Д. Лелюшенко немного попозже, сперва о Могилёве.

13 июля Гудериан снимает из-под Могилёва 10-ю мотодивизию и вместо неё на позиции 388-го полка полковника С.Ф. Кутепова, из дивизии генерала Романова, бросает 3-ю танковую дивизию, которая предназначалась для развития прорыва 24-го корпуса. Но прорыва не получилось, а отдохнувшая и пополнившаяся личным составом и техникой 3-я танковая дивизия была готова штурмовать Могилёв. Ей был ещё придан мотополк "Великая Германия". Первую атаку начал полк мотопехоты под прикрытием 100 танков. Потом атаки повторялись, но солдаты и офицеры полка полковника С.Ф. Кутепова выдержали этот штурм. На поле боя догорало 39 танков, и оно было чёрным от трупов немецких мотопехотинцев, которых Гитлер наряжал в добротные черные мундиры с блестящими металлическими эмблемами. Первый раз за время обороны Могилёва немцы не убрали с поля боя трупы своих солдат. После этого боя Гудериан снял остатки 3-й танковой дивизии и переправил её на восточный берег Днепра. Теперь там сосредоточился весь 24-й корпус. Его он и бросил на позиции наших войск, прикрывавших Могилёв с востока, - 61-й стрелковый корпус генерала Бакунина. 17 июля Гудериану удалось окружить наши войска, оборонявшиеся на восточном берегу Днепра от Копыси до Быхова. 46-й танковый корпус, наступавший с 11 июля от Копыси с севера, и 24-й танковый корпус, наступавший от Быхова с юга, соединились в 30 километрах от Могилёва на восток, заняв город Чаусы.

Окружения боятся все. Боялся его и генерал Бакунин. А когда люди боятся, они многое забывают. Вот и генерал отдал приказ готовиться к выходу из окружения, взорвав склады с боеприпасами, а предупредить об этом 172-ю дивизию генерала Романова он забыл. Не то, что совсем забыл, а просто не было связи.

Так 172-я стрелковая дивизия осталась одна. На восточном берегу Днепра предместье Луполово обороняли теперь только 747-й полк подполковника А.В. Щеглова и некоторые другие подразделения дивизии, спешно переброшенные сюда из Могилёва, в том числе батальон тульских добровольцев.

На Могилёв с запада начинают наступать три пехотные дивизии 4-й армии фельдмаршала фон Клюге. Начинаются изнурительные бои, в которых немцы не могли достигнуть победы.

Через неделю боёв в окружении дивизия Романова начинает испытывать недостаток в боеприпасах и продовольствии.

У обороняющихся неожиданно появилась связь - в Могилёв вышла с радиостанцией диверсионная группа капитана Пудина, от которой была получена информация о приказе штаба Западного фронта на выход дивизии из окружения.

Ранее генерал Романов у Ставки запросил боеприпасов через капитана Пудина, указав для самолётов аэродром в Луполово. Но днём мощной атакой немцев аэродром был занят, и прилетевшие самолёты сбросили свой груз не прицельно. Большая часть его попала к немцам.

И чем ближе время подходило к трагической развязке, тем таких фактов - негативных случайностей - становилось больше.

В ночь прорыва, который под нажимом комиссара Черниченко, был определён на запад и должен был проходить через линию обороны 388-го полка полковника Кутепова, вдруг обнаруживается, что исчез полковник Кутепов со своим штабом. Землянки пустые - всё на своих местах, следов борьбы нет, но нет и Кутепова, у которого был план прорыва.

Генерал Романов приказал прорываться налегке, без тяжёлой техники. Но вопреки этому приказу Черниченко приказал выводить всю технику, даже неисправные пушки. К месту прорыва подошла колонна техники с тихоходными тягачами, которая должна была двигаться по изрытому окопами и воронками полю. Это не похоже на глупость!

Для государства, где буржуи-капиталисты были исключены из жизни, а их собственность стала общенародной, можно было бы смело предположить наличие определённого слоя людей, враждебно настроенных к нему. Такие элементы могли вредить неожиданно и больно.

Эти события внимательно исследовал смоленский писатель Н. Дружинин. Он не делает выводов о событиях последних дней и часов обороны Могилёва, но они напрашиваются сами. Кто-то очень хотел выслужиться перед немцами.

При прорыве колонна была рассеяна. Генерал Романов был ранен и брошен Черниченко в лесу. Сам Черниченко оказался в плену. Другие офицеры погибли.

Ещё раз о Могилёвской обороне

Немцы не брали комиссаров в плен. Они их расстреливали, даже если в плен они попадали ранеными или в безнадёжном состоянии.

В последние дни обороны Могилёва произошло много трагических случайностей.

Случайность 1.

Немцы не предпринимали активных действий в районе Луполово. Там находился аэродром. Но как только наше Верховное командование было извещено, что на аэродроме в районе Луполово можно принять самолёты с боеприпасами, тут же, сразу же утром, немцы с двух сторон нападают на этот район и захватывают аэродром.

Кто и как оповестил немцев?

Случайность 2.

Куда исчез штаб полковника Кутепова, командира 388-го стрелкового полка, за один-полтора часа до начала прорыва. Окружённые должны были прорываться на участке обороны 388-го полка, и план прорыва был только у полковника С.Ф. Кутепова.

Две штабные землянки 388-го полка за час до прорыва оказались пустыми - ни одного человека. Как будто они выполнили чей-то строгий срочный приказ.

Чей это был приказ? P.S.

Когда генерал Романов отдавал приказ на прорыв обороны немцев на участке 388-го полка, он выбирал, прежде всего, наиболее боеспособную часть и, конечно, смелого и умного командира.

Подчинялся полковник С.Ф. Кутепов в окружённых войсках только трём людям: генералу Романову, комиссару Черненко и начальнику штаба.

Случайность 3.

"...К месту прорыва городское руководство и тыловики дивизии прибыли на машинах, артиллеристы на тихоходных тягачах, притащили даже неисправные пушки. Как потом выяснилось, приказ на спасение имущества и боевой техники отдал, вопреки приказу комдива, комиссар дивизии Черненко" (Дружинин Н. Дуэль, №36 (230)).

Согласно приказу генерала М.Т. Романова, все части должны были идти налегке, уничтожив всё тяжёлое оружие.

Всем понятно, что тащить тяжёлые пушки через окопы и воронки от бомб и снарядов в условиях прорыва фронта окружения дело и безнадёжное, но особенно вредное для прорывающихся.

Понятно и то, что их потом всё равно использовать нельзя - к ним нет снарядов, а у тягачей ограниченный запас горючего. А до фронта больше 150 километров, и все эти километры под контролем немецких войск.

Что это так трудно было понять комиссару Черненко?

Случайность 4.

Единственную улицу, по которой части двигались к месту прорыва, кто-то перегородил тягачом с прицепленной к нему пушкой. Никого нет около них, ни артиллеристов, ни водителя тягача.

Другой дороги нет.

Кто умышленно организует эту задержку и зачем?

Может, немцы ещё не поставлены в известность о месте и времени прорыва?

Кто их должен был оповестить?

Случайность 5.

После прорыва части дивизии по указанию комиссара Черненко занимают оборону по опушке ближайшего леса. Раненого генерала Романова Черненко приказал спрятать где-нибудь в лесу, т.е. бросил боевого командира без помощи в тылу врага. Зачем? Чтобы он поскорее умер. Другого ответа не видно. Сам Черненко оказался в плену.

Наверное, и в плену он боялся свидетелей. Так кто такой Черненко?

Я думаю, что если все "случайности" рассмотреть теперь под светом последнего вопроса, станет ясно, что тот Черненко сродни горбачевско-ельцинским поделщикам, продавшим свой народ и мировое сообщество в рабство на вымирание.

Видимо, и молчат наши военные историки о героической обороне Могилёва потому, что в этой блистательной истории, густо замешанной на героизме, высоком патриотизме и силе духа, всюду просматривается чёрный фон предательства высшего партийного чиновника в данной армейской структуре. Такое пятно на чистый и светлый образ комиссара бросать было нельзя, конечно, по мнению партийных бонз.

А напрасно. Такие факты - факты реальной действительности, должны были широко обсуждаться, чтобы исключить их появление в дальнейшем. Чтобы понять их социальную природу или социальные корни. Это защищало бы общество от повторения подобных драм, в которых главный удар наносится по народу. Но он, народ, для защиты от предателей своих интересов должен иметь и голос, и власть. Дело это трудное, но необходимое. И то, и другое ему никто не даст. Их надо брать самим.

"Из города удалось вырваться только первому батальону майора Волкова и сводному полку, которые самостоятельно вышли потом к нашим войскам" (Дружинин Н. "Дуэль" №36(230)).

Но именно Могилёв, как никакой другой город, был достоин звания "Город-герой". Таким он и будет в истории, которая умеет расставлять всё по своим местам. Но история требует времени.

А Гудериан, получив из рук Гитлера "Дубовые листья к рыцарскому кресту" - высшую награду Рейха - за взятие Смоленска и проведённую операцию по преодолению Днепра, уже 4 августа в Борисове убеждал Гитлера, что надо идти дальше на Москву, а не мотаться на юг для окружения и уничтожения русского Юго-западного фронта.

Гитлер снисходительно улыбался, слушая резвые речи Гудериана, но всё-таки спустя неделю подписал директиву войскам Центрального фронта о броске на юг.

Половину августа и половину сентября заняла эта операция. И уже во второй половине сентября Гудериан и его 2-я танковая группа снова оказалась перед войсками Брянского фронта. Командовал этим фронтом теперь уже генерал-полковник Ерёмenko.

Был у нас ещё один генерал, которого почему-то срочно вызвали в Москву с Дальнего востока, как только началась война, и сразу определили на место Павлова командующим Западным фронтом, потом он походил в замах у Тимошенко и опять был определён командующим Брянским фронтом. Обещал он руководству разгромить "подлеца Гудериана", двинувшегося на Юг, нанося фланговые удары по Юго-западному фронту. Ни Гот, ни Гудериан этого не почувствовали, но, смяв южный участок Брянского фронта, так, мимоходом, пошли окружать войска Кирпоноса - Юго-западный фронт. Именно необоснованные уверения Ерёмenko Верховному командованию о том, что он разгромит "подлеца Гудериана", явились главной причиной трагедии Юго-западного фронта в августе 1941 г.

Если бы действительно Ерёмenko разгромил Гудериана, то окружать наш Юго-западный фронт было бы некому. Не было бы так много без вести пропавших, больших потерь армии и личных трагедий.

Выполнив этот приказ своего командования, Гудериан более пристально стал присматриваться к Ерёмenko как к первому препятствию на его пути к Москве. Брянский фронт, которым он командовал, состоял из трёх немногочисленных армий: 13-й, 7-й и 50-й (с юга на север).

Выбор Гудерианом места для прорыва пал на левофланговую 13-ю армию.

У 13-й армии к тому времени боевой путь был всего около месяца. Сформированная восточнее Минска из 21-го с.к., 50-й с.д., 8-й арт. бригады и частей, вышедших из окружения из Минского котла, она побывала в окружении, где была "частично рассеяна, частично истреблена", и двигалась прямо на восток с "помощью" танков Гудериана, оказавшись в составе Брянского фронта. За это время у неё сменилось пять командующих. Последний пятый принял её в августе 1941 года.

50-ю армию Гудериан прощупывал ещё в конце июля 1941 г., предприняв против неё атаку двух танковых дивизий (300 танков). Эти бои шли почти неделю, но успех, на который рассчитывал Гудериан, не получился. Наши войска немного попятились, но прорвать оборону немцам не удалось.

Выбор Гудериана пал на 13-ю армию. По её позициям он нанёс 30 сентября 1941 г. основной удар, прорвал их и 1 октября занял узел дорог г. Севск, отстоящий от фронта на 40 км. Из Севска шли две дороги: одна параллельно фронту - на Брянск, вторая через Орёл - на Тулу и

Москву. На Орёл он бросил 24-й танковый корпус и занял его 3 октября, пройдя 250 километров.

На Брянск с целью окружения всего Брянского фронта он бросил 47-й танковый корпус, который из Севска двинулся на Брянск, проходя в сутки по 30-40 км. 5-го октября у станции Свень разогнал штаб Ерёмenko, который на сутки потерял связь с войсками, а когда он прибыл в 7-ю армию, окружение фронта стало уже свершившимся фактом.

Необходимо отметить, что Ерёмenko предпринимал энергичные попытки победить "подлеца Гудериана", бомбардируя Генштаб просьбами об отступлении после прорыва фронта немцами и занятии ими Севска, но Генштаб приказал сражаться - держать фронт. А вот как это сделать, Ерёмenko не знал и не умел, потому что уровень его полководческого мастерства был действительно низок. Но кто и зачем его вызывал с Дальнего востока - этот исторический вопрос нуждается в пояснении, потому что пользы от него для армии было мало, если сказать очень осторожно.

Со 2 октября немцы атакуют части 50-й армии. Они прорвали её фронт и с севера 6 октября соединились в Брянске с 47-м танковым корпусом, шедшим с юга. Армии начали прорываться из окружения без тяжёлой техники и часто без боеприпасов, увеличивая списки без вести пропавших.

В своих воспоминаниях маршал Ерёмченко об этих днях говорит, что 2, 3, 4 и 5 октября шли напряжённые бои. Какие силы были задействованы с нашей стороны в этих боях, маршал не указывает, но это были, скорее всего, случайные подразделения - те, что подвернулись под руку. Не имел он и информации о нахождении танковых колонн немцев, если его штаб подвергся внезапному нападению танковой колонны и был разогнан.

Об уровне "напряжённых боёв" можно судить по тому, что расстояние в 150 км от Севска до Брянска немцы прошли за 4 дня. Скорее всего, было стихийное противодействие, взорван мост, заминирована дорога..., а хорошо организованного сопротивления по предотвращению окружения командующий фронтом организовать не мог. И уж совсем неуклюжей попыткой оправдать свое плохое командование выглядит попытка Ерёмченко подсчитать численность состава в дивизиях после прорыва. Её Ерёмченко находит от 1000 до 3000 человек. Забыл он, наверное, и об армии партизан в Брянских лесах.

Все эти разговоры вызывают в памяти одну историю, произошедшую с канцлером Германии Бисмарком.

Канцлер заболел, и к нему позвали врача. Уже на пороге покоев Бисмарка врач, бросив взгляд на больного, сказал:

- Я знаю вашу болезнь.

- Сколько же людей вы загубили, чтобы достигнуть такого мастерства? - спросил у врача канцлер.

- Много меньше, экселенц, чем вы, чтобы эту болезнь приобрести - ответил врач.

Дорого обходилась народу полководческая наука Ерёмченко.

Раненого в ногу при случайной бомбардировке генерала Ерёмченко на самолёте вывели на большую Землю. Хочется сказать, что кто-то очень беспокоился об этом генерале. Все остальные пробивались из этого котла как могли.

Степень трагедии Брянского фронта оценили после того, как немцы появились внезапно в г. Орле, отстоявшем от фронта на 300 км. Город жил тихой мирной жизнью: работали магазины и рестораны, работал городской транспорт, почта, связь, электростанция. И вдруг немцы! Откуда, почему и как?

В Генеральном штабе, наверное, догадались, как ответить на эти вопросы, и стали решать задачу, как закрыть дыру, возникшую на месте Брянского фронта. Случайно там же узнали, что в управлении бронетанковых войск находится недавно прибывший с фронта командир 21-го танкового корпуса Дмитрий Данилович Лелюшенко, генерал-майор, герой Советского союза, проявивший себя инициативным командиром в Финскую кампанию 1939-40 гг. и успешно воевавший в эту войну.

В Ставке ему сказали:

- Задержи Гудериана. Ты назначаешься командиром корпуса. Корпус сформируешь на месте.

Место это было определено в г. Мценске, отстоявшем от Орла на 40 км по дороге на Тулу.

В управлении бронетанковых войск он взял несколько офицеров для своего штаба. Они ему подсказали, что можно для начала взять мотоциклетный полк полковника Танасчихина и Тульское артиллерийское училище с теми пушками, которые у них были, как наглядные пособия.

3 октября Лелюшенко со своими людьми прибыл в город Мценск, стоящий на реке Зуша. Мотоциклисты Танасчихина разлетелись в разные стороны собирать корпус.

Первой находкой оказался ничейный танк Т-34 с экипажем. Танку придали троих мотоциклистов, и они без промедления, как разведгруппа, двинулись на Орёл.

Вот первое донесение Танасчихина:

"В 12 часов 3-го октября разведгруппа № 3, примерно, в 8-10 км северо-восточнее Орла столкнулась с противником, двигавшимся из города в направлении Мценска. Огнём из танка Т-34 подбили два танка, бронетранспортёр и три мотоцикла противника. На поле боя враг оставил 8trupов, а 3 танка отошли, взяв на буксир повреждённые танки".

Разведка Танасчихина установила также по рассказам 8 пленных, что в Орле находятся части 4-й танковой дивизии из состава 24-го танкового корпуса, 2-й танковой группы Гудериана.

Ночью с 3 на 4 октября на железнодорожную станцию Мценск прибыл эшелон танков Т-34 и КВ-1 с экипажами в количестве 16 машин.

Из них были созданы две разведгруппы по 7 машин в каждой. Возглавили группы лейтенант Бурда и капитан Гусев.

Старшему лейтенанту Бурде была поставлена задача на выяснение обстановки вокруг Орла.

Капитану Гусеву со своей группой надо было провести разведку боем в самом Орле.

В предрассветной темноте утром 4 октября группы вышли из Мценска. Вскоре их дороги разошлись.

Капитан Гусев укрыл свою группу в ближайшем к Орлу перелеске. Танкисты начали изучать обстановку. К вечеру стало ясно, что немцы вели себя довольно беспечно, охранение на дороге слабое. Взревев моторами, танки двинулись в город. Победители второй день грабили богатый город, в котором было много еды, водки и женщин. Улицы города были забиты танками, автомобилями всех систем Европы, толпами пьяных отдыхающих солдат с губными гармошками.

Танки капитана Гусева ворвались в город на большой скорости, круша автомашины, расстреливая из пулемётов толпы обезумевших и растерявшихся солдат, расстреливая из пушек стоящие танки врага. Немцев охватила паника. Дело дошло до того, что в опустившихся сумерках они начали стрелять друг в друга.

Три часа капитан Гусев и его танкисты в городе Орле уничтожали немцев и их технику, пока не кончился боезапас у всех танков. Без потерь танки вышли из города, уничтожив 19 немецких танков, 8 орудий, более 100 автомашин и несколько сот солдат и офицеров.

После выхода из города, недалеко от его окраины, танкисты капитана В. Гусева столкнулись с разведгруппой немцев, возвращающихся в Орёл после выполнения задания. Не дав немцам опомниться, они раздавили 4 бронетранспортёра, а экипаж последнего - пятого - сдался. В плен попали офицер, 8 солдат и карта с заданием и результатами разведки. Пленный офицер оказался очень разговорчивым, и его вместе с картой отправили самолётом в Москву, по прибытии в Мценск. Сведения оказались очень важными. Танкистов благодарил высокое начальство.

За два дня мотоциклисты-разведчики полковника Танасчихина разыскали полк пограничников. Д.Д. Лелюшенко имел полномочия подчинять себе все войска и их части, которые выходили или находились в полосе его ответственности. Полк пограничников вошёл в состав его корпуса. 4 октября на станцию Мценск прибыла стрелковая дивизия, а ночью ещё 16 танков "Т-34" и "КВ-1". Корпус приобрёл свои воинские черты. Разведчики-мотоциклисты дали информацию о противнике и о его намерениях.

На военном совете корпуса была выработана стратегия дальнейших действий. Она сводилась к тому, чтобы подвижной обороной, организовав её на трёх рубежах и создав один ложный рубеж, измотав противника, нанести ему максимальный урон, особенно в его главной ударной силе-танках. Здесь же определили и структуру оборонительных линий: в центре обороны - на шоссе, располагалась пехота и артиллерия, подходы к переднему краю минировались. На флангах пехотных частей, выдвинутых в сторону противника, находились танки. Это не давало немцам возможности обойти пехотные построения с флангов, но сами наступающие по дороге танковые подразделения попадали под губительный фланговый огонь наших танковых пушек.

Прославленный немецкий генерал Гудериан назвал такую тактику новой.

Было отмечено в этих боях, что при отражении массированных танковых атак на наши позиции отдельные танковые экипажи уничтожали до девяти танков противника.

Генерал Дмитрий Данилович Лелюшенко упорно искал пути к победе, и с ним эту же задачу решали все его подчинённые.

Как решал капитан Гусев и его танкисты, мы уже видели.

Вторая танковая группа старшего лейтенанта Бурды в это время громила немцев в окрестностях Орла. По показаниям пленных он установил, что немцы намерены утром 5 октября двинуться из Орла на Тулу. Узнав маршрут их движения, он устраивает засаду на дороге недалеко от Орла. Основная группа из пяти танков хорошо укрылась и прикрывалась с флангов двумя танками. На другой день, к ближе к полудню, они действительно увидели колонну немецких танков и машин с пехотой, движущуюся по тульской дороге...

Цели были хорошо видны. Ориентиры обозначены. Детали оговорены... А скорострельность 76-миллиметровыми танковой пушки достигает 10 выстрелов в минуту..., а если их пять... Горят танки немцев, вдребезги разносятся грузовики с автоматчиками, другие режутся кинжальным огнём пулемётов..., а в каждом танке их два.

Через некоторое время немцы установили место засады и начали обстреливать его из своих танковых пушек. Эффекта нет. Их снаряды не брали крепкую и толстую броню наших танков. Но лишь немецкий танк высунется из укрытия, чтобы сделать выстрел, его уже дырявит бронебойный снаряд нашего танка.

Грозным приказом немецкого начальника колонны шесть немецких танка двинулись в обход засады. Их подпустили, и с близкого расстояния все шесть танков были расстреляны экипажами двух танков, выдвинутых старшим лейтенантом Бурдой для защиты группы от удара во фланг.

На поле боя горело более двадцати танков. Сотни трупов солдат и офицеров устлали землю. Живые поспешно отошли назад.

Немецкая тактика требовала в таком положении вызывать на помощь авиацию. Старший лейтенант Бурда тоже знал этот тактический приём немцев. И когда над полем боя появились немецкие бомбардировщики Ю-88, то укрывшихся в лесу танков им не было видно, и они с остервенением начали в пикировании сбрасывать бомбы на свои подбитые и горящие танки.

В чистое голубое небо поднимались клубы чёрного дыма от взрывов немецких бомб и их же горящих танков и уже там, в вышине над лесом и полем, лёгким током воздуха они медленно уходили на юго-восток, указывая посвящённым на скорую смену погоды, которая в том году и так долго баловала центр России своим благодатным сухим теплом.

После бомбёжки остатки немецкой колонны ушли в Орел.

Танкисты снова вывели свои танки на боевые рубежи, но до вечера дорога была пустынна. Вечером они далеко углубились в лес, выставили боевое охранение, сытно поужинали трофейной едой, добытой ещё днём 4-го октября и улеглись спать на жёстком, но сухом брезенте, которым укрывают танк. И только утром, когда начал накрапывать мелкий дождик, выспавшиеся танкисты проснулись.

Танковая рота старшего лейтенанта Бурды, отдохнувшая и окрепшая в своём боевом мастерстве, готовилась к новым боям. Командир со своими взводными уже начал обдумывать новый рейд, но вдруг со стороны Мценска донеслись громкие звуки боя. Было хорошо слышно артиллерию, но в промежутках между разрывами можно было расслышать и торопливую дробь пулемётов. Потом гул артиллерийской канонады утих, а в небе раздался нудный гул немецких самолётов, а за ним и тяжкие разрывы бомб.

- По машинам! - скомандовал Бурда, - там наши. Вперёд!

Взревев могучими дизельными моторами, танковая рота двинулась на помощь своим.

Наибольшая скорость танка Т-34 - 55 км/час, а запас хода - 400 км. Страшен для врагов такой танк, идущий в бой.

Немецкие танки тихоходны. Их предельная скорость - 40 км/час, да и то по хорошей дороге. Запас же хода всего 200 км, потому немцы пытались на начальном периоде войны компенсировать тихоходность, слабость брони и вооружения массовостью танковой атаки в 30-50 танков, что было тогда частым явлением и приносило успех, особенно если атакованная жидкая цепочка пехоты была без всякой поддержки своих танков и артиллерии. Но и такая тактика немцев вскоре потерпит поражение. Тому было много примеров, а один из самых блестящих - подвиг 28 героев-панфиловцев, уничтоживших более 50 танков. И это не парадокс.

А танки старшего лейтенанта Бурды устремились от Орла к Мценску, где звуки боя слышались всё сильнее и сильнее.

Активным танковым поиском и разведкой в Орле и его окрестностях генерал Д.Д. Лелюшенко не дал немцам информации о себе и вынудил их действовать без разведки большими массами танков, так как наступление малыми силами не давали эффекта. Он выиграл у них и три дня, очень нужных ему для сбора сил и средств (подошла одна дивизия и ещё один эшелон танков - 20 шт. "КВ-1"). Этими силами он оседлал дорогу на Тулу, создав три подвижных рубежа обороны и один ложный.

Тогда 6-го октября на первый рубеж обороны генерала Лелюшенко устремились полки 4-й танковой дивизии немцев.

Грозная большая колонна танков и мотопехоты двинулась по дороге на Тулу, готовая всё смести на своём пути. Но под жёстким артиллерийским огнём первой линии подвижной обороны Д.Д. Лелюшенко смешалась и остановилась. Немцам пришлось вызвать авиацию, которая начала обрабатывать передний край. Она попала под огонь наших зенитных батарей, сбивших четыре самолёта. Эффект от этой обработки получился низкий - хорошо окопавшиеся войска практически не несли потерь. Последовавшая затем атака 50 танков и полка пехоты немцев была отбита. Более половины немецких танков горели на поле боя.

Вскоре последовала вторая более мощная атака танков и пехоты. Оборона начала прогибаться... и вдруг на атакующих немцев с тыла ударили семь наших танков Т-34 старшего лейтенанта Бурды. Немцев охватила паника. Теряя технику и пехоту, немцы беспорядочно отступили, сея страх и панику в своих рядах.

Штабы, как правило, в атаках не участвуют и вперёд не идут. Они позади атакующих наблюдают за полем битвы.

На этот раз крупно не повезло штабу 4-й танковой дивизии немцев. Именно на неё и пришёлся первый неожиданный удар наших танков Т-34 из роты старшего лейтенанта Бурды. Этот бой проходил под непрерывным морозящим дождём, к которому уже к вечеру стал обильно примешиваться снег. К утру снег покрыл всю землю, накрепко привязав немцев к дороге.

Об этом бое есть свидетельство самого генерала Гудериана в его мемуарах "Воспоминания солдата".

"6 октября... южнее Мценска 4-я танковая дивизия была атакована русскими танками, и ей пришлось пережить тяжёлый момент. Впервые проявилось в резкой форме превосходство русских танков Т-34. Дивизия понесла значительные потери. Намеченное быстрое наступление на Тулу пришлось отложить. Превосходство материальной части наших танковых сил, имевших место до сих пор, было отныне потеряно и перешло к противнику. Тем самым исчезли перспективы на быстрый и непрерывный успех".

Здесь же генерал Гудериан говорит также, что русские применили против его танковых клиньев оборонительные построения, которые он назвал новой тактикой: в центре - пехота и артиллерия, с флангов - танки. Эта тактика лишила танки Гудериана манёвра и держала их под перекрёстным огнём.

Воистину был прав А.В. Суворов, говоря, - "Воюют не числом, а умением!"

За девять дней непрерывных мощных танковых атак, поддерживаемых авиацией и артиллерией, устлая поле боя бесчисленными трупами своих солдат и десятками сгоревших и разбитых танков (всего более 200), эта огромная армада войск Гудериана смогла пройти всего сорок километров и упёрлась в основную линию обороны генерала Д.Д. Лелюшенко, организованную по реке Зуша. Прорвавшиеся немцы во время очередной атаки в г. Мценск, расположенный на правом (московском) берегу Зуши, в тот же день были выбиты оттуда. И в тот же день Генштаб перебрасывает генерала Лелюшенко под Можайск на Бородинское поле, куда со своими танками рвался фон Клюге и которому до Москвы оставалось пройти всего около 100 км.

Теперь наступающим войскам Гудериана противостояло хорошо организованное войско, состоящее из двух дивизий, двух танковых бригад, вооружённых танками Т-34 и КВ-1, прочно занимающее выгодные позиции, прикрытые рекой с крутыми берегами.

Эта оборона держалась до 24 октября.

Эти бои войска генерала Лелюшенко вели с войсками Гудериана, который не смог выйти на оперативный простор, а вынужден был постоянно прогрызать подвижную оборону наших войск, неся большие потери в танках и людях. И с каждым таким шагом враги ещё теряли боевой дух, то великое оружие победы, которого им так и не хватило потом, чтобы занять Тулу и выполнить требуемый планом "Тайфун" охват Москвы с юга и востока.

О потере этого духа в тех боях Гудериан в своих "Воспоминаниях солдата" рассказывает так: "...тяжесть боёв постепенно оказывало своё влияние на наших офицеров и солдат...", далее... "Возвратившись в Орёл (8 октября), я встретил там полковника Эбербаха, который доложил мне о ходе последних боёв. Впервые со времени начала кампании у Эбербаха был усталый вид, причём чувствовалось, что это не физическая усталость, а душевное потрясение. Приводил в смущение тот факт, что последние бои так сильно действуют на наших лучших офицеров" (с. 225).

Душевное потрясение у Эбербаха возникло не на пустом месте. Оно, если говорить точно, возникло от разгромного поражения его войск той силой, которую он не мог преодолеть. А имя ей - воинское мастерство генерала Д.Д. Лелюшенко, который малыми силами (всего двадцать танков Т-34) сумел диктовать свою волю целому танковому корпусу немцев (более 600 танков Т-3 и Т-4), победно прошедшего всю Европу.

- А что будет, - наверное, думал Эбербах, - если у Лелюшенко таких танков появится двести? А если тысяча?!

И глухая грусть-тоска входила в его сознание, высвечивая разбитые танки и обгорелые трупы своих солдат и офицеров, которые ещё совсем недавно веселились, как хозяева, в богатом и красивом городе Орле.

Действительность оказалась значительно суровее. Уже в 1942 году наши труженики тыла дали фронту 24700 танков, 25400 самолётов и много другого грозного оружия. И среди этих 24700 танков в войска всё больше и больше поступало танков Т-34, которые уже потом, после войны, все специалисты мира назовут лучшим танком Второй Мировой войны.

О встрече с танками Т-34 рассказывает в своей книге "Роковые решения" начальник штаба 4-й немецкой армии генерал Блюментрит.

"И вдруг на нас обрушилась новая, не менее неприятная неожиданность. Во время сражения за Вязьму появились первые русские танки Т-34. В 1941 г. эти танки были самыми мощными из всех существовавших тогда танков... В районе Вереи танки Т-34, как ни в чём не бывало, прошли через боевые порядки 7-й пехотной дивизии, достигли артиллерийских позиций и буквально раздавили находившиеся там орудия... Началась так называемая танкобоязнь".

В описываемое время командовал 4-й немецкой армией генерал-фельдмаршал Клюге. Она наступала на Москву по плану операции "Тайфун" через Вязьму и далее, охватывая Москву с запада и севера. И если Гудериан с "помощью" Д.Д. Лелюшенко ещё топтался у Орла (около 250 км от Москвы), теряя танки и боевой дух, то генерал-фельдмаршал Клюге со своими танками подходил к Бородинскому полю.

Ставка Верховного командования перебрасывает генерала Д.Д. Лелюшенко теперь для усмирения пыла фон Клюге.

Места, где проходили крупные исторические события, часто вызывают ассоциации у людей честолюбивых.

- Теперь победоносные немецкие войска, - думал фон Клюге, - пришли на земли Бородинского поля, которые видели сияние гения Наполеона и его блистательных побед. Мы разгромим этих русских до конца и не допустим тех ошибок, которые сделал Наполеон в той далёкой, но памятной войне. Тогда и наши шли под его знамёнами. Теперь под знамёнами фюрера и великого Рейха идут с нами и французы. Это символично.

И, вспомнив Наполеона, славу и победы фюрера немцев, он обратился со специальным посланием к четырём французским батальонам, бывших в составе передовых отрядов его войск, которым, как он считал, выпала честь...

...Легион пошёл в наступление и был наголову разбит в первом же бою войсками генерала Д.Д. Лелюшенко.

Лёгкий марш-наступление для Клюге кончился. С жестокими боями он пройдёт к Москве ещё пятьдесят-шестьдесят километров, и силы его войск иссякнут. Войска Клюге и Гудериана начнут отступать, бросая технику и оружие.

А Гитлер после этого снимет с должности и уволит в запас 30 своих крупных военных начальников, в том числе: фон Клюге, Браухича, Гудериана.

Описанные события у Мценска после окружения Брянского фронта нашли отражение и в мемуарах маршала Василевского, бывшего тогда начальником Оперативного управления Генштаба.

Вот они: "Для прикрытия орловско-тульского направления Ставка в спешном порядке выдвинула из своего резерва 1-й Гвардейский стрелковый корпус, усилив его двумя танковыми бригадами, авиационной группой, полком РС и несколькими другими спец. частями.

Командование этим корпусом было возложено на заместителя начальника главного бронетанкового управления генерал-майора Д.Д. Лелюшенко. Корпусу было приказано не позднее 5 октября сосредоточиться в районе Мценска, Отрады, Черым" (Василевский А. Дело всей жизни. - М.: Политиздат, 1975. - С. 152).

Интересно написано!

Штабные генералы имеют "свой взгляд" на события и трагические, и героические, часто окрашенные в тона тишины и покоя больших штабов.

Без вести пропавший

Ни звёзды - огромные газовые шары, раскалённые энергией ядерных реакций до высоких температур, от которых свет до Земли идёт многими годами; ни планеты - малые остывшие кусочки звёзд, попавшие в зону притяжения нашей звезды - Солнца, не имеют ни малейшего отношения к судьбам людей.

Так учит наука астрономия. И это верно. Но в этом огромном порядке есть всё-таки место влиянию на судьбы людей. Оно исходит от некоторого беспорядка, называемого метеорным роем Адониса. Так называют большую группу камней, которая имеет орбиты, очень близкие к земной. Все они расположены между орбитами Марса и Юпитера, т.е. почти рядом с орбитой нашей земли. Когда орбита Земли пересекается с орбитами камней и камешков роя Адониса, тогда мы, земляне, имеем возможность в тёмное время суток наблюдать "звёздные дожди". Это безопасно, так как мелкие камешки и песчинки сторают в верхних слоях атмосферы, прочерчивая яркий след - "падающая звезда". При звёздном дожде таких падающих звёзд бывает много: одна-две в минуту.

Хуже обстоит дело, когда встреча происходит с большим камнем - горой. Так было десять тысяч лет назад. Тогда население Земли уменьшилось от нескольких миллиардов до пятидесяти миллионов. И называется такое событие мировой катастрофой. Судьбами людей управляют в значительной степени люди, имеющие власть над нами. И чем больше эта власть, чем на большее число людей она распространяется, тем влияние власти имущих больше. И совсем не потому, что эти властелины какие-то особенные, а потому, что они через свою власть способны привести в целенаправленное действие большое количество людей. Например, ввергнуть в войну и тем определить их судьбу - смерть в расцвете сил. Так что на звёзды, планеты, созвездия можно свалить все беды, с ними от этого ничего не случится, а вот причину надо искать ближе - она во власти. Поэтому очень важно, чтобы власть была подконтрольна народу и ответственна перед ним. Тогда и у людей будет меньше трагических судеб, неустроенности в жизни, голода, холода, страданий и веры в то, что всему виной звёзды.

Об одной из таких судеб красивого, сильного, сероглазого парня мне и хотелось рассказать, увязав её с деятельностью людей власти, порождённой европейской цивилизацией, той её начинкой, которую выпестовали в течение веков своекорыстные правители стран, поставившие эгоистичный либерализм юридической и нравственной основой жизни общества.

Примечание: либерализм - это общество, в котором частная собственность "священна", торговля (спекуляция) - главная форма деятельности людей, каждый живёт сам по себе (мой дом - моя крепость), а роль государства ограничивается охраной этих столпов общества.

Лето в тот год было погожим. Правда здесь и то, что для подростков плохой погоды, особенно летом, не бывает, как не бывает холодной воды в речке, скуки с друзьями и отсутствия желания сбегать в лес за грибами или ягодами. На многое бывает желание у подростков. Лишь бы были рядом друзья и была идея, завладевшая ими, - источник силы для совместных целенаправленных действий.

Была, например, идея искупаться. Была жара. Была речка. Были друзья. И вот они купаются: плавают, ныряют, достают дно, кувыркаются... без ограничений... кроме внутренних. И сидит потом такой купальщик на берегу, инстинктивно собравшись в комочек - на корточках, грея душу кулаками, синий с гусиной кожей по всему телу, и пронимает его такая дрожь, что и слова сказать не может, разве только мычать. Но... доволен. Накупался вволю - как душа хотела!

Вот это очень важно - как душа хотела. А гусиная кожа, дрожь... пройдут. Вон, как солнце ярко светит. Согреть, ничего!

Ведь "как хотела душа" - это свобода. Чистейшая свобода вольного человека.

Он не знает пока корысти и жадности, не знает одуряющей силы других пороков, ему не нужны богатство и слава, и только свобода манит его чистую душу в своё прекрасное царство исполнения желаний. Ему ещё неизвестно слово "счастье" с его миражной, призрачной сутью, за которым уже потом он будет попусту гоняться почти всю свою жизнь. Ему теперь всё заменяет свобода. Свобода самому и с друзьями открывать мир. И пусть этот мир ещё не велик, потом его границы будут расширяться, но для познания мира нужна свобода - сладостная и неповторимая свобода - делать то, что хочется.

Летом деревенские ребята не сидят без дела. Состояние занятости у них постоянное. Разве что в непогоду, устроившись где-нибудь на сеновале, ведут они неспешные беседы о виденном, прочитанном или услышанном. Их рассказы просты и захватывающи, потому и остаются в памяти на долгие годы ясными тёплыми бликами.

Структура мира проста в своей повторяемости. Структура жизни повторяет структуру мира, но всё-таки она выделяет людям для свободы и счастья малый кусочек жизни, имя которому - детство.

У деревенских мальчишек оно особенно ярко и содержательно, потому что протекает оно в природе, в её живительных и радужных недрах и всегда сопряжено с известными и малоизвестными опасностями: от жгучей крапивы до жалящих насекомых и кусающихся животных, от высоких деревьев до глубоких омутов. Это как раз те условия, в которых жили и трудились наши далёкие и близкие предки и закаляли свой характер.

Было у деревенских мальчишек одно важное дело летом. Это дело называлось "ночное".

Слово и действие это почти позабыто. Оно означает пастьбу лошадей ночью. Днём лошади в работе, а ночью они кормятся и отдыхают. Отдыхают после работы и взрослые, потому в ночное едут подростки. Это слово истребили автомобиль и трактор. Им, как известно, ночная пастьба не нужна, но многие века до них ночное было делом деревенских подростков. И очень ответственным делом. И.С. Тургенев в своём прекрасном рассказе "Бежин луг" рассказал об этой трудной и героической работе деревенских ребят.

Короткими тёплыми летними ночами, когда заметные сумерки опускаются на 3-4 часа, эта работа не очень трудна, да и волчата ещё не подросли, но... пастьба продолжается до октября в любую погоду. Вот тогда ночное становилось тяжёлой и опасной работой. Вот тогда ночное становилось и школой мужества. К осени подрастали волчата, и их родители начинали учить их своему разбойному ремеслу. Лошадь, отбившаяся от табуна, была всегда для волчьей стаи желанной добычей, да и урок по нападению на такое крупное животное волчатам необходим. Не исключалось и воровство лошадей из табуна. Так что, ночное - это совсем не развлечение, а работа, овеянная романтикой и риском. Важно было в этой работе и то, что дело это было коллективное. Каждый пас своих лошадей и вместе с тем - всех.

В ночном спланивался коллектив крепких и мужественных ребят, у них появлялись свои вожаки, которых уважали не только за силу и крепкий кулак, но и за самоотверженность, храбрость и крепкий, не по-мальчишечьи рассудительный здоровый ум. Все эти качества и право верховенства подтверждались в глазах сверстников постоянно. Процесс этот был непрерывным. Ребята росли, по-разному мужали и крепчали, по-разному становились характеры. Лидер не был постоянным. Он часто повергался на уровень рядового в суровой и прилюдной схватке. Эта судьба часто доставалась зазнавшимся не в меру и потому потерявшим уважение к ближним.

Тот крепкий среднего роста парнишка не лез в лидеры в ночном, а больше любил подремать, пригревшись у костра. Долговязый Пашка Ампалеев (так называли Пашку Кузнецова, сына Ипполита, чтобы отличить от многих других деревенских Кузнецовых) только и ждал того момента, когда усталость смежит веки его соседа. Тут же к его носу подносился кусочек дымящейся ваты. При вдохе в грудь шёл резкий вонючий дым, вызывавший кашель со слезами и другими мокротами.

Многочисленные просьбы не трогать эффекта не имели.

В тот раз или уж больно зол был дым от ваты, или лопнуло терпение у сероглазого, он вихрем налетел на Пашку Ампалеева и колошматил до тех пор, пока тот попросил чуру - "Прости, больше не буду!"

С тех пор он больше не приезжал домой с синяками или припухшими побитыми губами. И его мать, добрый выдержанный человек, больше не говорила: "Давай сдачи! Не поддавайся! Одолей!"

Мать воспитывала своего сына мужчиной. По её понятиям, он не должен быть драчуном - лезть в любую драку, но постоять за себя - обязан! Мать укрепляла своего первенца в этой суровой необходимости, и он вырос добрым и смелым, готовым постоять не только за себя, но и за правое дело.

Пашка Ампалеев нашёл в себе мужество признать лидерство сероглазого. В последующие годы их дружба окрепла и осталась братской во всём на долгие годы, до суровых дней войны, где их дружбу убила вместе с ними война.

Это были отличные ребята, крепкие, смелые и решительные, хорошо выученные Советской властью и приобретшие широкую практику на производствах и на действительной службе в армии. Они знали и умели. Они были надёжной опорой Советской власти.

Советская власть посылала их создавать колхозы - разъяснять крестьянам выгоду коллективного труда. И они это делали. Они строили дома, заводы и работали потом на них. А когда Советская власть позвала их на свою защиту, они пошли и на это дело, как всегда, впереди. Они знали, что защищают и от кого, но ещё они умели защищать даже, казалось, в невозможных условиях.

Это были отличные ребята!

Их любили девушки, и они не прятались от этого чувства, но у них всегда долг перед Родиной был превыше всего, потому что они были настоящими сыновьями Отчизны - мужчинами.

Они появились не вдруг. В их жилах текла кровь древних витязей и суворовских чудо-богатырей. Их учили защищать и любить свою Родину, свой Народ ещё древние боги - мать Сва, Дажьбог, Перун-громовержец.

Именно Перун брал погибших в бою храбрецов в своё бессмертное войско, которое на белых конях по голубому небу всегда приходило на помощь в бою тем, кто смело отстаивал свою Землю и Народ от её врагов.

Это были отличные ребята, впитавшие в себя неодолимый дух славянского племени, вскормленные и воспитанные русскими матерями, знавшие и берегшие честь и достоинство своего Народа.

И.В. Сталин знал и понимал, что сионистско-массонские щупальцы нашли лёгкий и доступный канал для проникновения в любые структуры государства по своим религиозно-национальным связям. Основные государственные посты СССР были очищены от сионо-массонов к 1938 г., и они были лишены стратегической информации о нашей стране. Это их не устраивало. В ход были пущены сионистские женщины для определения их в жёны руководителям СССР. В условиях надвигающейся войны такие жёны стали стратегически опасны.

Интересный случай рассказал И.В. Сталин на пленуме ЦК, после XIX съезда партии (1952 г.). На этом пленуме шло "распределение портфелей" во властных структурах партии, и здесь И.В. Сталин предложил не вводить в состав политбюро В.М. Молотова, старого коммуниста и давнего старого своего соратника. Объясняя это предложение, он высказал две основных причины.

Надо учить управлению молодых. На это уходит 10-15 лет.

О делах на Политбюро В.М. Молотов (член политбюро) рассказывал своей жене Жемчужиной, а та - израильскому послу Голде Мейер (ставшей потом премьером Израиля).

Хороши разговорчики у подружек! Потому этих жён и изолировали от своих руководящих мужей (Калинин, Молотов и др.) во время войны.

Наиболее сильно заселены сионистами оказались органы НКВД (Народный комиссар внутренних дел - Ягода). Главную работу по их расчистке выполнил член ЦК бывший питерский рабочий Ежов. Можно, видимо, теперь сказать, что он надорвался на раскручивании сионо-массонских змеиных клубков.

К концу 1938 г. на эту работу пришёл Л.П. Берия.

К этому времени всю шёл набор в органы НКВД из проверенных и надёжных парней, так как многие из кадров Ягоды оказались не способны решать правоохранительные задачи государства.

Сероглазый парень оказался среди тех, кого просила Советская власть о своей защите от её тайных врагов.

Врагов у нашей Родины всегда было много и не только потому, что мы ущемляли чьи-то интересы, но и потому, что многие зарились на наши богатства. Да и боялась эта зажиревшая на колониальном грабеже "цивилизованная" Европа за свои сундуки с гульденами и ливрами, измеряя по себе своего могучего, но спокойного соседа. Помнили Европейские столицы грозную поступь наших полков, успокаивавших не в меру ретивых правителей их государств, время от времени возомнивших вдруг себя великими, а потому сразу пожелавших малой малости - власти над всем миром. И чем тщедушней был этот "цивилизованный" правитель, тем большей власти он хотел. Видимо, в детстве мало давали им этой власти их друзья.

Надо помнить, что именно "цивилизованная" Европа, её властные структуры породили все войны, в том числе и мировые, в XVII, XVIII, XIX и XX веках. Именно эта Европа опутала весь мир колониальными цепями и сосала золото и кровь из большей части народов мира. Именно эта Европа породила и воспитала такую дикость, как фашизм, и его главного руководителя Гитлера, повинного в безвременной гибели 50 миллионов людей Земли во второй Мировой войне.

У Советской власти врагов появилось ещё больше, потому что она стала примером для всех трудящихся, как без буржуазии, без капиталистов надо управлять страной во благо трудового народа, а не кучки богатеев.

Проходят годы, через толщу лет просвечивают дела великих людей того времени - эпохи. Мужественные титанического склада люди встают из этого далёка, черпая свои немерянные силы из той идеи, что овладела ими. Овладела, закружила и подняла обновлять землю, покорять океаны и моря, осваивать воздушный океан и космос.

Идея, овладевшая умами и сердцами этих людей, стала огромной материальной силой, возводившей фабрики и заводы, строившей корабли и самолёты, дома и счастливую жизнь для трудового народа. И как строили!

В 1938 году прирост всеобщего валового продукта (ВВП) СССР составлял 23%, из них 17% ВВП шло на образование. Так ни строил, ни развивался, ни учился ни один народ в мире. Ни тогда, ни теперь. И надо помнить также, что руководил тогда Всесоюзной Коммунистической партией (большевиков) Иосиф Виссарионович Сталин, премьером был Вячеслав Михайлович Молотов, а президентом (Всесоюзным старостой) - Михаил Иванович Калинин.

И люди огромного государства жили с каждым днём всё лучше и лучше. Они строили и селились в новых домах, воздвигали автомобильные и тракторные заводы, а выпускаемые там машины многократно облегчали труд людей. Они познавали мир земной и мир звёзд.

Они пели весёлые жизнерадостные песни, помогавшие и строить, и жить, и любить. Они пели и улыбались. Им было весело. Они были хозяевами своей страны, которой гордились и которую любили.

Сероглазый парень в 1933 г. был мастером бригады строителей первой линии метро. В тот день, возвращаясь с работы после трудной смены в забое метрополитена (бригада боролась то с прорвавшейся водой, то забой наткнулся на большие пласты твёрдой породы), уставший, он ехал на квартиру, которую снимал в подмосковном Косино - маленькой деревушке, расположенной в километре от станции. Возил людей из пригорода в город паровоз, который, пыхтя и пробуксовывая, медленно трогал длинный состав пригородных вагонов и, ещё не разогнавшись как следует, начинал снова тормозить у очередной станции.

Время было позднее, в вагоне народу было мало, и он с удовольствием усевшись на диване у окна вагона, вытянул ноги. Постепенно вагон заполнялся. Место у окна вагона всегда считалось удобным. Здесь можно облокотиться о подоконник и любоваться открывающимися пейзажами за окном поезда. Он и смотрел на вокзальную суету спокойным умиротворённым взглядом человека отъезжающего через две минуты, намеревающегося слегка подремать, как вдруг приятный женский голос сказал:

- Молодой человек, вы не могли бы убрать ваши ноги от моего дивана?!

Сероглазый парень, уставший мастер смены метростроя, сказал:

- Да, да! Извините, - убирая ноги под сидение своего дивана.

Девушка села напротив, поправив юбку, что-то посмотрела в своей сумочке и уже хотела посмотреть в окно, как он спросил:

- А теперь мои ноги вам не мешают?

- Если честно, то мешают, мне тоже хотелось бы ноги вытянуть.

- Это совпадает и с моим желанием. Есть предложение: вы - сюда, а я - туда.

Он указал рукой, как это можно сделать.

- Пойдёт, - сказала она и тут же вытянула ноги к нему под диван. Вытянул ноги и он.

- Теперь можно и подремать. Вам далеко ехать?

- До Косино - отвечала она.

- А потом?

- Деревня Косино - и всё.

- Выходит, мы с вами соседи? - несколько удивившись, сказал сероглазый парень.

- А я давно знаю об этом, как только вы поселились у тёти Кати, и даже знаю, как вас зовут.

- Разведка работает, - сказал он, усмехнувшись, но обрадовавшись такой неожиданной попутчице.

- А вас как зовут? - уже не желая дремать, спросил мастер метростроя.

Она назвалась Машей и сказала, что работает телефонисткой на центральном телеграфу.

Голубые Машины глаза смотрели на него прямо и приветливо. Они ещё и говорили:

- Смотри, какая я добрая и красивая, - и блстели, вспыхивая искорками в свете дрожащих огней, в свете уходящего перрона.

- Вот так встреча... почти как в кино, - говорил он, продолжая удивляться.

- А я знала, что мы с вами встретимся и познакомимся, только не знала, что это будет сегодня, - говорила Маша как о чём-то давно решённом.

С разговором, который с каждым оборотом колёс принимал всё более доверительный характер, до Косино доехали незаметно и потом по протоптанной тропинке дошли до Машиного дома, условившись встретиться в Москве.

Они начали встречаться у центрального телеграфа, из дверей которого она выбегала весёлая и радостная в группе своих подружек со смены. Он приходил сюда с Лубянки, где находилась их шахта-вход на участок проходки туннеля станции метро Дзержинского (Лубянка).

Они бродили по городу, говорили друг другу весёлые ласковые слова. Зимой чаще, чем летом, ходили в кино. Распевали модные тогда песни из кинофильмов, и уже он подумывал о ней, как о своей жене, но Родина повелела повременить с этим делом и позвала его учить военное дело в армии.

Вскоре сероглазый парень стал стрелком-радиом на тяжёлом бомбардировщике ТБ-3.

Из армии Маша не дождалась его. Видать, пришёл другой и увёл её в свой мир любви и счастья. А ждать... и догонять, как известно, занятие трудное, и не всем оно по плечу.

У меня есть один знакомый, который пережил подобную ситуацию, служа в десантных войсках СССР, в Батуми. Как только он узнал, что его любимая не дождалась, хотя перед этим клялась, обещала ждать, и... вышла замуж за другого, он вооружился десантным ножом, сел в поезд на Москву и помчался разбираться с подлой изменой. Его сняли с поезда в Ростове и возвратили в часть.

Парню повезло. У него были хорошие командиры, которые чтили не только устав воинской службы, но и человеческие страсти, способные привести к его нарушению. Парню дали успокоиться и оставили дело без последствий.

У сероглазого парня из военно-воздушных сил эта драма прошла без сильных внешних проявлений. Хотя ему было обидно и больно от того, что её чувства к нему оказались столь недолговечными. Но всё равно это было предательством. А к предательству нормальный человек равнодушным не бывает.

В своё время один известный поэт, раненый изменой своей жены из театрального мира, который редко отличается постоянством в любви, написал такие злые стихи в виде эпитафии:

*"Под камнем сим лежим С... ва,
Моя и многих верная жена.
О, боже мой, не дай ей сплина,
Ведь первый раз лежит одна".*

Сложная эта тема - измена в любви. Отелло задушил свою верную Дездемону, лишь заподозрив измену. Нашему десантнику этого не дали сделать мудрые отцы-командиры. Поэт поражает изменницу ядом бессмертного стиха, а сероглазый парень - своим молчаливым презрением - так приказала ему совесть, возвращённая на идее добра и порядочности. В чём-то он, возможно, винил и себя, но обида, как долго не заживающая рана, так и осталась на все оставшиеся годы его недолгой жизни. Другим женщинам не удалось преодолеть эту отчуждённость, которая указывает теперь нам на глубину его обиды. Обиды на неё, обиды на себя, что не удалось построить надёжный союз-фундамент для сложной жизни, которая угадывалась по многим на то видам.

Этот союз он не выдумал из идиллических описаний. Он видел его много лет на родительском примере и, взяв его за образец, хотел его повторения. Других вариантов он не признавал с их компромиссами, свободами и равнодушием. Его устраивал вариант только единодушия и верности. Таков он был сам, таков был его образец, и другого он принимать не желал.

Только вот его русая буйная шевелюра стала теперь немного ровней.

Молодые, крепкие и знающие ребята составляли в 1939-1941 гг. костяк службы государственной безопасности. Они пришли с производства и с честью несли дополнительную ответственность за данное им партийное поручение. Скорее это было поручение совести. На новой работе у сероглазого парня свободного времени не было.

До мая 1941 г. он учился новой профессии и постоянно участвовал в оперативных делах службы - ночью, днём, в любое время суток.

Военно-политическая ситуация в мире соответствовала напряжению в высшей степени. Отовсюду шла информация одна страшней другой. По открывшимся фактам угрозы Советской власти, на места ехали и летели группы молодых крепких ребят, у которых основным развлечением в два последних года была стрельба из пистолета, пулемёта, автомата в хорошо оборудованном тире в подвале основного здания. Их подробно вводили в обстановку, рассказывали о связях и средствах, ставились задачи.

В составе одной из таких групп сероглазый парень отбыл в Ригу в мае 1941 г. Нарядно одетые, они сели в поезд, рассредоточившись по вагонам согласно инструкции. Со станции Бологое он отправил матери денежный перевод для уплаты остатка долга за дом. "Наконец-то кончилась бездомная жизнь матери с младшими братом и сестрой по казённым домам. И хотя дом самый немудрящий, но зато теперь свой. Есть и сарай, куда можно поселить корову", - так думал он, отсчитывая почтовому кассиру красными тридцатками необходимую сумму.

Старший сын - опора и надежда отца, неожиданно умершего 5 лет назад, оставался и теперь этой опорой и надеждой семьи. В редко свободные минуты, когда его мысли возвращались к нелепой смерти отца в расцвете сил от тромба в артерии, он остро ощущал эту утрату горячо любимого человека, с которым они строили планы, радовались успехам и одинаково смотрели на жизнь, что создавало большую уверенность в делах и простоту в отношениях. Теперь его нет. Нет его твёрдой руки, серых добрых глаз, полных заботы о нём или в минуты радости светящихся беспредельной любовью к нему - взрослому сыну.

Он жил в дружной и доброй семье и видел в ней образец для подражания. Теперь мать одна растит двоих младших. Ей трудно вдвойне. И он помогает ей как может, своей доброй и любящей матери, готовой на любой подвиг во имя детей, во имя старшенького.

Утром поезд пришёл в Ригу. Город встретил их настороженной напряжённостью. Они знали о диверсиях, о ночных и дневных обстрелах с чердаков зданий и уже сразу незаметно, но оценивающе посматривали на узкие улочки старого города, на слуховые окна чердаков и густо озеленённые бульвары центральной части города.

В работу включились с колёс. Обстановка ухудшалась с каждым днём. Поражала массовость акций и чёткое планирование из единого центра. С каждым днём диверсии всё больше походили на партизанскую войну.

Пошли потери. Отличные ребята гибли в горячих схватках с террористами, от пуль снайперов, от ударов из-за угла. В последние дни перед войной в городе даже днём обстреливали воинские колонны, несмотря на большие потери террористов.

В эти дни он увидел глаза открытых врагов. Во многих из них был виден испуг и страх перед расплатой. Но попадались и такие, холодный голубоватый цвет которых выявлял решимость и силу воли. В них только не было уверенной правоты и силы идеи, ставшей стержнем человека. Он скоро это понял.

В городе у него были дела до тех пор, пока немецкие армейские части не выслали на улицы группы мотоциклистов-разведчиков. От них и пришлось отрываться на мотоцикле вдвоём с товарищем, отстреливаясь от особо наседавшей погони. Загородом на ржаном поле укрывался ожидавший их самолёт У-2.

Слышавший стрельбу лётчик завёл мотор и держал его на малых оборотах, готовый мгновенно взлететь.

Оторвавшись от немцев, они сходу остановились у самолёта. Напарник, сидевший в коляске мотоцикла, был ранен. Его погрузили во вторую кабину.

- Поехали, - сказал сероглазый парень, - я ухвачусь за крыло!

Перегруженный У-2 оторвался от земли и вскоре скрылся за верхушками ближайшего леса, как будто перепрыгнув через него, повергнув в изумление немцев своим внезапным появлением и таким же стремительным исчезновением.

- Русь фанер, проклятье! - кричал рыжеватый немецкий солдат, сидевший за пулемётом в коляске мотоцикла, и, показывая рукой подъехавшему фельдфебелю на лес, за которым исчез самолёт У-2.

- Не только русь фанер, но и двух больших советских комиссаров держали почти что в руках и... упустили... вместе с нашими орденами и отпусками домой к Лизеттам и Мартам, - подвёл итог погони фельдфебель, подъехавший со стороны ржаного поля.

Позже командир немецкой мотоциклетной роты в рапорте начальству о дневной боевой деятельности списал потерю трёх мотоциклов с колясками, двоих убитых и пятерых раненых на бои с арьергардом русских.

Вернулись в Москву из этой командировки через месяц после начала войны только двое из всей большой группы. Возможно, что некоторые появились позже. Хорошо бы.

Сероглазый парень не терял связи с начальством, которое знало о его действиях и месте нахождения. Накануне его приезда из управления позвонили домой и коротко сказали сёстрам: "Завтра ждите".

Сестрёнки кинулись по магазинам. После полного молчания с мая, около 3-х месяцев, встретить брата для них было большой радостью.

На другой день с работы дважды звонили, спрашивая, - Приехал?... Нет? — и только уже вечером он сам доложил о прибытии, как только вошёл домой в военной форме и с полотенцем в кармане.

На другой день с утра он уехал на работу, пробыл там до вечера, доложил о выполнении задания, обо всём виденном и слышанном и оставил там своё заявление с просьбой отправить его на фронт.

Домой пришёл как будто повеселевший, но только радио не слушал, так как его почти победный тон никак не вязался с тем, что он увидел за первый месяц войны.

Начальство тянуло с рассмотрением его заявления, видимо, желая дать ему немного отдохнуть даже в то очень суровое время.

Через неделю его вызвали на службу, где сообщили о его назначении в действующую армию комиссаром батальона в одну из дивизий Московского ополчения. Дивизия была отправлена под Смоленск, где наши военачальники пытались отбить его у немцев, сданный почти без боя три дня назад. Прорвать фронт немцев удалось и узким коридором почти подвинуться до Смоленска, но взять город или хотя бы расширить зону прорыва у Соловьёвой переправы не могли. Чересчур сильная оказалась у немцев здесь военная группировка армий "Центр" - около 40% всех войск Германии на восточном фронте.

В этих кровопролитных боях сероглазый капитан был ранен в руку и эвакуирован на лечение в один из подмосковных госпиталей. Уже много позже один мой знакомый, воевавший танкистом в смоленском сражении и потерявший там ногу, говорил:

- За такие дела, которые мы делали под Смоленском, потом давали героев, а нам вот... - и указывал на медаль "За отвагу", одиноко поблескивавшую на его груди. - Так-то, брат,... а ты говоришь - бои... - и уходил, припадая на поскрипывавший протез, поднимаясь и задерживаясь на носке здоровой ноги, ожидая пока механическое колено протеза согнётся и выпрямится снова, сделав шаг.

Герои этих боёв не названы, потому что не было победы, но они были, и их было много, и они в последнем предсмертном усилии протыкали штыком грудь врага не для славы - для Победы.

Герои этих боёв и те, кто в атаке наткнулся на вражескую пулю, не сделав и пяти шагов. Каждый такой шаг он делал не для славы - для Победы.

Герои этих боёв те, кто на Соловьёвой переправе под непрерывными бомбёжками днём и ночью обеспечивал армию хлебом и патронами, латая и исправляя разрушенный под огнём врага мост через Днепр не для славы - для Победы.

В этом сражении было много героев, и они достойно приняты в бессмертное войско Перуна, которое мчится на белых конях по голубым долинам всегда на помощь тому, кто храбро сражается за свой Народ, за свою Землю. Так учили своих воинов мудрые волхвы в давние годы.

В те далёкие годы поздними погожими вечерами, наблюдая всполохи и отдалённый гром оружейных выстрелов смоленского сражения, мы и думать не могли, что каток войны так скоро пройдёт и по нашим мирным домам. Это знали только в высоких штабах немецкой армии, где уже были готовы карты генерального штаба с операцией "Тайфун" - операции по захвату Москвы.

Начало этой операции было определено на 1-е октября 1941 г. Для её реализации немцы сосредоточили 75-77 отборных дивизий, в том числе 14 танковых и 8 моторизованных, что составляло 38% всех пехотных и 64% всех танковых и моторизованных.

В бытовых понятиях эти дивизии выражаются в 1,8 млн. человек, свыше 14 тысяч орудий и миномётов, 1700 танков Т-III и Т-IV и 1390 самолётов. Эти силы были распределены на две группы: танковая группа фельдмаршала фон Клюге наступала от Смоленска; танковая группа генерал-полковника Гудериана наступала из районов, расположенных южнее Брянска (Шостка, Ямполь).

Обе группы по замыслу разработчиков операции "Тайфун" должны были соединиться северо-западнее Москвы, окружив огромную территорию Москвы и её окрестностей, пройдя по 400-450 км. Такая "стратегическая дерзость" немцев основывалась на успешно проведённых операциях по захвату Минска и Смоленска, на окружении Ленинграда, на окружении и разгроме Киевской группы войск (юго-западный фронт); на большом опыте генералов немецкой армии, умевших создать требуемую концентрацию войск в нужном направлении.

Операция "Тайфун" предусматривала также нейтрализацию, а потом и уничтожение противостоящих им войск Западного (Конев), Резервного (Будённый) и Брянского (Ерёменко) фронтов, имевших в сумме 1,25 млн человек, 7600 орудий, 990 танков, 677 самолётов. Для этого предполагалось провести окружение указанных войск в районе Вязмы и Брянска.

Первый этап операции "Тайфун" немцы выполнили своими подвижными соединениями довольно успешно, но наши войска продолжали сражаться и в окружении, наступая с перевёрнутым фронтом и нанося немцам большие потери. Это обстоятельство авторы "Тайфуна" не предусмотрели.

На фронт в наши войска стали массово поступать лучшие танки Второй Мировой войны Т-34. Это обстоятельство "авторы Тайфуна" не учли также.

Не учли они и многих других обстоятельств, но о них позднее.

После первого этапа операции "Тайфун" немцы предполагали выйти на оперативный простор, где нет наших войск и стремительным маршем окружить и захватить Москву, тем и кончить войну до холодов. На 7-е ноября намечался парад немецких войск на Красной площади Москвы. Принимать этот парад должен был сам Гитлер. Немцы уже шили специальную форму одежды для этого парада, так, не на шутку, были уверены руководители Германии и, конечно, их союзники, бросившие свои армии под знамёна Гитлера. Этих армий было много. Только в Сталинградском сражении 1942 г. были разгромлены две румынских и одна итальянская армии, каждая не менее 100 тысяч человек. А были ещё австрийцы, испанцы и полностью Финляндия, выставившая под знамёна Гитлера не менее 3-х армий.

Всех недовольных Россией и Советской властью собрал Гитлер под свои знамёна, и каждый сатрап нёс свой подарок фюреру: Западная Украина - дивизию СС "Галитчина", Литовские националисты преподнесли - 7 дивизий, были там аналогичные "подарки" латвийских и эстонских националистов, давали "подарки" Чечня и Ингушетия, потом калмыки и крымские татары.

Официально Советскому Союзу вместе с Германией объявили войну ещё девять европейских государств (Финляндия, Румыния, Венгрия, Италия и др.), но были и те, которые, формально не находясь в состоянии войны с нами, прямо участвовали в войне на стороне Германии. Это было не только промышленное производство нужное для войны Гитлера, но и прямое участие воинскими соединениями.

Известную оценку этому участию дают данные, найденные Ю. Мухиным, по пленным, захваченным нашей армией в ходе боевых действий.

Всего пленных - 3 770 290 человек.

Из них 2 546 242 - немцы, австрийцы; 766 901 - другие страны, объявившие нам войну вместе с Германией; 464 147 - французы, бельгийцы, чехи и другие официально не воевавшие с нами.

А сколько их было убито в сражениях на Восточном фронте Германии, т.е. на нашей земле?

Несколько позже мы возвратимся к этой миссии цивилизованной Европы.

***

Залеживаться было некогда. Рана заживала хорошо, и сероглазый капитан уже знал, что утром 30 сентября он отправится в Брянск в расположение действующих там штабов войск. В госпитале он оформил денежный аттестат матери, а в письме просил быть на местной почте - телеграфе 30-го сентября в 12 часов и ждать его звонка из Сухинич.

Он всё предусмотрел. Не знал он только планов немецкого верховного командования о начале операции "Тайфун" на брянском направлении 30-го сентября.

Перед началом своих больших наступательных операций немцы всегда интенсивно воздействовали авиацией на все основные подъездные пути, задействованные для снабжения атакуемой группы войск. В первую очередь бомбились объекты железной дороги: вокзалы, станции, мосты, движущиеся составы. По Сухиничам, крупному узлу дорог на Брянском направлении, авиация немцев непрерывно наносила бомбо-штурмовые удары. Горели вагоны и поезда, разрушались пути, депо, вокзалы, узлы связи. Поэтому главной задачей управления железнодорожным узлом было побыстрее пропустить воинские эшелоны, особенно с людьми, боеприпасами и горюче-смазочными материалами.

Тот поезд с пополнением для Брянского фронта (так условно назовём) проследовал через Сухиничи без остановки, но не 30-го сентября, а 1-го октября, простояв около суток из-за ремонта разбитой бомбами дороги.

- Очень жаль, что не удалось поговорить с матерью, - думал сероглазый капитан, глядя на сгоревшие вокзалы Сухинич узловых, а потом и Сухинич главных.

Мощный паровоз серии "ФД" дал протяжный гудок у семафора. Белая струя пара, вышедшая из гудка паровоза, некоторое время была ещё различима на фоне чёрного дыма из его трубы как некая самостоятельная сила, но потом ветер разметал её и смешал с чёрным дымом паровозной трубы.

Сухиничи с их бомбёжками и пожарами - суровый эпизод большой и жестокой войны - остались позади, но сама война приближалась к эшелону с каждым поворотом колёс его вагонов. Это было приближение к фронту - центру её проявлений и противоборств с неумолимой жестокостью реализуемых там.

После Сухинич в вагоне стало тихо. Все отчётливо увидели страшный лик войны и её близкую угрозу.

Сероглазый капитан молча подошёл к окну вагона. Из него были видны зелёные перелески, слегка тронутые лёгкой желтизной увядания, поля с бесчисленными крестцами снопов, овражки с яркой зеленью травы. На одном из них, близко к полотну железной дороги, кудрявилась небольшая рябина, густо усеянная ягодами.

Ему вспомнилась такая же рябина на московском бульваре. Там молодые скворцы лакомились её красными ягодами, роняя много ягод на землю. Земля под рябиной была густо усеяна ими. Люди обходили их стороной, не желая наступать на них, похожих на капли крови.

Шла большая и жестокая война, и людская кровь каплями и ручейками вытекала из ран людей, падая на землю. Она была родной и близкой - её было жалко. Она была чужой, вражеской, непрошеной, и её надо было проливать больше, чтобы освободить свою землю и народ от его врагов.

Сероглазый капитан думал, что сок рябиновых ягод на земле вызывает у людей чувство своей, родной крови, такой дорогой и нужной, как сама жизнь. И сам, обходя рябину, старался не наступать на упавшие ягоды.

Его спутница старательно поднимала красивые ноги, обутые в модные туфли, тоже не наступала ни на одну ягоду. А потом, как бы споткнувшись, бросила взгляд в его посуровевшие глаза и, трепетно прижавшись к нему, молча пошла дальше.

Она молчала, но в её голубых глазах вдруг появилось много глубокой синевы, которая тихо, беззвучно говорила: "Я люблю тебя!".

И каждый раз, когда она поднимала свои густо посиневшие глаза, чтобы глядеть ни на что другое, а только в его глаза, их искристые всполохи повторяли эту же мысль: "Я люблю тебя!".

Эта сокровенная мысль полностью и безраздельно завладела её сознанием, охватила и её упругое ласковое тело.

Сероглазый капитан, тогда понял, что она своей любовью поднялась, воспарила над всей суетой жизни, всемогущая богиня любви и красоты, открыто, захватывающе, красиво. И он сказал ей об этом. Он и сейчас увидел её искристые глаза влюблённой богини, вдруг закрывшие леса и поля.

- Да, - думал сероглазый капитан, - великие мудрецы были эти древние греки, если придумали себе богов и героев, как образцы для подражания живым людям. Моя прекрасная богиня и на Олимпе была бы первой!

За окном мелькали перелески, поля, грунтовые дороги, и всё как-то привычно успокаивало своей извечной красотой, а может и обыденностью. И только на станциях маленьких и больших были видны свежие следы бомбёжек.

Паровоз с длинной вереницей вагонов, замаскированных ветками берёз и ёлок, выстукивая на стыках рельсов свои мотивы, мчался вперёд, подбадривая себя весёлыми гудками на въезде и выезде со станций. Уже потихоньку в головы многих пассажиров стала закрадываться крамольная мысль: "Может, и пронесёт" Но это не входило в расчёты немецких стратегов. Пронести не должно. Паровоз начал резко тормозить и подавать частые и короткие гудки тревоги. С хвоста и головы эшелона дробно застучали счетверённые зенитные пулемёты. Раздалась команда: "Воздух!"

Из вагонов ещё не остановившегося поезда по обе стороны дороги густо посыпались солдаты, проворно разбегаясь по полю. Многие укрывались в воронках и путевых кюветах.

С высоты тамбурной площадки своего вагона сероглазый капитан видел бегущих по полю людей группами, часто толпами. Леденящий душу вид падающих бомб ускорял бег людей и увеличивал его бессмысленность.

Сбитые с курса огнём зенитных пулемётов немецкие лётчики бомбили неточно. Бомбы легли по обе стороны от полотна железной дороги на большом расстоянии, не причинив вреда эшелону и дороге. Видимо, немцы не ждали такого сильного зенитного прикрытия цели, но они знали, как решать такие задачи. Развернувшись, они сделали новый заход со стороны солнца на зенитчиков. Сбросив бомбы с пикирования, которые с визгом полетели к земле, устрашая всех необстрелянных близким взрывом, лётчики взяли на прицел зенитный пулемёт на тендере паровоза. Зенитчики не успевали поймать в прицел быстро надвигающуюся цель-самолёт, нервно и невпопад нажимали на гашетки до тех пор, пока не были опрокинуты на блестящий антрацит тендера ливнем пуль, выпущенных с самолёта немцев. Пулемёт умолк.

Из придорожного кювета сероглазый капитан видел эту стандартную драму войны и знал её продолжение. Сейчас самолёты развернутся и теперь уже не со стороны солнца, а с любого направления начнут уничтожать беззащитный эшелон и глумиться над обезумевшими от страха людьми, низко спускаясь к земле и рёвом своих мощных моторов убивать силу воли безоружных солдат, делая из них морально побеждённых людей.

- Надо бежать к пулемёту, - подумал сероглазый капитан, оглядываясь вокруг, ища помощника.

Несколько солдат прятались в соседнем кювете. Одни - уткнувшись в землю головой, закрыв глаза, а то и голову руками, ждали своего смертного часа, сотрясаясь от нервной

дрожи; другие с интересом наблюдали за всем происходящим, как будто соображая, что здесь можно предпринять, сделать полезного.

- Пошли воевать, товарищи. Пулемёт умолк, надо разобраться! Кто со мной?!

Самолёты улетели от эшелона с набором высоты для нового разворота на цель.

Спокойные слова сероглазого капитана, сказанные им, когда он отряхивал землю с гимнастёрки и брюк на краю кювета, успокаивающе подействовали на окружающую толпу испуганных и перепуганных людей.

- Значит, есть в этой смертопляске полезная работа, которая способна защитить людей, - думали те, кто не прятал голову, старясь разрыть ею твёрдую землю кювета. Такие поднимались из кювета и, по привычке отряхиваясь, бежали за сероглазым капитаном.

На тендере паровоза, на искрящихся кусках антрацита, поливая его кровью свежих ран, были брошены внезапной смертью тела двух девушек зенитчиц. Третья, пытаясь помочь подружкам, волоча раненую ногу, тормошила их ещё тёплые тела, надеясь услышать их голос.

- Быстро, санитары сюда! - Не то крикнул, не то приказал сероглазый капитан.

По эшелону пронеслось:

- Санитары к паровозу! И уже где-то среди кустов и воронок появилась проворная фигура с толстой зелёной сумкой с красным крестом и устремила к паровозу.

Сероглазый капитан быстро осмотрел пулемёт. Рядом с ним суетились два солдата, заменявшие одну из лент, повреждённую пулями немецких лётчиков. Покрутив тяжёлую турель пулемёта в разные стороны и оглядев своих помощников, сероглазый капитан спросил:

- Расчёт к бою готов?

- Готов, товарищ капитан!

- Тогда к бою, ребята. Вон они уже прицеливаются к паровозу.

Осиротевший счетверённый зенитный пулемёт, послушный твёрдой руке капитана, двинулся, ища своими дулами вражеский самолёт, который без опаски ложился на боевой курс, чтобы одной-двумя бомбами разбить паровоз, а уже потом не спеша заняться развлечением - убийством.

Малые секунды капитан принаравливался к манёвру самолёта врага, держа его в перекрестии прицела, а когда самолёт свалился в пикирование, счетверённый зенитный пулемёт, руководимый твёрдой рукой нового наводчика, бросил навстречу врагу струи острых быстрых пуль, которые своими огненными жалами вонзались и вонзались в самолёт немцев.

В какой-то момент самолёт слегка дёрнулся, изменяя курс, а потом почти отвесно полетел вниз с жидкой струйкой чёрного дыма, и там, где та струйка коснулась земли, вырос большой чёрный клуб дыма с оглушительным взрывом разбросавший на многие десятки метров куски металла, бывшие когда-то грозной боевой машиной врага, вместе с телами его хозяев.

Капитан перестал стрелять и, привстав на цыпочки, взглядом проводил сбитый им самолёт до земли.

Взрыв упавшего самолёта ободрил людей. На тендер взобрался перепачканный землёй старший лейтенант выправкой кадрового военного и сержант с малиновыми петлицами пехоты, в которых гордо поблескивали по три рубиновых треугольника.

- Молодец, капитан, - похвалил он сероглазого капитана, - хорошая работа. Угомони-ка теперь второго, видишь, опять пошёл пикировать.

- Есть угомонить, - сказал капитан и начал вращать тяжёлую турель пулемёта навстречу новому самолёту.

Не отрываясь от прицела, капитан сказал:

- Лейтенант, смотри за лентами.

И опять, стиснув зубы до желваков на скулах, начал ловить в прицел, быстро увеличивающийся силуэт вражеского самолёта.

- Капитан, ставь заградительный огонь! Сбивай его с курса!

- Не надо. Это покажет ему наше место. Мы его так возьмём, когда он пониже спустится, - продолжая держать в прицеле самолёт, спокойно ответил капитан.

Этот немец, напуганный потерей ведущего, вёл себя беспокойно. Пикируя, он сразу открыл огонь из пулемётов и пушки и сбросил сразу весь запас бомб, а наткнувшись на прицельный огонь пулемёта, резко и сразу отвернул с курса.

Блестящий антрацит тендера всё полнее покрывался слоем гильз. Безнаказанный разбой гитлеровских пилотов не получился. А когда, наконец, заговорил пулемёт с хвостовой платформы и ещё один самолёт, беспорядочно кувыряясь, врезался в землю, налёт окончился. На полустанке стало тихо. Острее ударил в нос запах гари, порохового дыма и развороченной бомбами земли.

- Лейтенант, - сказал капитан, - собирай людей, - он указал рукой на эшелон и, вытирая пот с лица, устало опустился на полку платформы.

Лейтенант, махнув рукой сержанту, быстро вскочил на крышу первого вагона и звонким юношеским голосом закричал: "По вагонам!" \

Сержант вскочил следом за ним и тоже пропел: "По вагонам!"

Из кустов, канав, воронок начали подниматься люди и ленивой трусцой утомлённых людей засеменяли к эшелону.

- Забрать оружие и личные вещи! Построиться на опушке леса, справа от станции, - последовала чёткая команда.

Пополнение потянулось к указанной опушке леса.

- Тебя как зовут? - обратился капитан к солдату, с которым прибежал к пулемёту.

- Василий я.

- Хорошо, Вася, воевал, молодец, не трусил.

- А что мне трусить, товарищ капитан, ведь война идёт. Тут трусить нельзя. Вы-то вот, комиссар, а за пулемёт ухватились, как будто всю жизнь из него стреляли. Глядя на вас, и люди перестали бояться, - указал он кивком головы на поле, по которому теперь спокойно двигались солдаты.

- Ладно, а то у нас получается как в басне о петухе и кукушке. Вы здесь останетесь вдвоём, подготовите пулемёт к бою. Помощь сейчас пришлю. До дальнейших указаний ты, Вася, будешь здесь старшим.

- Есть, товарищ комиссар, - отрапортовал солдат.

На опушке леса уже начала вырисовываться колонна выстроившихся войск.

Старший лейтенант со своим помощником сержантом, неотлучно находившимся при нём, без суеты и споро сколачивал строй. Слышались команды - "равняйся", "смирно", "шагом марш", "стой". На правом фланге отдельной группой выстроился комсостав.

Деятельность старшего лейтенанта была так стремительна и чётка, что никто из бывших здесь командиров не усомнился ни на секунду, что он - представитель высшего командования, которое знало, что делать.

А когда показалась ладная фигура комиссара, старший лейтенант, оправив гимнастёрку и фуражку по-уставному, звонко пропел - "Равняйся! Смирно! Равнение на середину", - и, повернувшись к капитану, строевым шагом пошёл навстречу к этому умному смелому человеку, избавившему большой отряд солдат от бессмысленных и не отомщенных жертв.

Он вкладывал в свой строевой шаг всё своё глубокое уважение к командиру, деловыми и единственно правильными действиями которого он восхищался даже во время трудного боя с самолётами врага, когда тот вынудил, заставил их от - ступить, не выполнить поставленную задачу и двух стервятников вогнал в землю.

Это он своими активными действиями из пополнения уже создавал, укрепившуюся морально войсковую часть... И куда бы ни попали потом эти солдаты, виденный ими пример умелого боя и мужества укрепит их дух в долгих буднях войны.

Приняв рапорт, комиссар сказал: "Вольно!"

Старший лейтенант повторил команду капитана, и тут он заметил звезду на его рукаве.

Остановившись перед строем, комиссар сказал, оглядев не очень строгие ряды воинов:

- Товарищи, наша победа в этой войне - дело каждого из нас, и она придёт тем быстрее, чем больше могил фашистов мы сделаем. Истреблять их везде и всеми способами - наш долг. К его выполнению нас призвали наш народ и партия. Фашисты пытаются помешать нам прибыть на станцию назначения. Хотя два самолёта мы сбили, но путь впереди разрушен, связь прервана. Нашу боевую задачу мы должны выполнить. Надо восстановить путь и связь, организовать охрану станции и эшелона, похоронить погибших товарищей и как можно быстрее прибыть на место.

Комсостав прошу ко мне!

Комиссар быстрым шагом пошёл навстречу группе командиров. Поздоровавшись, он спросил:

- Есть ли среди вас начальник эшелона?

- Кажется, он убит во время налёта, - сказал кто-то из группы.

- Товарищи командиры, находясь в прифронтовой полосе в условиях воздействия авиации противника, возможно, диверсионных групп и десанта, мы должны оформиться как войсковая часть.

Предлагаю старшему по званию принять командование.

Из толпы вышел майор средних лет. На чёрных петлицах артиллериста алели две рубиновые шпалы.

- Товарищ майор, представьтесь, пожалуйста, командирам!

Майор не имел фронтового опыта, был ранен во время авиационного налёта и теперь после излечения получил назначение на должность командира артиллерийского полка на Брянском фронте. Однако опыт командования частью имел.

Майор оглядел присутствующих и сказал:

- Комиссар у нас есть, - он выразительно взглянул на сероглазого капитана со звездой на рукаве, - нужен начальник штаба. Есть ли, товарищи, среди вас штабной работник? - Из группы вышел капитан.

Капитан имел опыт штабной работы и получил указание взять 3-х офицеров для штаба.

Разделение эшелона на подразделения завершалось быстро и без суеты.

Многообразный аппарат полка пришёл в движение, создавая целесообразность в действиях людей. Каждый знал, что ему делать, но командование вновь созданной части такой ясности не имело.

Вечерело. Надвигались сумерки короткого погожего осеннего дня. Новая воинская часть начинала свою жизнь. Задымили походные кухни, своим дымом объединяя и сплачивая разных людей в солдатский коллектив. Ушла разведка. Дозоры расположились в указанных местах, охраняя часть от неожиданностей военного прифронтового быта. В классном вагоне при слабом свете керосиновой лампы штаб новой воинской части искал наилучшие пути решения своего воинского долга. Эта задача оказалась со многими неизвестными.

***

В это же время Генеральный штаб в Москве решал сходную задачу. Из доклада командующего Брянским фронтом генерала Ерёменко ему было известно, что бронетанковые части Гудериана прорвали фронт на участке 13-й армии и группы генерала Ермакова 30-го сентября и в 13.00 1-го октября взяли город Севск, отстоявший от фронта на расстоянии 40 километров. Из Севска 47-й танковый корпус немцев двинулся на Брянск, а 24-й танковый корпус немцев двинулся на Орёл, отстоявший от Севска на 250 км. Без сопротивления немцы преодолели это расстояние и 3-го октября уже были в Орле. Свалились, как снег на голову. В городе работали магазины, городской транспорт, фабрики и заводы, в том числе и те, где делали и разливали по бутылкам жидкость "КС", которой наши солдаты жгли немецкие танки.

47-й немецкий танковый корпус, сбивая слабые заграждения по дороге из Севска на Брянск, пройдя около 200 км, уже 2-го октября разгромил штаб фронта у станции Свень и взял Брянск 6-го октября. Так действовала группа войск немцев, охватывая с юга Брянский фронт.

С севера немецкая группа войск свои действия начала 2-го октября. Она прорвала фронт на стыке 50-й армии и Резервного фронта и 6 октября также была в Брянске.

Таким образом, был окружён весь Брянский фронт протяжённостью около 300 км в составе 13-й, 21-й и 50-й армий практически двумя танковыми корпусами немцев.

В сущности этих тактических действий немецкого командования лежал стратегический план "Тайфун" по окружению и взятию Москвы. Роль группы армий Гудериана сводилась к охвату Москвы с юга и востока. В этом случае сдача Орла без боя была большим подарком Гудериану. Она сокращала путь до Москвы на 300 километров.

Московский Генеральный штаб не имел сил, чтобы закрыть эту брешь, но зато имел под рукой генерала Дмитрия Даниловича Лелюшенко.

Один генерал, особенно если он талантливый, может сделать на войне очень много.

По приказу Генштаба, свой корпус он должен был сформировать на месте в г. Мценске, лежащем на дороге из Орла в Тулу.

Для начала ему подчинили мотоциклетный полк полковника Танасчихина (150 мотоциклов) и тульское артиллерийское училище с теми пушками, которые у него были в качестве наглядных пособий для курсантов.

Днём 3-го октября Д.Д. Лелюшенко прибыл в г. Мценск (50 км от Орла по дороге на Тулу), где и расположил свой штаб.

Штаб начал действовать без промедления.

***

Над железнодорожным полотном, линиями связи, над станцией появился высоко в небе немецкий самолёт-разведчик "рама". Прозвучала команда: "Воздух!" Люди, прекратив работы, поспешно укрывались, применяясь к местности. Пулемёты молчали. Знали новые расчёты, что стрелять в хорошо бронированный самолёт-разведчик врага на большой высоте - значит только до поры демаскировать огневые точки.

Полетав минут пять над станцией, разведчик улетел, но вскоре донёсся мощный гул новой партии бомбардировщиков. И опять, как и раньше, началось жестокое сражение шести бомбардировщиков врага с двумя расчётами зенитных пулемётов.

Защитив установки мешками с песком, замаскировав эшелон ветками и молодыми деревцами, воинская часть сделала пулемёты невидимыми для вражеских лётчиков. А расчёты пулемётов, руководимые лейтенантом, посланным комиссаром к пулемёту на хвостовую платформу, умелыми действиями сбивали с курса самолёты врага, не давая вести прицельное бомбометание.

К концу налёта им удалось сбить один самолёт. Два лётчика выбросились из горящего самолёта на парашютах. Группа, посланная на поимку лётчиков, вскоре привела одного из них и принесла документы второго, убитого в короткой перестрелке.

Средних лет немецкий лётчик в чине капитана вначале отказался отвечать, произнеся угрозы в адрес сидевших перед ним командиров, внимательно рассматривавших его документы и карту.

Комиссар, пошептавшись с командиром, подошёл к пленному лётчику.

- Вы, надеюсь, понимаете, что ваша жизнь находится в наших руках. Мы её вам сохраним, если вы ответите на все интересующие нас вопросы. В противном случае расстреляем.

Немец побледнел, на его лбу выступили большие капли пота.

- Дайте ему воды, - сказал комиссар одному из конвоиров.

Немец большими глотками выпил кружку воды.

Потом, глядя в серые суровые глаза комиссара, спросил:

- Не может ли командование части, сохраняя мне жизнь, имитировать мой побег из плена?

Комиссар молча кивнул головой.

Из допроса выяснилось, что сегодня уже третий день, как началось новое мощное наступление на Москву.

- До наступления холодов фюрер приказал взять Москву! - сказал пленный лётчик, опасливо косясь на сероглазого русского офицера со звездой на рукаве. Об этом он узнал из приказа командира части, зачитанного 29-го сентября.

Немец показал на карте конфигурацию фронта, виденную им во время полётов вчера и сегодня. Сказал также, что налётами авиации железная дорога выведена из строя на большом участке вокруг их станции.

Начальник штаба тщательно нанёс обстановку на трофейную карту.

Вечерело. Штаб и командование части обсуждали сложившуюся обстановку. Если она такая, как показал пленный, то часть надо вооружать и вводить в бой. Но где базы? Никто не знал. Но в любом случае, сведения, полученные от пленного, должны быть проверены.

Ждали разведку, посланную на соседнюю станцию и в ближайшие деревни, чтобы по местным линиям связи проверить обстановку.

Пленный лётчик говорил правду - разведка подтвердила прямо и косвенно его сведения.

После небольших споров пленного отпустили, выведя из расположения части. Комиссар по поводу этого решения сказал:

- Не слабость, а силу показываем мы врагу. Он деморализован, а такой воин ослабляет армию врага.

Обстановка теперь прояснилась. Находясь в 50 км от линии фронта, безоружное пополнение оказалось на направлении главного удара противника, прорвавшего оборону и вышедшего на оперативный простор.

Было решено идти на восток в направлении г. Белёв, где по разным предположениям должен быть гарнизон и базы снабжения.

Выступать решили сразу после короткого митинга в подразделениях, где требовалось объяснить солдатам обстановку и ближайшую задачу.

К ночному маршу шла деятельная и активная подготовка. По намеченному маршруту был выслан взвод с тремя командирами с задачей выставить маяки на перекрестках дорог и раздобыть в ближайших колхозах подводы и хотя бы несколько верховых лошадей.

Командир и штаб ушли с первым батальоном, за ними ушли в надвигающиеся сумерки остальные. Комиссар, старший лейтенант и сержант, помогавшие комиссару в отражении налёта на эшелон фашистских самолётов и расчёты зенитных пулемётов, составляли группу прикрытия. Больше вооружить было нечем. К ним вскоре подошли три парных подводы. Обходя покинутый эшелон, солдаты группы прикрытия нашли в купе разбитого вагона начальника эшелона ящик гранат и ручной пулемёт. Находке обрадовались как неожиданному подарку.

Как вооружаться, думали все. Зенитчики сняли с установки два пулемёта, перенесли на подводы коробки с лентами. Подожгли вагоны, бросили в топку паровоза связку гранат и двинулись вслед за ушедшей частью просёлочной дорогой, бежавшей под взошедшей луной среди поблескивающей стерни недавно убранного поля.

Приглушённая дневными звуками артиллерийская канонада теперь прослушивалась отчётливо. С пригорков виднелось зарево пожаров и сполохи от артиллерийских выстрелов и взрывов снарядов.

Здесь, среди безмятежного покоя убранного поля, под приглушённый стук колёс о пыль наезженной грунтовой дороги комиссар лихорадочно думал, как уберечь безоружных людей от истребления.

Мерное мягкое покачивание телеги на ухабах, тишина и незлобные сполохи от разрывов снарядов, утративших из-за расстояния свою убийственную, гнетущую силу невольно уводили его мысли в недалёкое прошлое.

Всего три дня назад он своей милой голубоглазой землячке говорил дружеские ласковые слова. В её тесной маленькой комнате им было беспредельно хорошо и уютно. С этой девушкой их связывала давняя проверенная дружба, которая тихо и властно перерастала

в глубокое взаимопонимание и самоотверженную нежность. Она ещё не понимала всей сущности жуткого слова "война", которая маскировалась печатью непонятным термином "действующая армия", и в газетах писалось только о победах N-ских частей на угрожающе часто менявшихся направлениях. Сначала об этих победах писали на минском направлении, потом - на Бобруйском и Гомельском, теперь газеты пишут о смоленском, ржевском и Брянском.

Уже в первые недели войны люди стали понимать этот мудрый язык газет. Если появилось в газетах, например, минское направление, значит г. Минск оставлен нашими войсками. И эти новые направления приобретали всё более отчётливый подмосковный характер.

Он много говорил ей о виденном и выстраданном им уже в первые месяцы войны, а она, глядя на его посуровевшее лицо беспредельно преданными глазами, беспрестанно повторяла:

- Ну, как же так?! Где же наши самолёты, танки, пушки?! Ведь Чкалов ещё когда летал в Америку через северный полюс?! Почему же нет этих самолётов?!

И только потом, когда призвут в армию октябрьскими холодными днями профессоров и студентов МГУ рядовыми солдатами, а продовольственные пайки упадут ниже уровня "еле-еле", перестанут подавать в квартиру тёплую воду, газ на кухне перестанет зажигаться, а электрические лампочки будут гореть тускло-тускло, она поймёт, слушая визг бомб врага и частый грохот зениток, жуткую реальность войны. А теперь, качаясь на крестьянской подводе, он вспоминал о ней, о её влажно блестящих глазах, о нежных бессмысленных словах её о том, чтобы он берёг себя, почаще писал и чтобы, ни дай бог, не позабыл о ней.

Оклик маяка: "Стой! Кто идёт!" - отвлек его от воспоминаний.

Солдата посадили на переднюю подводу и двинулись дальше.

- Лейтенант, - спросил комиссар, как тебя зовут?

- Александром Петровичем зовут меня, товарищ комиссар.

- Александр Петрович, а что мы с тобой будем делать, если нас догонит немец? И когда их следует ждать?

- Немцы сейчас от нас на расстоянии примерно 20 километров, - начал старший лейтенант, - за ночь наши уйдут на 30-35 километров, т. е. не дойдут до Белёва километров 20- 25. Днём авиация немцев не даёт возможности двигаться. Значит, им нужна ещё хотя бы одна ночь.

Теперь о немцах. Без противодействия мотопехота немцев будет двигаться со скоростью 15-20 километров в час. То есть в Белёве они будут к вечеру, а нашу часть догонят в 13-14 часов по московскому времени. Ночью они не воюют, значит, задержать их надо до темноты, т. е. на 5-6 часов.

Теперь о противодействии. Командование наших частей должно знать о прорыве и, наверное, принимает меры к его ликвидации. За ночь можно вполне подготовить контрудар во фланг прорвавшейся группировке. И если контрудар будет иметь успех, то мы спокойно придём в Козельск, если нет, то сдерживать немцев нам придётся не 5-6 часов, а меньше. При наших возможностях это можно сделать только путём засад, в основном противотанкового характера. Таким образом, как только выедем на большак, надо начинать искать удобные позиции. По большаку пойдут их основные колонны, и к 12-13 часам таких засадных позиций нам надо иметь, как минимум, две.

Старший лейтенант умолк, а потом спросил:

- А что думает комиссар?

- Рассчитал и рассуждаешь ты, Александр Петрович, верно. Я согласен с тобой, только не понятно, как ты засадами из 10 человек заставишь немцев развернуть главные силы, чтобы дело дошло до артиллерии и авиации? Именно такой бой требует времени. На эту тему мы ещё должны хорошо подумать.

А для начала на большаке надо поставить заградотряд и достать хотя бы несколько машин. Неплохо было бы обзавестись батареей 76-миллиметровых пушек и ротой

пулемётов. Ну хотя бы стрелковый взвод нам нужен до зарезу. Время у нас мало, поэтому рысью на большак.

***

К полуночи, обогнав колонну и рассказав командиру части о своих намерениях, отряд прикрытия вышел на большак. Вскоре вышли туда же и колонны части.

По большаку проносились с притушенными фарами редкие машины. Одну роту первого батальона удалось погрузить в машины и вместе с командиром батальона отправить в Козельск за оружием и для связи с высшим командованием. Две полуторки командир оставил в своём отряде.

Сведения о немцах в основном подтверждались часто путанными и обрывочными рассказами.

- Александр Петрович, - обратился комиссар к старшему лейтенанту, - бери людей, машину и оборудуй позицию для засады. С выбором места не торопись. Для нас это будет Куликовым полем.

- Как определишься, дай знать. Пришли связного на машине. Я остаюсь здесь. Буду собирать подкрепление и действовать по обстановке.

- Вопросы есть?

Вопросов у старшего лейтенанта не было. Заурчал мотор машины, раздалась негромкая команда, и машина с потушенными фарами ушла за ушедшей частью.

На большаке, служившем артерией снабжения большой группы войск фронта, в эту тревожную лунную ночь хорошо были видны свежие следы налётов вражеской авиации. Среди многочисленных воронок от взрывов бомб, темневших на дороге и её обочинах, часто попадались обгоревшие остовы машин, трупы лошадей, повозки. В одном месте, рядом с обочиной, лежали кем-то брошенные понтоны - большие плоские лодки, как будто какой-то могучий смерч поднял их из водной стихии и выбросил здесь в этом сухопутном месте. А когда большак вынырнул из небольшого перелеска и через пологий взгорок устремился к темневшему вдаль лесу, картина безнаказанного разбоя фашистской авиации приобрела наиболее гнетущий характер.

На колонну, медленно двигавшуюся среди разбитой бомбами дороги, не прикрытую зенитными средствами, видимо, накинута большая группа вражеских самолётов и штурмовала её до тех пор, пока не кончились боеприпасы.

- Сюда бы нашего комиссара с зенитным пулемётом, не было бы этого жуткого побоища, - подумал старший лейтенант, оглядывая это кладбище бывшего военного имущества. Потом, как будто что-то вспомнив, дробно застучал по брезентовой крыше кабины полуторки.

- Стоп, машина, - сказал он, - на этом поле скорби и печали будем искать оружие возмездия: танки, пушки, пулемёты, винтовки и всё другое, что может пригодиться для истребления фашистов. А ты, мотопехота, пошарь среди автотехники. Здесь, - он указал на поле, - кроме немцев работала ещё на них паника и неорганизованность. И кто больше вреда принёс: немцы или паника - сразу сказать трудно. Я думаю, что паника. Машину отгони метров на 300 вперёд, - добавил он, - легко перепрыгивая через борт машины.

Солдаты, как тени, двинулись по этому молчавшему скорбному полю, и вскоре послышались за их негромким говором скрип железа, глухие удары и отдельные возгласы.

Старший лейтенант не спеша шёл вдоль дороги, время от времени подходя к брошенным машинам или двуколкам.

Находки начались с сухарей и консервов. Видимо, есть у солдат на этот счёт особый нюх. Потом были патроны в цинковых коробках, несколько винтовок и целая повозка противотанковых мин в деревянных ящиках, тускло зеленевших среди примятой переросшей травы. Первые успехи повысили энтузиазм солдат.

Наконец из поля разнёсся радостный крик:

- Товарищ, старший лейтенант, я, кажется, пушку нашёл!

- Что значит - кажется? - отозвался старший лейтенант. - Ты что, пушку от телеги отличить не умеешь?! - а сам почти бегом кинулся к кричавшему солдату.

Это была действительно 76-миллиметровая пушка, въехавшая в воронку и прикрытая невесть откуда взявшейся телегой. Трупы лошадей в перепутанной сбруе были рядом. Обойдя находку, старший лейтенант сказал двум находившимся рядом солдатам:

- Давайте-ка, ребята, уберём отсюда этот тарантас.

Телегу убрали. Целёхонькая новая пушка и передок с боеприпасом были в полной сохранности. Потеряв лошадей, уцелевший расчёт, наверное, припрятал орудие до прихода тягача. Целых пушек нашлось четыре. Видимо, батарея полностью попала под удар авиации и перепуганные лошади, тащившие их, стали лёгкой добычей самолётов врага. Ближе к лесу солдаты нашли броневик, близким взрывом брошенный на бок. Подоспевшие колонны части, рассредоточившись, начали новый поиск. Пушки под присмотром майора вывезли на дорогу. Как-то особенно оживившись, он хлопотал вокруг них, осматривая и проверяя их механизмы. Теперь он знал, что отряд прикрытия приобретал оружие, способное отбить и наступление танков. Поставили на колёса и выкатили на дорогу броневик. Принесли с разбитой машины аккумулятор, залили в радиатор воду. Шофёр полуторки, сопя и чертыхаясь, возился с двигателем и, наконец, усевшись на водительское кресло, включил стартёр. Двигатель чихнул раз, другой, а потом, как будто вспомнив своё назначение, заработал ровно и уверенно, легко отзываясь на нажатие акселератора.

Похлопав по зелёному бронированному телу броневика, шофёр обошёл его и сказал как будто сам себе:

- Ну, теперь мы с тобой повоюем.

И начал откуда-то взявшейся тряпочкой протирать фары.

Подошедший к броневнику старший лейтенант с майором-артиллеристом сказал, обращаясь к нему:

- Вот у нас и бронетанковые силы появились.

Поле помогло вооружить около полусотни человек стрелковым оружием.

Найденные майором артиллеристы осматривали орудия и боекомплект, сапёры грузили мины в полуторку.

Броневик с укомплектованным экипажем отправили для связи с группой комиссара.

Будучи без оружия, люди пополнения, найдя винтовку или гранату, никак не хотели с ней расставаться. А комплектованием экипажа броневика майору пришлось заниматься самому - слишком много было желающих на эти вакансии.

Часть двинулась дальше. Майор со старшим лейтенантом и сапёрами двинулись вперёд для поиска места засады. Проехав километров пять по лесу, майор вдруг сказал:

- Надо поворачивать назад, тут условия для артиллерии плохие. Оборону надо занимать по опушке леса у поля, где был налёт авиации на колонну. Обойти нас немцам будет трудно, потому что лес этот, как видно, большой. А это позволит, поставив мины и одно кочующее орудие, обеспечить нормальный отход группы прикрытия на новый рубеж, здорово задержав их на поле, заставив развернуть главные силы.

- А запасная позиция будет вот здесь, - сказал старший лейтенант, когда машина, проехав деревянный мостик, натужно гудя двигателем, стала подниматься на взгорок. Да и драпать не так далеко надо. А здесь и без пушек можно воевать, - продолжал он, оглядываясь вокруг.

На взгорке машину остановили. Осмотрели место возможной засады. Оно действительно оказалось удобным.

У обороняющихся был крутой поросший лесом берег речушки. Со стороны немцев пойма речушки была болотистой и открытой, а дорога проходила по насыпи узкой лентой.

- Быть по сему, - сказал майор, - место действительно подходящее. В общем, лейтенант, не место людей красит.

- Вас понял, товарищ майор. Не красна изба углами, а красна пирогами.

- Вот-вот, пироги-то и надо готовить, да такие горячие, чтобы пока они будут дуть на них, - майор указал рукой на запад, - мы сумеем вооружить часть.

Майор со старшим лейтенантом указали сапёрам места минирования дороги и моста. Мины решили поставить на узком участке дороги перед мостом, а также на взгорке после моста на случай, если удастся немцам проскочить первый, слабо минированный участок.

Здесь оставили сапёров с рассчитанным запасом мин. Майор указал их командиру места, где надо оборудовать позиции для пулемётных гнёзд и окопы для стрелков.

Двух сапёров он посадил с собой в машину, и они поехали назад, к полю пока ещё не отомщённых потерь, чтобы там задержать и приостановить вал вражеского нашествия, выиграть время и уже большей силой нанести новый удар. И заставить врага попятиться, поливая своей кровью нашу землю, потерять преимущество выхода на оперативный простор - сбить темп наступления.

***

На большаке и без того жидкий поток машин постепенно иссяк вовсе. Комиссару удалось собрать около двух-трёх десятков солдат из охраны моста и какого-то небольшого армейского склада и тыловой ремонтной базы.

Опрос этих групп солдат дал более чёткую картину места нахождения немцев, хотя их силы остались невыясненными.

Комиссар уже подумывал снять свой заслон, когда подъехал броневик, посланный майором для связи. Вести, привезённые связными, были радостными. Осмотрев броневик, состояние его вооружения и боезапаса, комиссар подумал, что было бы неплохо совершить на нём хотя бы небольшую разведку с целью уточнения расположения немцев и их численности.

У него постепенно созрел план этой операции.

- Ну что, лейтенант, - обратился он к командиру экипажа броневика, - прокатимся до немцев, попортим им сладкие сны?

- Есть прокатиться, есть попортить им сладкие сны! - весело отрапортовал лейтенант.

- Готовь, лейтенант, машину к бою, я сейчас подойду.

Лейтенант, козырнув по-уставному, быстро нырнул в открытую дверь броневика.

Комиссар отправил собранное пополнение на грузовике. С ним уехал один из пулемётчиков эшелона с приказом передать пополнение старшему лейтенанту и вернуться на старое место как можно быстрее.

- Василь! - позвал комиссар одного из солдат, кучкой сидевших и лежавших на обочине большака. - Сколько у твоей дружины гранат?

- Десятка полтора будет, - ответил солдат.

- Лейтенант, а у тебя сколько гранат? - спросил он командира броневика, подошедшего с рапортом о готовности машины к бою.

- Одна противотанковая.

- Вася, десять гранат отнеси в броневик. Мы поедем посмотреть на немцев. Тут ожидать их резона нет. Как придёт грузовик, погрузишься на него с 3-4 солдатами, возьмёшь ручной пулемёт и поедешь к нам навстречу. По дороге проедешь километров десять, развернёшь машину, пулемёт изобразишь к бою и будешь ждать нас. Если в течение трёх часов нас не будет, поедешь назад, найдёшь старшего лейтенанта и поступишь в его распоряжение. Ребята у тебя надёжные? - продолжал он.

- Хорошие ребята, товарищ комиссар.

- Ну, тогда действуй.

- Есть!

Комиссар сел в броневик.

- Товарищ комиссар, а может, мы одни в гости к немцам съездим? - вдруг спросил лейтенант. Его дружно поддержал шофёр и заряжающий.

- Нет, ребята, эту работу мы выполним вместе. Я уже с ними близко встречался и не раз. Знаю их повадки. Так что вперёд без суеты и страха.

В первой деревне, слабо освещённой заходящей луной, народ не спал, тревожно ожидая указаний, кроме: "Паники не разводите!"

У дома в центре деревни с большими освещёнными окнами комиссар велел остановить машину. Он вошёл в дом. Женщины и пожилые мужчины толпились в большой комнате, слабо освещённой одной керосиновой лампой, висящей над столом председателя.

- Здравствуйте, товарищи. Что не спите?

Заговорили сразу все.

- Как спать?! Говорят немцы подходят, а нас утешают:

- Паники не разводите! И вы, военные, всё шли на фронт - и как в пропасть! Наших нет, и сразу немцы! Как же это понимать?

Комиссар помолчал, слушая горькие рассказы колхозников, потом лёгким движением руки попросил его послушать.

- Товарищи, случилась большая беда, - сказал он, - немцы прорвали фронт, оттеснив наши войска влево и вправо от места прорыва. В эту брешь устремились их части, стремясь как можно дальше углубиться на нашу территорию. Они будут также стремиться окружить наши войска, используя прорыв.

Комиссар показал двумя руками это стремление врага.

- У вас немцы будут, - продолжал он, - не позже сегодняшнего утра. Всё, что имеет колхоз, эвакуировать вы уже не сможете. Поэтому хлеб, коров, лошадей надо раздать колхозникам, и немедленно. Отгоним немцев - потом соберёте снова. Это мой вам совет, человека военного, знающего обстановку и коммуниста. Мосты на большаке надо уничтожить. - Потом помолчал, как будто собираясь перевести дыхание и уже тише: - Через два часа, начиная с этого момента, или сразу, как мы проедем обратно. Нарочными оповестите соседей.

В комнате воцарилась гробовая тишина. Потом где-то в уголке какая-то женщина начала потихоньку всхлипывать и вдруг, не выдержав, завывала в голос:

- Милые вы мои! Как же мы без вас?.. Пропадём, малых детушек не сохраним, растеряем. - На неё зашумели.

- Вы председатель? - спросил комиссар у пожилого мужчины, сидящего за столом.

Тот согласно кивнул головой.

Комиссар подробно расспросил у него о дороге в сторону Брянска.

- Теперь, отец, действуй без паники и порасторопней. Будь здоров! Ждите нас через пару часов.

Он ушёл, уверенный и смелый, вселив в людей надежду и указав путь действий в этой сложной обстановке.

Следующая деревня по большаку была на другой стороне обширного леса. По предположению комиссара, в ней и располагалась передовая немецкая часть.

Преодолев небольшое поле, дорога пошла под уклон. Вековые сосны берегли её направление - летом укрывая путника прохладой своих теней, а выюжной зимой, чтобы не сбилась уставшая лошадка с торной дороги, проложенной веками в этой давно обжитой русскими людьми земли. А уже завтра по ней пройдёт кованный сапог поработителя, не раз стихийным бедствием накатывающийся на эти обширные благодатные земли. Но могучая и суровая десница народа безжалостно крушила чёрные замыслы агрессора. Смертельно раненым зверем всегда уползал он отсюда в своё логово, пятная путь бесчисленными трупами солдат своей армии. Эти жертвы - жалкие в своей участи, всегда вызвали скупую слезу добрых наших матерей.

- У них ведь тоже есть свои матери, - думали они, украдкой смахнув уголком чёрного платка, так и не снимаемого за всю войну, одинокую горькую слезу матери за бесследно исчезнувшего сына.

А он лежит здесь в чужой земле, непрошенный гость, напоивший своей кровью частичку необъятной земли, которая потом породит здесь всходы более высокой и более зелёной ржи или овса, да и то всего лишь один раз. И закопают его в землю не из сострадания, а как падаль, отравляющую зловонием благодатный воздух здешних мест. Таков удел всех поработителей в конечном итоге.

Спустившись в низину, броневик переехал деревянный мост через небольшую речку, блеснувший в темноте свежими перилами, и устремился на подъём, углубляясь в лес.

Ёлки, плотной стеной подошедшие к дороге, усилили темноту, и временами водитель включал свет, чтобы на короткий момент определиться с состоянием дороги. К счастью, дорога здесь не была повреждена бомбёжкой, и броневик быстро преодолевал расстояние,

приближаясь к врагу. Почти на выезде из леса на дорогу метнулась тень человека с поднятой рукой. В узком пучке света фар стоял человек в милицейской форме. Шофёр резко затормозил машину и, высунувшись в люк, спросил:

- Тебя что, начальство, подвезти? Или, может, я еду не по правилам?
- Куда разогнался? Там же немцы!
- А ты их видел? - спросил шофёр.
- Не то, что видел, а одного даже кокнул, - сказал он, похлопав себя по кобуре и

подходя к двери водителя.

- И давно ты оттуда?
- Часа три назад.
- Что, так три часа и бежишь, или останавливался передохнуть?
- Тут до деревни-то и километра не будет, что бежишь... - с обидой сказал

милиционер.

- Что ты в этой деревне делал? - спросил комиссар.

- Я здесь участковый.

- Участковый... - протянул комиссар. - Так, так. Очень хорошо.

Из дальнейшего разговора с участковым выяснилось, что он знает, где немцы выставили охранение, где расположилась основная масса солдат. По его оценке, в деревне сотни две - две с половиной солдат и три танка. Солдаты на грузовиках и часть из них на мотоциклах.

После короткого обсуждения сошлись на одном. Комиссар, милиционер и заряжающий из экипажа броневика проберутся в деревню и забросают гранатами школу, где много солдат, а также дома, где расположились офицеры и танкисты. Благо, что все они оказались рядом. Броневик будет ждать их на опушке леса и при необходимости прикроет огнём.

В предутренних сумерках трое ушли к деревне через убранное поле. У огородов остановились и, осмотревшись, двинулись, держась поближе к кустам смородины, густо посаженных хозяином вдоль забора.

Подойдя к школе, стали высматривать часового. Прислонившийся к развесистому дереву, он был почти не виден. Наконец, чиркнув зажигалкой, он обнаружил себя. Прикрыв рукой слабый огонёк зажигалки, он стал прикуривать. Комиссар в три прыжка оказался рядом и расчётливым ударом рукоятки пистолета оглушил его.

Придержав падающее тело часового, он для верности нанёс ещё один удар. Снял с трупа автомат и запасные магазины, подал сигнал своим спутникам. Те бесшумно приблизились к нему. Осмотрелись. Танки стояли рядом со школой.

- Хорошо бы их спалить, но нужен бензин, - сказал комиссар.

- Сейчас поищем.

Канистра с бензином нашлась в кузове грузовика.

Обильно облили бензином танки, стоявшие рядом со стеной школы, и крыльцо. Потом бесшумно разошлись к указанным милиционером домам.

Взрыв первой гранаты, брошенной комиссаром в школу, послужил сигналом... Следом раздались взрывы ещё двух гранат, потом ещё и ещё, в суматоху и панику летели смертоносные гранаты. От взрывов школа вспыхнула, ярко осветив улицу и вместе с ней и танки. Противотанковую гранату комиссар бросил последней в объётое пламенем здание школы.

Разведчики бесшумно бросились старым путём на выход из деревни, и уже только в поле их удаляющиеся фигуры слабо осветило начинающее набирать силу пламя пожара. Из деревни доносились беспорядочная стрельба и крики.

Возбуждённые и весёлые, они прибежали к броневикам и товарищам, с тревогой ожидавшим их. Втиснувшись в тесное пространство бронированной машины и тяжело дыша, милиционер сказал: "Вот это, я вам скажу, умелая работа! Будут гады помнить нашу деревню!"

Захваченный паникой, ничего не понимая, что происходит, пулемётчик охранения немцев начал беспорядочно стрелять вдоль дороги и в сторону леса. Стало видно место этого пулемёта.

- Давайте, ребята, этим трусам дадим жара и с этой стороны.

- Вперёд на деревню! - Отдал команду комиссар.

Броневи́к на большой скорости помчался к деревне.

Пулемётчики, не слыша звука его мотора из-за беспорядочной стрельбы и шума, обнаружили его слишком поздно, когда он подъехал метров на сто и, включив фары, направленные на них, длинной пулемётной очередью опрокинул их тела на землю. Выскочив из-за крайней избы на улицу деревни, заполненную беспорядочно суетящимися, ничего не понимающими солдатами, и осветив их фарами, броневик свинцовой смертью своего пулемёта резанул длинной очередью по фашистам. Враги бежали панически, и только там, где пламя горящей школы ярко осветило улицу, чья-то командная рука слегка приостановила панику. Солдаты залегли и начали сначала неуверенно, а потом энергично вести стрельбу.

- Всё, ребята, пора домой, - сказал комиссар.

Броневи́к, медленно пятясь и продолжая поливать врагов

безжалостным пулемётным огнём, начал отход. Выскочив за деревню, шофёр резко затормозил.

- Что случилось?

- Я сейчас, - сказал водитель и метнулся к убитым немецким пулемётчикам.

С другой стороны к нему подбежал заряжающий.

Трофеями были пулемёт, два автомата и четыре немецких гранаты с длинными деревянными ручками.

- Больше ничего не забыл? - спросил комиссар, чуть улыбнувшись в темноте.

- Пока хватит, потом разберёмся, - как-то по-хозяйски ответил шофёр, как будто он собирался в районный центр по будничным делам - это увезти, а то привезти.

Броневи́к тронулся домой. Переполоху немцев продолжался. Въехав в близкий лес, включили фары и пошли на большой скорости. И как сигнал к благополучному выходу из боя и победы над врагом, лейтенант сказал:

- Сладкие сны, товарищ комиссар, мы им попортили основательно.

- Многим навеки, а остальным до утра.

- Это уж точно.

Потом заговорили все сразу, перебивая друг друга, смеясь совсем не смешным ещё час назад шуткам и открывая много новых деталей боя и победы.

- А один-то немец, - вдруг заливаясь смехом и с трудом выговаривая слова, говорил милиционер, - в подштанниках по-собачьи в канаву, а там крапива. Это уж я точно знаю, эту канаву. - И снова смеялись все.

Подъехали к мосту через речку.

- Ребята, мост надо сжечь, - сказал комиссар, - вдруг председатель не управится!

- Налей немного бензина, - сказал комиссар шофёру, выходя из броневика.

- Пошли, ребята, за валежником.

Вскоре на месте моста полыхал большой костёр, предназначенный для той же цели - сбить темп наступления немцев.

В деревне у правления в этот предрассветный час народу прибавилось. Все ждали возвращения комиссара, истечения тех двух часов, которые он отвёл до их новой встречи.

Председатель во главе толпы подошёл к броневикам.

- Как, сынки, дела? Что нового? - спросил он у комиссара, оглядывая также всех его спутников.

Из-за спины комиссара вышел милиционер и, похлопав по плечу опешившего от такой неожиданной встречи председателя, сказал, тоном знающего себе цену человека:

- У нас, Пал Степаныч, всё в норме. Сотни полторы немцев положили. Положили бы и больше, да у других медвежья болезнь открылась. Догонять было несподручно - машина буксовала.

В толпе негромко засмеялись.

- А ты-то, пужатель баб, как там оказался, - спросил его председатель.

- Я около деревни в лесочке ждал смелых людей, когда меня немцы из деревни оттеснили.

Сижу себе с наганом наготове и думаю, если не подойдут на помощь наши, штук 5-6 положу этих гадов, а потом уж, что будет!

- Так, выходит, ты вроде как фронт держал?

- Конечно! Только тут подросла машина товарища комиссара. И, - повысив голос и придав его интонации особую значимость, - используя мои разведанные, военный опыт товарища комиссара, и его личную храбрость и мужество, - комиссар подёргал его за рукав.

- Товарищ комиссар! Сейчас кончу, - умоляюще сказал он, а потом уже тише, - надо для дела.

- Да, его личную храбрость, мужество и отвагу и всех его подчинённых, мы одержали победу над ненавистным врагом, нанесли ему большой урон.

Только танков сожгли 3 штуки. А теперь бы нам поесть. Пал Степаныч, распорядился бы, - изменившимся голосом продолжал он. И уж совсем тише добавил. - Работа тяжёлая, не плохо бы и по рюмке, - и искоса взглянул на комиссара. Толпа одобрительно загудела.

Они и сами видели этот бой, скорее не бой, а его отзвуки. Как только броневик отъехал, председатель послал на колокольню двух подростков, как дозорных. А когда вспыхнуло пламя и послышались звуки стрельбы, сам влез туда и не слезал, пока не увидел блеснувший свет фар машины.

- Разные люди бывают. Надо иметь осторожку, — думал он, слезая с колокольни, уверовав в то, что комиссар говорил дело. И только теперь он распорядился насчёт коров, лошадей, хлеба и другого имущества.

Послал нарочных в соседние колхозы.

- Отец, - сказал комиссар, обращаясь к председателю, - а у тебя как дела? Распоряжения сделал?

- Сделал, сделал, сынок, - сказал он, помогая словам рукой.

- После этой ночи, немцы, думаю, задержатся на часок-другой, так что скорей всего они будут к обеду.

- Давай, отец, отойдём в сторонку, я кое-что тебе хочу показать. И, отойдя от толпы, основную массу которой составляли старики и подростки, он продолжал:

- Около вашей деревни скоро, наверное, пойдёт много наших солдат, попавших в окружение, лесами будут пробираться на восток. Было бы очень нужно поддержать их едой. В деревни им заходить будет опасно, поэтому выделите для них две-три коровы и хотя бы десяток мешков хлеба. Подбери для этого дела людей понадежней, которые не боятся идти в лес, умеют язык за зубами держать. Надо организовать там пункт питания людей и указать им наиболее безопасные маршруты движения. Вот в чём моя к тебе большая просьба. Хорошо было бы, если б тебе удалось подключить к этому делу людей из других колхозов. Думаю я, что скоро появятся у вас и партизаны. Им тоже нужно питание, сведения о немцах и их намерениях. Я хочу поручить вашему участковому организовать партизанский отряд. В деле парень показал себя очень хорошо. Смело действовал и со смыслом.

- Что ты думаешь по поводу моей просьбы и предложений?

- Предложение твоё правильное, а просьбу выполню.

- Сам-то ты куда пойдёшь, как немцы придут?

- А куда мне, сынок, идти? Председателем меня выбрали, как мужики на войну ушли, недель 6-7 всего будет; да и старый я. Может, удастся немцу мозги задурить. Не велика я фигура.

А если номер не удастся, то тоже нестрашно. Земля примет, если за народ идёшь.

- Хорошо говоришь, отец, спасибо тебе, - он крепко пожал его узловатую большую руку. - А теперь нам пора. Но мы скоро вернёмся с победой, отец. Крепись пока сам и поддерживай людей.

Комиссар говорил эти прощальные слова, направляясь к броневнику, и в этот момент к нему подошёл милиционер. - Товарищ комиссар, разрешите обратиться, - и, понизив голос, добавил, - но только тоже наедине.

Остановившись, комиссар сказал:

- Давай рассказывай, дорогой товарищ, что у тебя есть ещё.
- Я - белобилетчик, язва у меня, но немцы пол России прошли, возьмите меня с собой, тут, наверное, и белобилетчики пригодятся. И потом я - комсомолец. Да, комсомолец Сергей Завалюхин, младший сержант НКВД.

Комиссар ласково посмотрел на этого смелого парня и как-то тепло по-братски обнял его.

- Спасибо тебе, Сергей Завалюхин. Сегодня очень хорошо ты нам помог. Без тебя нам не удалось бы так здорово потрепать немцев такими малыми силами.

Комиссар, немного подумав, продолжал:

- Серёжа, у меня есть к тебе тоже одна просьба. Оставайся ты здесь, организуй партизанский отряд из окруженцев и хорошо известных тебе комсомольцев. Подними их на активную борьбу. Это у тебя получится. Сфера деятельности - железная дорога - большак. Ты знаешь местность, людей. Сегодня видел, что можно сделать внезапным налётом. Надо, чтобы у фашистов горела земля под ногами, тогда и нам на фронте будет легче. Здесь ты можешь сделать так много, как никто другой!

Потом комиссар говорил уже о том, что такое прорыв фронта, окружение, как надо подбирать в отряд, где выбирать базу, как добыть оружие.

- На эти дела я благословляю тебя как коммунист. И крестил я тебя в этом сегодняшнем бою, так что и как твой крёстный отец.

Потом, подойдя к броневика, взял оттуда немецкий автомат, запасные магазины к нему и две гранаты с длинными деревянными ручками и передал их ему, торжественно и просто сказав: "Будь осторожен, Сергей. Враг хитёр и коварен. Ты всегда должен быть хитрее его. В этом - залог победы". - И крепко пожал ему руку, и совсем тихо: "О твоём деле знает Пал Степаныч. Он обещал помочь тебе и с продовольствием, и делами. Ну, Серёжа, действуй!"

Экипаж броневика заканчивал обильный завтрак. Всё, чем богата крестьянская изба: хлеб, яйца, сало, молоко и прочая добрая пища, было горой наложено на покатоном корпусе броневика, служившего столом.

Комиссар, осмотрев быстрым взглядом эту походную застольницу, перевёл взгляд на женщин, стоящих рядом с ними и наперебой предлагавших именно свой продукт, и с увлажнившимся взглядом, слабо заметным в этот рассветный час, сказал:

- Спасибо вам, наши родные! Спасибо вам и за то, что преодолете вы беду, упавшую на нас всех, дождитесь нас и нашей с вами Победы. Спасибо!

- Да что там спасибо, сынки, - всхлипнув, сказала стоявшая рядом пожилая женщина. Ешьте на здоровье, и храни вас Господь!

С едой управились быстро. Комиссар допивал вторую кружку холодного из погреба молока, заканчивая еду.

Остатки пищи, которой можно было накормить ещё два десятка человек, завернули в большой узел и сунули через узкую дверь броневика прямо на колени комиссара, и вслед затем сухие губы пожилой женщины прижались к его небритой щеке, смочив горькой материнской слезой разлуки, шепча добрые слова напутствия.

Броневику уже скрылся за поворотом, а они стояли ещё тесной, скорбной и безмолвной кучкой, боясь нарушить это молчание, чтобы не забыть лица этих людей, шум их боевой машины, их слова, идущие от чистого сердца людей, принявших смертельный бой с лютым врагом Родины, частичкой которой были они сами с их деревней на старом большаке, полями, окружавшими её, и кудрявыми лесами, синевшими по горизонту. Эти леса прерывались кое-где, давая необъятный простор глазу, в котором где-то далеко-далеко эти поля, леса и деревни сливаются с небом как нечто единое и изначальное.

Налёт, совершённый группой комиссара на передовой батальон немецкого клина, изрядно потрёпанный в предыдущих боях и особенно тяжёлые потери, понесённые им в этом бою, были восприняты высшим штабом немецких войск как тревожный сигнал усиливающегося противодействия наших войск, т. е. потерю оперативного простора, где войска движутся, практически не встречая сопротивления противника. Поэтому с других участков фронта спешно снимались части, чтобы усилить группу, наступающую на Козельск - важный узел коммуникаций, где темп наступления немецких войск, по оценкам их штабов, был достаточно высок до вчерашнего дня. Но эта весть дошла до них только утром, когда, по их предположениям, передовой батальон должен быть снова на марше. Но пока командир полка связывался с командиром дивизии, а тот с корпусом, а потом обратно, минуты всё шли и шли, как ноги уставших солдат. Полк резервов уже не имел, не много их было и в дивизии... Однако усиленный танками батальон, поднятый по тревоге, спешно был направлен на смену остаткам батальона, понёсшего большие потери в офицерском и личном составе в этом скоротечном ночном бою.

Только к полудню немцы вышли из деревни с задачей к вечеру быть в Козельске. Ударный кулак клина был доведён до численности полного батальона и поддерживался ротой танков. Серо-зелёная змея немецкого клина выползла из леса и упёрлась в сожжённый комиссаром мост. Техника остановилась. Были вызваны сапёры, а пехотинцы, преодолев речку вброд, густой цепью залегли на её другом берегу как боевое охранение. Немцы осторожничали. Заметив на каланче недалёкой церкви людей, командир распорядился обстрелять её из танковых пушек. На притихшую деревню понеслись снаряды немецких пушек. Подростки, сидевшие на каланче по указанию председателя, горохом ссыпались с неё...

Восстановив мост и переправившись на другой берег, немцы плотными цепями под прикрытием огня танков двинулись на деревню. Деревня молчала. Пройдя деревню, немцы снова выстроились в походную колонну и двинулись дальше. Большак был пустынным, и движение колонны замедлялось только дорогой, сильно разбитой их же авиацией.

Командир батальона торопил передовой отряд. И так потеряно много времени с восстановлением моста, обстрелом церкви и наступлением на пустую деревню. Серо-зелёная змея немецкого клина ползла и ползла по этому чужому для них большаку, спускаясь в лощины, поднимаясь на пологие взгорки. В воздухе часто пролетали самолёты с крестами на крыльях, как бы говоря:

- Впереди никого нет, идите быстрее.

Она миновала перелесок и выползла на поле, густо усеянное побитой нашей техникой, темп её движения ещё больше замедлился из-за сильно разбитой дороги. Вот она вся выползла на это поле.

Солдаты врага весело делились впечатлениями от воздушных атак.

Передовой отряд мотоциклистов подъезжает к опушке спокойного леса, и вдруг спокойный лес заговорил. Кинжальный огонь пулемёта буквально скошил мотоциклистов. Другие пулемёты резанули по грузовикам с пехотой. Замаскированные пушки слева и справа от дороги открыли шквальный губительный огонь с близкой дистанции. Передний танк врага ринулся было вперёд, но тут же под его гусеницей сверкнуло яркое пламя взрыва мины. Немцы растерялись, не видя врага, который за какие-то мгновения подбил и поджог 6 танков. Танки развернулись и, круша уже разбитую технику, ринулись назад, ведя беспорядочный неприцельный огонь.

Грузовики и транспортёры заметались, пытаясь развернуться на узкой разбитой дороге. Сталкивались, застревали в воронках, и, когда артиллерия перенесла огонь на них, дорога вскоре превратилась в один большой костёр, вытянутый с запада на восток.

Передовой батальон фашистского клина отступил в беспорядке, подгоняемый частыми взрывами артиллерийских снарядов, посылаемых им вдогонку, возбуждёнными первой победой артиллеристами майора.

Столкнувшись с идущей за ними полковой колонной, приведённой в боевой порядок её командиром, хорошо слышавшим шум боя, потрепанный головной батальон срочно приводил себя в порядок.

Командир полка немцев вызвал авиацию, развернул артиллерию и миномёты. В сторону группы прикрытия понёсся плотный поток мин и снарядов. Прикрытие не отвечало на огонь врага.

А когда над лесом раздался знакомый ноющий гул немецких самолётов, по команде комиссара группа прикрытия отошла вглубь леса, оставив для наблюдения за немцами отдельных солдат и броневик, надёжно замаскированный у дороги, несколько дальше опушки леса.

Как только улетели самолёты врага, майор со своими артиллеристами бросился к орудиям. Пушки, к счастью, серьёзно не пострадали, но одно орудие было сильно засыпано землёй от близко взорвавшейся бомбы.

Немцы, видимо, поняли, что перед ними заслон, и решили сбить его фланги широкой атакой полка.

Теперь уже около двух десятков танков, рассредоточившись, медленно напоздали на группу прикрытия, за ними шли плотные цепи пехоты.

Пушки открыли огонь, обнаружив свои позиции. На них обрушился шквал снарядов танков и орудий немцев. В разных местах поля вспыхивали дымные костры немецких танков, но умолкали и наши пушки. Сначала умолкли сразу две слева от дороги, потом одна справа, и только последняя на обочине большака немного в глубине от опушки всё ещё посылала свои разящие снаряды в цепи врагов.

Немцы всё туже охватывали отряд.

Пора менять позицию, - подумал комиссар.

Над лесом взвилась красная ракета, потом ещё две. Комиссар видел, как потянулись цепочки солдат вглубь леса, неся раненых товарищей и оружие к укрытым за поворотом дороги машинам... Выпустив ещё раз длинную очередь из трофейного пулемёта в недалёкие цепи немцев и подхватив горячее тело пулемёта, он стремительным броском скрылся за спасительные деревья леса.

Он добежал до броневика и, постучав прикладом пулемёта в дверку, сказал высунувшемуся лейтенанту:

- Держись здесь, пока не появятся танки. Мы уходим.
- Есть, товарищ комиссар.

И уже отойдя метров на двести от броневика, он услышал за шумом боя басовитый голос его пулемёта.

- Надо торопиться, - подумал он.

Машины стояли с заведёнными моторами, погрузка людей и оружия закончилась.

Старший лейтенант доложил:

- Здоровых - 25, раненых - 10, пулемётов - 2, ваш - третий.
- Отряд готов к движению.

Выехав на дорогу, невидимые за её поворотом немцам грузовики рванулись вперёд, чтобы поредевший отряд прикрытия мог уцепиться за последний рубеж и там держать немцев до ночи. А их пока прикрывает орудие майора и зелёный броневик лейтенанта, вооружённый одним станковым пулемётом, да ещё одна узкая лента мин, хитро разбросанных сапёрами по большаку.

- Пора бы им уходить, - подумал комиссар, слушая гулкие выстрелы орудия.

А они не уходили и посылали снаряд за снарядом в сторону немцев, не давая им понять замысел наших войск, определить их численность и состав.

Хорошим хозяином был этот майор-артиллерист и артиллеристы тоже. Жалко ему было бросать исправное орудие и неизрасходованный боекомплект. Вот и указывал он своим артиллеристам новые цели, пока немецкий танк, прикрывшись подбитым танком, не поразил это маленькое зелёное орудие, умело установленное майором. Но и тогда, очнувшись после болевого шока смертельной раны, он слабеющей рукой навёл орудие на угловатую башню немецкого танка и выстрелил. Видел он, что попал и с выражением на лице большой

усталости упал на землю, чтобы навеки слиться с ней. А потом немцы ещё долго стреляли по этой мёртвой пушке, по мёртвому майору и его боевым товарищам, имён которых он так и не успел узнать, как не знали и они его. Но зато все они твёрдо знали, что их победа стоит целого полка, который будет бить немцев сильнее их, но с той же яростью и ненавистью, которым он уже обучен их примером. Об этом им расскажут шоферы и раненые, отосланные комиссаром в тыл и сама земля, хранившая долгие дни следы этого жестокого и неравного боя.

***

Экипаж броневика, который должен был вывезти из боя расчёт орудия майора, видел последние минуты этого сражения. Серо-зелёные мундиры немецких солдат снова появились на дороге. Пулемёт броневика ожил, прижимая их к земле. По его броне зацокали пули. Броневик рванулся к своим. Немецкий танк рванулся по шоссе на помощь своей пехоте и налетел на мину.

Сильный взрыв услышали в броневике.

Лейтенант сказал, обращаясь к водителю:

- Не торопись, браток, теперь они ещё долго будут возиться с этими игрушками в деревянных ящиках, а то ты нам все потроха уже растряс.

На взгорке за мостиком стояли комиссар со старшим лейтенантом, о чём-то оживлённо говоря.

- А где майор? - спросил комиссар у вышедшего из броневика лейтенанта.

- Там остался со своими пушкарями. Хотел сразу всех немцев положить, не сходя с места. На позиции ад крошечный - вся земля дыбом поднялась, а они всё палят и палят. От пушки не оторвать - пока их немцы не разнесли в клочья, - говорил лейтенант с каким-то злом и горечью в голосе. Потом, немного помолчав, добавил:

- Геройски погибли ребята, - и, уже волнуясь и торопясь, рассказал подробно картину их гибели.

- Что ж, товарищи, будем мстить этим гадам и за них!

- Вечная им память, сказал комиссар и снял фуражку.

Остальные последовали его примеру.

На втором засадном рубеже шла длительная подготовка к обороне. Сапёры устанавливали мины на мосту и вокруг него.

Комиссар со старшим лейтенантом обошли позиции группы. Места для пулемётов определили, прикидывая возможные направления атаки немцев, распределили патроны, гранаты. Их было мало. Броневик, как и раньше, отвели в тыл, чтобы использовать для прикрытия отхода группы. Позицию тщательно замаскировали, выставили наблюдателей, договорились о сигналах.

Нашлось время перекусить.

Солнце уже клонилось к закату. Длинные тени деревьев укрыли взгорок. Немцев не было слышно. Все повеселели.

Но немцы шли снова. Их торопил строгий приказ высшего командования. Гул моторов и лязг гусениц нарастал, а до темноты было ещё 1,5-2 часа. Их-то и надо было вырвать у врага.

Теперь колонну немцев возглавляли танки. Они шли с закрытыми люками. Не снижая скорости, первый танк устремился на мост через речку. И едва его гусеницы коснулись настила моста, как страшная сила взрыва, до времени укрытая в деревянных ящиках, вздыбила его, разметала мост и бросила потом его, лишённого опоры, с насыпи вниз во взмученные взрывами воды речки. С детониравшие в танке снаряды отбросили башню танка и разворотили его чёрное чрево... Пламя охватило металлические останки. Колонна замерла. Танки открыли беспорядочный огонь из пушек и пулемётов по лесу, окружавшему их, по дороге, уходящей на взгорок из невидимой им низины, по самому молчаливому взгорку, красиво нависшему над низменной долиной речки. Ответных выстрелов не было.

Пехота немцев под властными окриками командиров цепью двинулась к речке вдоль дороги. Стрельба с танков затихла. Болото поджимало их к дороге, где цепи всё уплотнялись и уплотнялись.

В наступившей тишине кто-то в лесу на другом берегу речки коротко и громко свистнул, и сразу берег ожил. Пулемётные очереди и громкие хлопки винтовочных выстрелов настигали и валили на землю солдат врага.

Танковые башни немцев нервно задвигались, ища цели. На пригорок понеслись снаряды, танковые пулемёты открыли бешеный огонь. Уцелевшие немецкие солдаты поливали огнём из автоматов пригорок, укрывшись за танками. Пригорок снова замер, а немцы всё стреляли и стреляли по нему, взрывая многовековой дёрн его зелёных склонов, валя и срубая деревья, буйно разросшиеся на нём.

Окопы, умело отрытые сапёрами, хотя и неполного профиля, защищали солдат от этого губительного огня, но смерть всё чаще находила свои жертвы и среди них, укрытых серой подзолистой землёй леса, веками стоявшего здесь и знавшего только бури непогоды.

А когда крутой берег был перепахан снарядами и стал серым, из-за поворота дороги появились новые густые цепи пехоты врага, широким фронтомдвигающиеся по поляне, болоту и лесу, охватывая позицию отряда прикрытия. Не видя цели, танки постепенно перестали стрелять.

Люди отряда прикрытия, оглушённые бесконечными взрывами, полузасыпанные землёй, начали выбираться из своих укрытий, осматриваться, окликать соседей. Комиссар во время артналёта находился в центре позиции у дороги. Старший лейтенант - на левом фланге, несколько заглублённым в лес. Он-то и подал команду на отражение атаки. Раздались резкие винтовочные выстрелы, и потом, перекрывая их, заговорил пулемёт с левого фланга. Цепь врагов заметалась, ища укрытие, но, поднимаемая властными окриками офицеров, ускоренным шагом шла и шла на сближение под непрерывный треск автоматов. Комиссар и солдат Вася торопливо очищали пулемёт от земли и грязи. Наконец, проверив всё, выставили пулемёт на разрушенный бруствер. Комиссар точными расчётливыми очередями начал поливать огнём цепи врагов. Танковые пушки немцев открыли ответный яростный огонь.

- Меняем позицию, - быстро бросил комиссар и, схватив пулемёт, пополз с ним по полуразрушенной траншее. В метрах десяти от старой позиции они снова установили пулемёт - и опять падали и металась фашистские солдаты в поредевшей цепи от меткого огня. Земля встала дыбом на этом невинном взгорке, а они всё косили и косили врагов. Умолк пулемёт старшего лейтенанта. Они снова нырнули в траншею и, перебежав на прежнее место, повели огонь. Немцы уже были близко, и кинжальный огонь пулемёта валил их десятками.

- Вася, - сказал комиссар, - остаёшься один, я к старшему лейтенанту, узнаю, что с пулемётом. Стреляй наверняка.

- Есть, товарищ комиссар!

В траншее почти не осталось людей. Проползая мимо редких её защитников, комиссар давал короткие советы или просто ободрял. - Держись, браток!

В пулемёт старшего лейтенанта было прямое попадание снаряда, и уже мёртвых их разили и разили новые взрывы, укрыв тела родимой землёй.

Пулемёт Васи вдруг умолк. Комиссар это сразу уловил среди грохота боя. Немцы заходили во фланг. Их фигуры часто мелькали среди деревьев. Темп их движения ускорился, и вот они уже с криками приближались к речке.

- Гранаты к бою, - срывающимся голосом крикнул он и бросился назад.

Сам он далеко бросил одну за другой две гранаты. Ещё три гранаты упали перед цепью немцев.

Уцелевшие немцы залегли, готовясь к новому рывку.

Пулемётчик Василий, опрокинутый пулей врага, лежал навзничь, широко раскинув руки. На лице у него застыло выражение сосредоточенного недоумения. - Кто это так глупо шутит в таком суровом деле, - казалось, хотел сказать этот храбрый парень, по воле врага оторванный от своих многочисленных дел, став солдатом.

Горячей кровью ударила в сердце комиссара ненависть к врагу за эту ещё одну отнятую жизнь. И тогда, схватив в руки пулемёт, он крикнул: "Вперёд, товарищи! За мной!" - И, выскочив на пригорок, он резанул длинной очередью из пулемёта в густые цепи врага. И так он шёл, разя и разя их, со стиснутыми до желваков зубами, и его серые глаза горели такой ненавистью, что немцы, видевшие его близко, начали пятиться от него, как от гневного Духа этого разбуженного ими леса, несущего в руках смертельно разящую кару, плюющую им в лицо огонь ненависти, искрами которого суждено быть Вечным огнём памяти верных сынов Родины.

Он почти уже сошёл с бугра, когда сразу несколько автоматных очередей резанули его крепкое тело, каждая из которых была смертельной.

Эти десятки смертельных жал ещё не убили его волю. Она ещё двинула его вперёд на один шаг, а потом уже падающего толкнула на врагов, как приказал он ей сам.

Взгорок молчал. Стрельба стихла. Опасливо косясь, немцы обходили стороной его мёртвое тело, поражённые невиданным ими примером беззаветного героизма.

Серой невидимкой пополз в их души страх перед народом, на который они пошли войной, и этот страх вселил им русский солдат с красной звездой на рукаве - последний защитник лесного рубежа на берегу безымянного ручья.

***

Большая группа немецких солдат вышла на дорогу. Светлой лентой она уходила в неведомые и опасные дали чужой страны. Со всех сторон их окружал начинающий темнеть притихший лес, утративший теперь багряную осеннюю расцветку, как будто он надел траурный наряд по погибшим сынам своей земли. Лес тоже пугал немцев, и они всё шли и шли к дороге.

Броневи́к был укрыт комиссаром в двухстах метрах от рубежа отряда прикрытия. Экипаж его видел этот последний бой отряда и смерть комиссара. Но строгий приказ его - прикрыть отход отряда - держал его на месте. Теперь экипаж понял, что настала его пора выполнять приказ комиссара. Плотные толпы немцев лейтенант резанул длинной пулемётной очередью, и, сотрясаясь от высоких оборотов двигателя, броневи́к рванулся на врагов.

Не паника, а дикий ужас охватил эту толпу. Под ногой одного из бегущих солдат взорвалась противотанковая мина, поставленная на взгорке, что усилило смятение врага. А броневи́к, включив фары, всё поливал и поливал эту толпу огнём, наезжая на них стремительно и страшно. Они били и били врагов, устилая их телами придорожную канаву и саму дорогу, цедя сквозь зубы страшные слова угрозы и ненависти. Лейтенант, сжимая тёплые рукоятки пулемёта, всё говорил и говорил одни и те же слова: - "И это вам за комиссара!" - и снова после длинной пулемётной очереди: - "И это вам за комиссара!"

А немцы бежали через речку, бежали по дороге, но не бежали в лес. Их было много, и их трупы плотно устилали дорогу перед броневи́ком.

- Вперёд, ребята, бей их, гадов, - кричал водитель в азарте боя. Двести метров, отделявших их от взгорка, они пронеслись как в одно мгновение жажды мщения. И вот они уже крушат врагов, бегущих через ручей, к своим. И в этот момент яркая вспышка света затормозила их ход. Несколько снарядов немецких танковых пушек, разорвав слабую броню машины, поразили его героический экипаж. А потом они стреляли в него до, тех пор, пока очередной взрыв не бросил его пылающие остатки на землю.

Что ещё готовит этот чудовищный лес, обескровивший целый фашистский моторизованный полк? - Задавали себе вопрос немцы. И, не убрав трупы своих солдат, но выставив сильное передовое охранение, немцы повернули назад, так и не выполнив приказ высшего командования.

***

А матери и жёны солдат этого отряда всё ждали и ждали от них вестей. Ждали, когда к соседям всё чаще и чаще приходили похоронки, со словами "геройски погиб ...", и в голос кричали они, боль свою и горечь потери деля со своей округой. А им, матерям и жёнам без вести пропавших, не давалось и этого слабого утешения, кроме безнадежного ожидания. Они несли молча эту скорбную долю неизвестности, когда читали о героях, смотрели кино о них или слушали рассказы очевидцев, когда смотрели на обелиски и памятники, когда видели их живыми, окружёнными всеобщей любовью и вниманием. Эта доля продолжала их давить и к старости, когда любознательные внуки, указывая на пожелтевшие фотографии молодых людей, почему-то не модно одетых, засыпали их вопросами: - "кто, где, когда, как, почему", - и умолкали, притихшие и слегка обиженные за дядю, деда или отца, который пропал без вести и даже не погиб. ...,"особенно если геройски, как, например, у Вовки..."

Но они всё-таки их ждали и ждали до последнего своего вздоха, вопреки смыслу и разуму, руководствуясь только неугасающим чувством да ещё, может быть, некоторой досадой на судьбу за такую "милостивую" несправедливость, размазавшую комком горя тонким слоем на всю жизнь.

***

Вдумываясь в красивые слова "Никто не забыт, ничто не забыто!", острее понимаешь, что минувшая война хранит втайне ещё такие свидетельства силы духа сынов нашей Родины, которые немеркнущими маяками должны сиять века.

СВЕТ ИСТИНЫ

Я берусь за перо, над которым кроме истины ничего не довлеет. Истина всегда требует труда, и об этом предупреждали, этому учили наши мудрые предки. Они еще требовали "нести свет истины живущим", вырубая этот завет на нетленных каменных скрижалях, чтобы дошел до далеких потомков этот их изыск, который они считали превыше всего и дороже всего.

Они, как добрые родители, заботились о своих потомках - о нас с вами, указывая правильное направление деятельности, чтобы повысить эффективность наших усилий по достижению благоденствия и нравственного благополучия.

У меня были разные учителя, но только один учил нас, молодых, поискам истины через новые идеи и новые технологии. И мы искали. Он внимательно читал наши труды, всегда находил натяжки - слабые места, указывал на них и советовал подумать, как усилить доказательность избранного объяснения - значит, как приблизится к истине. Это закладывало метод и характер исследователя на всю жизнь. А свет Истины, как свет в ночи одинокого оконца или костра, манит и манит к себе своей разрешенной загадкой, так долго не дававшей покоя мысли своими сомнениями.

Я специально не называю имя этого Учителя, благоговейно хранимое в памяти только небольшого круга специалистов в области очень высокой технологии, чтобы не споткнуться о вопрос: " - А кто это?"

В сущности, очень обидный вопрос для человека такого озарения, так много сделавшего в физике и технике.

Путь к истинам лежит через идеи. Они многообразны.

Идеи, которые оседают на запятках жизни, смешиваются с прахом не мощных дорог истории и гибнут бесследно в круговерти безразличия.

Идеи, которые помогают жизни людей двигаться в правильном направлении, рано или поздно прорвутся к жизни и, овладев сознанием людей, станут материальной силой.

Я берусь за перо, когда свет истины ясно освещает бумагу, на которой предстоит начертать только истину, свободную от всех давлений и обязательств и так, чтобы ее свет дошел до живущих.

Это верно, что все остается людям, но верно и то, что не все доходит до людей.

С пожеланием лучшего пойдём и пойдём на свет Истины.

Теперь о начале войны

Войны всегда готовятся в тайне. Начало Второй мировой войны для нас сложилось трудно.

Агрессор достиг стратегической внезапности, т. е. застал армию в состоянии перевооружения и развертывания основных сил.

Внезапность для агрессоров с давних пор была хорошей помощницей.

Предки современных агрессоров тихо подкрадывались на своих ялах-лодках к мирным приморским городам и внезапно... Потом шел грабеж. Бандитское действие - присвоение чужого.

У бандитов были разные лозунги для единения, сплочения своих шаяк от "спасения гроба Христа", "отмщения за..." до "нового порядка" и "за свободу и демократию". Но почерк оставался один со стародавних времен - силой взять чужое.

Та Вторая мировая война ничем не отличалась от своих предшественниц. Немцы шли воевать за хлеб и сало. Захватив наши земли, они сразу же поселяли на них своих крестьян. Им были нужны нефть и газ, железо и никель. Нужны им были наш Крым, Украина и Кавказ, белая рыба и черная икра Каспия. Им было нужно все, вместе с рабами, которые будут у них в услужении.

Конечно, им был нужен и лозунг борьбы с коммунизмом. Потому что коммунизм отрицал капитализм как бандитское воровское социальное устройство. Коммунизм отрицает частную собственность - "священную" при капитализме и утверждает, что это именно она и есть первопричина всех несправедливостей и бед для людей, в том числе и войны.

Коммунизм выдумал не Карл Маркс. Лучшие люди земли все время и во все времена искали справедливую форму социального устройства общества, и все они видели первопричину социальной несправедливости в частной собственности.

Это великий мудрец древней Греции Платон учил: "Хочешь создать государство Справедливости - уничтожь частную собственность".

Великий мученик застенков инквизиции Кампанелла выносил и сберег для своих потомков эту же простую и верную мысль о создании справедливого общества.

Маркс лишь вскрыл каналы воровства капиталистов, включая обман трудящихся, и тем старую идею социальной справедливости поставил на экономические ноги.

Для нас же становится ясно, что при капитализме войны неистребимы, и все они идут за рынки, за чужое богатство.

Войны человечество истребит из своего бытия, лишь уничтожив частную собственность, а с ней и капитализм.

И.В. Сталин, как большой марксист, хорошо знал и понимал природу капитализма и его неистребимую и неумную жадность, порождающую войны - захват силой чужих богатств.

Он неуклонно готовил страну к этому суровому испытанию, проводя индустриализацию и коллективизацию страны. За крохотный срок страна подготовилась к войне и морально, и экономически, и технически.

Надо отметить еще и тот факт, что перестройку экономики страны партия и Сталин проводили, опираясь на кадры старой дворянской интеллигенции.

Крестьянам и рабочим царская Россия запрещала учиться в высших и средних учебных заведениях. Только церковно-приходская 3-классная школа была создана для этих сословий. А чтобы выучить инженера, требуется 15 лет.

Но революция и последующая деятельность коммунистов пришлась по душе и дворянам России. Их много было среди революционеров, многие пошли строить коммунизм. Это есть поистине вдохновляющее дело, которое Человечество все равно решит.

"Крот истории роет и роет в верном направлении" - учил Маркс. И это правильно.

А мы идем искать хорошо скрываемую истину наших неудач в начале Великой Отечественной войны.

Слаб человек. Боится он света истины, особенно когда этот свет освещает пышный мундир с невыгодной стороны. И, упрятав совесть, он начинает врать. Честный и

правильный человек своим потомкам врать не станет. Получается, что "нести свет истины живущим" дело нелегкое и требует мужества и крепкой воли. Так-то вот, брат.

Мы и они

Война - дело суровое и ответственное. Она тщательно планируется в штабах и министерствах. Считается, что для победы хороши все средства.

Начиная с нами войну в 1941 г., немцы учитывали все наши слабости и недостатки. Они знали, каким вооружением снабжал нашу армию Тухачевский. Все, что было сделано им по вооружению, полностью не выдержало проверку войной. Его вредительская деятельность оставила армию без танков, самолетов, связи, особенно радиосвязи, хорошей артиллерии и автоматического стрелкового оружия, которое массово начало выпускаться только в 1940 г.

Четыре предвоенных года были направлены на устранение, хотя бы частично, этого провала.

За это время были созданы новые системы вооружения, но вооружить ими армию не хватило времени.

Немцы учитывали и это.

Они учитывали, что солдат надо кормить и заготавливали впрок и хлеб, и мясо, и масло. Потому немецкие солдаты осенью 1941-го года в Смоленской области ели бутерброды (хлеб с маслом), хлеб для которых был припасен еще в 1937-м году.

Также обстояло дело с вооружением.

Конструирование их прославленного истребителя "Мессершмидт-109" было начато в 1934 г., а в следующем году он уже был поднят в воздух. Все другие типы самолетов немцы уже имели к 1938 г. и предвоенное время использовали только для увеличения их численности и обучения летчиков сложному делу пилотирования самолета в боевых условиях.

Также обстояло дело и с танками.

Их танк Т-IV был запущен в производство в 1934 г. и провоевал всю войну с малыми изменениями.

А наша промышленность по указанию Тухачевского тысячами выпускала легкие танки, для уничтожения которых каждый немецкий солдат имел две обоймы патронов к винтовке с бронебойными пулями. А тяжелые (54 тонны) 5-башенные танки не могли преодолеть и малого пригорка.

Также "прославленный маршал" оснащал армию и всем остальным. Например, истребитель И-16, у которого броня начиналась и кончалась спинкой сиденья летчика (броневой лист 10 мм толщины), был разработан в 1934 г., а в 1940 г. он уже устарел. В сущности, он устарел еще и раньше, когда в Испании уже в 1936 году их поголовно начали сбивать немцы на своих "Ме-109".

Стратеги Гитлера многое смогли предусмотреть, но многого и не учли. Комиссаров немцы в плен не брали. Их расстреливали на месте. Они понимали, что пропаганда - это тоже оружие. Но никакая пропаганда не станет оружием, если она опирается на ложь.

Я помню солдата, остановившегося у нас на ночлег в прифронтовой полосе вместе с другими воинами, который рассказывал о своем колхозе. Он говорил много, но одно я запомнил в то трудное время очень точно: "У нас на трудодень давали по восемь килограммов хлеба!" (В нашем колхозе давали по 4 кг на трудодень.)

С таким хлебом крестьянин имел вдоволь сала, мяса и яиц. Он был обут в добротные сапоги, а зимой в валенки. Была у него удобная одежда для работы и нарядная для праздников. И дети его не мерзли под холодными осенними дождями у стада коров, а познавали науки в теплых светлых классах школ и аудиториях институтов. Его не надо было агитировать за советскую власть, призывать любить свою родину, свой народ. Он был доволен новой жизнью, которую обустроила ему Советская власть. У него было много друзей, родных и близких, верных и надежных, которых он любил. И в той суровой фронтовой жизни он был опять среди друзей. Сейчас они были рядом на мягкой свежей соломе, постеленной на пол для ночлега в теплой горнице гостеприимной хозяйки, которая уже с утра растопила печь и сооружает им - солдатам - завтрак из своих небогатых запасов.

И пусть это будет картошка, заправленная зажаренным луком на сале, и квашеная капуста, но и этот завтрак, приготовленный пожилой женщиной, тоже агитировал их за победу над лютым врагом.

Эти люди, утомленные длительным переходом, спали на соломе в нашем доме, знали, за что воюют, и воевали так, как не могли воевать немцы, пришедшие сюда за богатством, пришедшие сюда грабить наш народ.

А.Н. Первушин в книге "Дороги, которые мы не выбираем" (М.: ДОСААФ, 1974. - С. 109) рассказывает об одном из таких боев, прошедшем на глазах очень большого числа людей, потому что это был воздушный бой в небе около Керчи осенью 1941 г.

"Летчики дрались отчаянно, лихо и, я бы сказал, красиво. Я хорошо помню один из таких боев. Группа в двадцать "юнкерсов" шла на очередную бомбежку наших позиций. И когда они уже были готовы сделать боевой разворот, из-за облаков вынырнули три наших истребителя. Набрав высоту, смело ринулись они на фашистов. Атака - и два "юнкерса", дымя, рухнули в море. Истребители снова набрали высоту. Но тут, откуда ни возьмись, прямо в лоб им - два "мессершмидта". Кутерьма - трудно что-либо разобрать, - где свои, где чужие. Но это лишь одно мгновение. А потом видим: один "ястребок" отвалил от своих и повел за собой "мессеров", а два других, воспользовавшись маневром товарища, вновь атаковали бомбардировщиков. Еще один "юнкере" объят пламенем. По окопам разносится громовое "ура!" Но уже в следующую секунду вырывается наш стон: у того "ястребка", что отвлек "мессеров", горит левая плоскость. Мы это отлично видим. Видит, конечно, и сам летчик. Сейчас должен выброститься из машины. Но нет. Оставляя в небе черную полосу дыма, он молнией летит на строй "юнкерсов". Яркая вспышка - и "ястребок", а вместе с ним и ведущий тройку вражеский бомбардировщик, разваливаются. Жалость сжимает наше сердце. Какой ты был, дорогой наш Сокол? Хоть бы краешком глаза посмотреть на тебя... А над нами горят еще два "юнкерса". Остальные поворачивают, сбрасывают кто куда бомбы и удирают восвояси. ...С небывалым упорством мы отстаивали в тот день наши позиции. Смерть героя упрямо звала нас на новые свершения..."

Таких подвигов немцы не совершали и не могли совершить по своему мировоззрению. А наш народ видел заботу своей власти о себе. Он хорошо знал нужду, от которой он был избавлен. И заботу эту высоко ценил, защищая эту власть самоотверженно и беззаветно. У того солдата, что под Минском у моста через речку сжег три немецких танка бутылками с бензином, не было рядом командиров и комиссаров. Но он знал, за что воюет, и воевал умело, мужественно и самоотверженно. Он воевал и отстаивал свою хорошую жизнь. Он воевал за друзей, братьев по оружию, защищая их от врагов, как и тот летчик над Керчью, что на подбитом самолете не искал место для посадки или место, куда можно приземлиться с парашютом, а таранил немецкий бомбардировщик, готовившийся сбросить свой смертельный груз на головы наших солдат, и тем самым ценой своей жизни спас жизни многих своих воинов.

Это были подвиги героев. Они отдавали свои жизни за победу над врагом. Общим врагом их страны, их народа.

***

Как враги немцы были особенно опасны еще и потому, что возглавлял это государство хитрый, беспринципный политик, для которого и ложь была эффективным оружием. Но не только эти стороны его деятельности следует здесь отметить. Придя к власти, он быстро избавил народ от безработицы, обеспечив привлечение больших американских капиталов для восстановления и развития промышленности, дорог, сельского хозяйства. Заметно и быстро поднялся уровень жизни народа. Все это создало ему огромный авторитет и сделало вождем (фюрером) нации. Этим политиком был Гитлер.

Пугая Англию и Францию большевистской угрозой, он присоединил к Германии сначала Австрию, потом Судетскую область Чехии, а немного спустя и саму Чехию. А уже, опять же с благословения Англии и Франции, в сентябре 1939 г. он оккупировал свою союзницу по захвату Чехии Польшу.

Поскольку этот захват выводил Германию прямо к нашим границам, Гитлер был вынужден поклясться Сталину в том, что он хочет только мира и дружбы и отдать своих мелких союзников в Прибалтике, а в Румынии - Молдавию, в сферу наших интересов.

События развивались так.

После нападения на Польшу 1-го сентября 1939 г., Англия и Франция, связанные с Польшей договором о взаимопомощи, объявили Германии войну. Эта война вошла в историю как странная война.

Странность этой войны состояла в том, что, выдвинув свои войска к границам Германии, они не предпринимали совершенно никаких активных военных действий.

На аэродромах мирно стояли военные самолеты. Они не делали налетов на военные объекты Германии.

Молчали пушки и пулеметы. Тихо стояли танки и боевые корабли.

Войну-то Германии правители Англии и Франции объявили, а воевать они не хотели. Их сокровенным желанием была война Германии против СССР.

Но надо понять и Гитлера. Не мог он начинать войну против СССР, имея на своих западных границах отмобилизованные армии французов и англичан, по боевой мощности равной армии немцев.

В случае войны Германии с СССР армии французов и англичан в любой момент могли нанести решающий удар по Германии с запада и взять ее под свой контроль. Гитлер же стремился к мировому господству. И такой оборот дела не входил в его планы, тем более что он легко просматривался.

Потому, защитив себя с востока пактом о ненападении с СССР и всячески задоблив материально и морально наше государство, Гитлер 10 мая 1940 года наносит мощный удар по войскам союзников (Англия и Франция) через территории Бельгии и Голландии, в обход линии Мажино, и устремляется на Париж.

Экспедиционный корпус англичан бежит к Дюнкерку и, бросая технику, частично эвакуируется в любимую Англию, а французы, окруженные в тылах линии Мажино и севера Франции, воевать не хотят, что и подтвердил маршал Петен, в июне 1940 г. в Булонском лесу Парижа подписав акт о безоговорочной капитуляции в том самом вагоне, в котором немцы в 1918-м году подписали акт о своем поражении.

Как и во всякой войне, здесь переплелись и героические дела, и трагедии, но потом, после окончательной победы во Второй Мировой войне, народ Франции посчитал маршала Петена предателем и повесил этого героя Первой Мировой войны за то, что он не организовал должного сопротивления своих войск агрессору, ввергшего страну и народ в жестокие испытания и лишения.

Можно говорить о чем угодно, но этот пакт о ненападении с Германией уничтожал на наших западных границах хотя и мелкие, но агрессивно и профашистски настроенные режимы. Одна Польша была готова бросить против нас пятьдесят дивизий и 800 танков. Акт отодвинул нашу границу на запад на 300-500 километров. А эти километры потом в 1941-м году немцам обошлись потерей двух месяцев времени, половиной танков и самолетов, большими потерями в живой силе и ее морального духа.

Переоценить эту большую дипломатическую победу невозможно. Кроме того, немцы оснастили нашу промышленность оборудованием для нескольких заводов, поделились новинками своей военной техники и дали нам два года времени для перевооружения армии.

Наше правительство рассчитывало на более длительный срок действия пакта о ненападении, но вместо затяжной войны с Францией и Англией немцы молниеносно нанесли их объединенным силам сокрушительное поражение.

Так же успешно прошла Балканская операция немцев.

Небольшой сбой произошел лишь в Югославии, где немцам не удалось подавить сопротивление патриотически настроенной части военных, которые во главе с И.Б. Тито после активного сопротивления немцам перешли к партизанским действиям.

Это было уже в мае 1941 г.

Гитлеру еще предстояло перебросить свои войска к нашим границам, пополнить их боеприпасами и техникой, дать войскам передышку.

Срок готовности им был установлен 21 июня 1941 г.

Таким образом, вся западная Европа, зараженная фашизмом, теперь оказалась под его властью. Фашистские режимы были в Испании, Италии, Венгрии, Румынии. Все остальные государства стали протекторатами "Великой Германии".

Капиталистический мир западной Европы, до этого изобретший колониализм, изобрел теперь и фашизм как развитие колониализма, который расцвел концлагерями, геноцидом, сверхчеловеками-арийцами, рабством, делением людей на сорта и жестокими войнами за мировое господство "нации господ" - немцев.

На службу войне были поставлены идеология, промышленность и сельское хозяйство западной Европы, ее людские ресурсы, таланты инженеров и ученых, богатство ее недр. Тотальное - всеобщее собрание всех сил и средств.

СОДЕРЖАНИЕ

События первой половины XX века	3
История и генералы	7
Северо-западный фронт, генерал И.Д. Черняховский	16
Западный фронт, Белорусский Особый военный округ	21
Юго-западный фронт	39
Героями не рождаются	42
"Воюют не числом..."	50
Без вести пропавший	61
Свет истины	91

ЛИХА БЕДА... О героизме и предательстве в первые дни войны 1941-1945 гг.

Анатолий Андреевич ЛУЧИН

Редактор С.Н. Удалова Компьютерная верстка Е. Седовой, С. Удалова Обложка С. Удалова

Лицензия ЛР №064741 Подписано в печать 12.04.04 Формат 84x108/32 Печ. л. 6
Печать офсетная Тираж 1000 экз. Заказ № Издательство «Белые альвы» 109542 Москва, а/я
82, С.Н. Удаловой Тел./факс (095) 235-8797,377-7453 E-mail: lebedy@online.ru Отпечатано с
готовых диапозитивов в типографии "Серебряная нить" г. Калуга

Интерес к делам героическим вечен. Мы помним героев древности и более близкого времени. Они яркими негасимыми звездами сияют на небосводе нашей памяти, до сих пор даря нам чувство гордости за человечество и немного за себя. Герои прошедшей войны требуют не только восхищения, но и защиты. От тех, кто и тогда и теперь не желает нашему народу ни счастья, ни славы, заботясь лишь о своем благополучии. В этом состоит наш гражданский долг перед ними.

Эта книга о самых трудных днях войны - ее начале. Об этом периоде написано много лживого, в том числе о «внезапном нападении немцев». На деле все было иначе. Внезапности не было! Войска всех округов и флотов были приведены в боевую готовность приказом Наркома обороны, кроме Белорусского Особого военного округа из-за предательства ее командующего генерала Павлова. Разгром центрального фронта создал немцам благоприятные условия ведения войны летом и осенью 1941 г. Но и тогда верные присяге и Родине воины и многие соединения показали и силу нашего оружия, и героический дух народа. Им, героям начала войны от севера до юга, посвящена эта книга.

I SEN 5 7 6 19 0 181- 1

9 7 8 5 7 6 1 9 0 18 10